
ГЕОРГИЙ ТАРТАЧЁВ
ОСКОЛКИ КОРОН
КНИГА ПЕРВАЯ
АРДЕН
18+

Георгий Тартачев

Осколки корон.
Книга первая: Арден

«Автор»
2026

Тартачев Г.

Осколки корон. Книга первая: Арден / Г. Тартачев — «Автор», 2026

Багровая Луна появилась над миром задолго до того, как люди поняли, что она означает.Сначала перемены были почти незаметны. Странные болезни, исчезновения, слухи о существах, которых прежде никто не видел. Потом начали меняться сами люди. А вслед за ними — земли, города и всё, что веками казалось незыблемым.Арден не собирался становиться героем. Он хотел выжить, сохранить тех, кто оказался рядом, и разобраться в происходящем. Но чем дальше заводит его дорога, тем яснее становится: прежнего мира уже не вернуть.Впереди его ждут встречи, которые изменят его жизнь, враги, которых невозможно победить одним мечом, и решения, за которые придётся расплачиваться не только кровью.Здесь у каждого есть своё прошлое, свои причины сражаться и то, что он боится потерять.И далеко не всем суждено дойти до конца.

© Тартачев Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Чёрный рассвет 6
Часть первая. Дорога в Скайдейл 19
Глава 1. Козий перевал 20
Глава 2. Вода у переправы 32
Глава 3. Мастер из Келлена 43
Глава 4. Вальбрег 56
Глава 5. Большая половина 65
Глава 6. Ульфур 73
Глава 7. Небесный мост 93
Часть вторая. Город, в котором остаются 104
Глава 8. Старый грифон 104
Глава 9. Меч Бернара 116
Глава 10. Старое дерево 130
Глава 11. Мара Тилль 150
Глава 12. Перечёркнутый пункт 167
Глава 13. Под соляными складами 180
Глава 14. Чужой ордер 194
Глава 15. Леса Кра’мала 206
Глава 16. Домой к Маре 221
Глава 17. Северный свод 232
Конец ознакомительного фрагмента. 241

Георгий Тартачев
Осколки корон. Книга первая: Арден

Пролог. Чёрный рассвет

Меридиан · Конец Первой эпохи

На мосту перед дворцовыми воротами уже дрались. Дэйвон видел оттуда восточный склон, где ещё утром стоял его резерв: теперь над брошенными палатками поднимались чужие знамёна. Между городом и рекой горели обозы. Королевская пехота отступала к стенам, и никто из прибежавших с поля не мог объяснить, как неприятель оказался у неё за спиной.

Капитан Ульм держал середину моста. Слева от него трое раненых пытались втиснуться в узкую калитку; справа под натиском чужих щитов пятились последние копейщики. Дэйвон велел Керру прикрыть их со стены и спустился по ступеням.

— Государь, назад! — крикнул Ульм.

След показал Дэйвону, что случится через несколько мгновений: Ульм примет удар на щит, щитоносец зацепит его ногу, а копейщик из второго ряда добьёт упавшего. Король разрезал Грань и шагнул в синий просвет. Выйдя между капитаном и чужим остриём, он отвёл копьё и рассёк горло человеку за щитом.

Ульм удержался на ногах. Король прикрыл его, пока тот подбирал раненого копейщика. Враги напирали, не давая отступить; поверх щитов покачивалось белое знамя. Знаменосец стоял у парапета, за плечом переднего ряда. Дэйвон открыл проход слева от себя и вышел рядом с ним. Тот успел развернуться и вскинул щит, прижавшись спиной к каменным перилам.

— Опусти, — приказал король.

От Гласа чужая рука дрогнула и подчинилась. Человек ещё пытался поднять щит, когда Дэйвон ударил его под подбородок. Упавшее древко перегородило мост. Копейщик из второго ряда споткнулся о него и налетел на спину своего щитоносца. Ульм ударил щитом в открывшийся промежуток; его люди подхватили натиск. Дэйвон отступил вдоль парапета, отбил копьё, нацеленное ему в спину, и вернулся к капитану. Неприятеля удалось оттеснить на несколько шагов, а раненого уже тащили к калитке.

Вражеский чародей со склона послал огонь к калитке, где сгрудились раненые. Дэйвон поднял над ними щит — простое боевое заклятие, которому Корона давала силу выдержать осадный удар. Белое пламя растеклось по светлому своду; внизу люди пригнулись, закрывая головы руками.

— Уводи их! — бросил Дэйвон капитану.

Пока Ульм собирал людей, король удерживал врагов посреди моста. Он заранее видел, куда метят их клинки, но здесь не хватало места, чтобы уйти от каждого удара. Справа под ноги попало брошенное копьё, слева раненый солдат пытался подняться, цепляясь за парапет. Дэйвон принял один меч на свой клинок. Второй противник рубанул поверх их скрещённого оружия и рассёк королю предплечье у края наруча.

Пальцы на рукояти ослабли. Мечник увидел это и подался вперёд, уже занося оружие для следующего удара. Дэйвон перехватил его взгляд и Долей передал ему рану. Под чужим наручем хлынула кровь; занесённый меч качнулся в сторону. Король снова смог сжать рукоять, отвёл клинок противника и ударил его в лицо навершием. Тот рухнул на стоявшего сзади копейщика. Дэйвон подхватил раненого у парапета за ворот и толкнул к людям Ульма.

У парапета двое арбалетчиков целились в спины отступающих. До них было слишком далеко: пока Дэйвон добежит, оба успеют выстрелить. Он потянулся к Сроку, и на несколько ударов сердца всё вокруг замедлилось. Первый стрелок ещё прижимал приклад к плечу, когда король оказался рядом. Дэйвон ударил по ложу снизу; болт сорвался вверх и сколол камень на стене. Второй начал поворачивать оружие. Король отвёл его арбалет своим клинком, шагнул вплотную и вогнал меч под поднятую руку.

Ускорение отпустило. В ноги вернулась тяжесть, шум боя разом ударил по ушам. Дэйвон едва удержался на ногах. За эти мгновения он заплатил частью собственной жизни. Первый стрелок потянулся к ножу, но болт Керра ударил его в грудь и опрокинул на парапет. Король выдернул меч из-под руки второго, перехватил его левой рукой и зубами стянул правую перчатку. Ухватившись за окровавленное запястье врага, он отнял часть потраченного времени. У человека побелела борода; тот осел возле парапета, не в силах поднять оружие. Дэйвон снова смог выпрямиться.

Ульм уже вёл последних раненых к калитке. Над мостом звенели болты Керра: стрелок выбирал тех, кто пытался ударить отступающим в спину.

Дэйвон оглянулся на поле. Ещё неделю назад Союз не мог удержать ни одной переправы, которую он решал отнять. Три года король выигрывал сражения и ждал, когда другие правители попросят мира. Теперь их конница шла по его городу.

У конюшен, внутри стены, раскрылся синий проход. Из него выехал всадник под белым знаменем Союза.

Дэйвон узнал выход своей военной дороги.

Он попытался закрыть его. Знак на груди стал холодным.

Будущее погасло сразу. Король успел увидеть лучника на крыше, шагнул в Грань — и остался на месте. Стрела вошла под правые рёбра. Удар согнул его, лишил дыхания; древко упёрлось в край нагрудника. Дэйвон потянулся к Доле, но сила не ответила.

На него бросился мечник. Король отвёл клинок наружу, ударил противника гардой в лицо и вогнал остриё в открывшееся горло. Вытащить меч удалось со второй попытки. За это время Ульм оказался рядом и закрыл обоих щитом.

— В калитку, — выговорил Дэйвон. — За мной.

Он дошёл до ворот сам. Во дворе пришлось прислониться к стене, пока лекарь обрезал древко и затягивал повязку под кирасой. Король не сводил глаз с башни. Корона оставалась наверху: оттуда её Кристалл питал дороги и давал силу войску. Над щитами Ульмовых людей ещё держался золотистый свет. Отрезали только самого Дэйвона.

Из дворца выбежала хранительница печати. Он знал её много лет, но никогда не видел с распущенными волосами и чужой кровью на рукаве.

— Солдак приказал открыть восточные выходы, — сказала она. — Я велела остановить писцов. Он подтвердил приказ своим знаком.

Дэйвон придержал её за запястье.

— Совет где?

— У него. Я ушла за вами.

Керр спустился со стены. Он протянул лекарю чистую перевязь для короля, потом опустил арбалет на землю, наступил в стремя и натянул тетиву.

— Останься у ворот, — сказал ему Дэйвон.

— Здесь стрелков хватает.

Керр вложил болт. Спорить король не стал.

* * *

Верхний зал башни был полон утреннего света. Через широкие окна Дэйвон видел дым над городом; внизу глухо ударяли в закрытую решётку. У дальней стены стояла Корона — высокий золотой обод на каменном основании. В раскрытой оправе светился Кристалл.

Солдак держал его левой рукой.

От камня к пальцам тянулись чёрные нити. Они уходили под кожу, проступали на запястье и выше, в расстёгнутом вороте. Правая рука лежала на ободе. Солдак поднял глаза на Дэйвона и посмотрел на обломок стрелы у него под рукой.

— Всё-таки дошёл.

Перед основанием теснились советники. Казначей сжимал связку ключей; старший судья держал ладонь на плече адмирала, словно удерживал его от шага вперёд. Двое придворных рыцарей стояли рядом с ними, ещё не обнажив мечей.

Ульм остановился слева от короля. Керр остался у двери, за толстой створкой; хранительница печати пошла к советникам. Дэйвон удержал её за рукав.

— Ты открыл им дороги, — сказал он Солдаку.

— Я обещал довести их до дворца.

— Когда?

— Когда пришёл к ним с предложением убрать тебя. Они хотели поделить силу между царствами. Этого оказалось достаточно, чтобы меня выслушать.

Ульм поднял меч. Солдак даже не посмотрел на него.

Дэйвон видел, как чёрная нить прошла от Кристалла сквозь Солдакову ладонь. Кожа вздулась, но тот только крепче сжал камень.

— А себе что ты обещал?

— Что больше не придётся уговаривать тебя. Помнишь склады Вейны? Я принёс донесения о голоде, просил открыть их. Ты велел ждать присяги.

— В городе ещё стояли их войска.

— Я привёз тебе имена умерших детей. Ты даже не дочитал.

Дэйвон помнил тот лист. Он отложил его под карту, чтобы закончить разговор о переправах, и больше не спросил о нём.

— А теперь ты впустил войска сюда. Здесь тоже дети.

— Война закончится сегодня.

— И ты отдашь королям Кристалл?

Солдак крепче сжал камень.

— Они получат дворец. А я больше не буду ждать ничьего разрешения.

Солдак повернулся к камню, будто разговор был окончен. Дэйвон сделал шаг; боль под рёбрами заставила его остановиться. Он знал этого человека до коронации. Солдак стоял рядом, когда Дэйвон принимал присягу, и держал чашу, потому что у молодого короля дрожали руки.

— Посмотри на себя, — сказал Дэйвон. — Эта сила уже меняет тебя. Отпусти камень. Ещё можно разжать руку.

— Я сам её протянул.

Ульм двинулся к нему.

Солдак поднял правую ладонь и сжал пальцы.

Казначей выронил ключи. Его рот раскрылся, но вместо крика послышался треск: челюсть опускалась всё ниже, разрывая щёки. Судья попытался отступить и повалился на адмирала. Под длинной судейской цепью вздулось горло; пальцы судьи, всё ещё державшие чужое плечо, удлинились и вошли под кольчугу.

Чёрная волна хлестнула от камня через зал. Ульм толкнул хранительницу печати за кафедру у стены и сам нырнул следом. Дэйвон успел прижаться к каменному выступу. Над ним лопнул наплечник одного из рыцарей. Второй ещё звал товарища по имени, когда тот обеими руками вывернул ему голову.

Керр высунулся из-за створки, подняв арбалет, и край волны скользнул по его шее. Выстрелить он не успел: на него бросился адмирал, у которого из-под разорванной кольчуги торчали рёбра. Керр встретил его прикладом в лицо, ударил сапогом в грудь. Адмирал пере-

валился через порог и покатился по лестнице. Стрелок отступил за дверь, не выпуская заряженного оружия.

Тьма отхлынула к Кристаллу. Король вышел из-за выступа с мечом в руке.

Казначей полз к нему, опираясь на сломанные запястья. На одном пальце ещё сидел перстень с печатью казны. Дэйвон отступил к колонне, пропустил вытянутую руку мимо себя и ударил под затылок. Тело упало ему на сапоги. Он оттолкнул его, освобождая клинок.

Ульм закрыл женщину щитом. На капитана навалился придворный рыцарь; подбородок чудовища упирался в собственную грудь, а меч оно держало так же правильно, как прежде. Первый удар пришёл сверху. Ульм поднял щит наискось, отвёл лезвие и крикнул рыцарю остановиться. Тот даже не замедлился. Шагнул ближе, ударил плечом в щит и рубанул ещё раз. Дерево треснуло у металлической оковки. Ульм попятился; за его спиной хранительница печати упёрлась в кафедру, дальше отступать было некуда.

Дэйвон подошёл сбоку и ударил рыцаря под колено. Лезвие перерезало сухожилия. Нога подломилась, но рыцарь не закричал и не выронил меч: опустившись на колено, он рубанул по бёдрам капитана. Ульм прикрылся обломанным щитом. Король наступил на край рыцарского плаща, не давая тому развернуться, и упёрся сапогом между лопаток.

— Остриё выше! — крикнул он Ульму.

Капитан отодвинул щит и выставил меч. Дэйвон толкнул рыцаря вперёд. Клинок вошёл в щель между нагрудником и наплечником; чудовище навалилось на гарду и ещё пыталось поднять руку, пока король не придавил сапогом кисть с оружием. Ульм выдернул меч и оттащил хранительницу от кафедры.

— К двери! — сказал Дэйвон.

Он не слышал ответа Керра. Арбалетчик стоял у створки, прижав оружие к груди. Там, где его задело, кожа потемнела; от шеи тёмные жилы ползли к кисти. Керр пытался согнуть палец на спуске и не мог.

Солдак шагнул навстречу королю. Связь с камнем вытянулась за его левой рукой. Правой он выхватил из-за пояса короткий клинок и ударил Дэйвона в бок, туда, где под кирасой торчал обрезок стрелы.

Король успел опустить меч и отвести выпад наружу. Солдак пошёл за клинком всем телом, стараясь прижать его руку к боку и ударить снова, уже вплотную. Дэйвон ударил навершием в скулу. Голова Солдака дёрнулась; он отступил на шаг, и между ними снова появилось место для меча. Король рубанул по правому предплечью, пытаясь выбить оружие. Лезвие рассекло кожу, но остановилось на чём-то твёрдом. Изменённая рука почти не подалась.

Солдак прижал коротким клинком королевский меч к золотому ободу и перехватил длинное лезвие левой ладонью. Чёрные нити, связывавшие пальцы с Кристаллом, натянулись. Дэйвон потянул рукоять на себя, одновременно повернув клинок режущей кромкой поперёк ладони. Пальцы Солдака разошлись. Король освободил оружие, но усилие отдалось в боку такой болью, что перед глазами потемнело. Пришлось отступить. Он удерживал остриё между собой и противником и ждал, пока сможет вдохнуть.

За спиной упал Ульм.

Изменённый судья сбил капитана и вцепился в щит. Хранительница печати схватила судью за цепь, тянула назад, но только скользила подошвами по плитам. Ульм пытался дотянуться до ножа на поясе. Дэйвон повернулся к нему. У двери Керр прижал арбалет к косяку и потянулся к спуску ещё послушной левой рукой.

— Дэйвон, в сторону!

Голос Керра сорвался на последнем слове. Король пригнулся.

Керр дожал спуск. Болт ударил Солдака у основания шеи. Тот отшатнулся, выпустил оружие и схватился за оперение. Изо рта потекла кровь.

Керр выронил арбалет. Его локти выгнулись, тело ударилось о косяк. Он ещё смотрел на короля, но нижняя половина лица уже не слушалась его.

Ульм закричал. Дэйвон обернулся: судья навалился на капитана, удерживая щит у самого лица, а его свободная рука искала горло под краем шлема. Король мог вернуться к Ульму —

несколько шагов, один удар по шее судьи. Но Солдак уже отнял ладонь от торчавшего в шее болта. Пальцы начали сгибаться так же, как перед чёрной волной. Керр дал Дэйвону лишь несколько мгновений.

Король пошёл вперёд. Солдак вскинул изменённую кисть ему навстречу; Дэйвон отбил её плоской стороной меча и прижал правым предплечьем к золотому ободу. Короткий клинок лежал между ними. Король наступил на него, чтобы Солдак не успел подобрать оружие, и снизу вогнал меч ему под рёбра.

Солдак согнулся на стали и навалился на короля. Дэйвон упёрся ногой в каменное основание и толкнул всем телом. Собственная рана словно раскрылась заново; на мгновение стало нечем дышать. Король не остановился. Остриё вышло из спины Солдака и задело золотую оправу.

Солдак судорожно втянул воздух. Его лицо оказалось у самого королевского уха.

— Не дай мне умереть, — прошептал он.

Дэйвон сперва решил, что тот просит его. Но Солдак не смотрел на короля. Пальцы левой руки тянулись к Кристаллу; чёрные нити вросли в них глубже.

Рана стала затягиваться вокруг меча.

Солдак медленно повернул голову. В его глазах не осталось светлого: чёрными стали и радужки, и белки. Он смотрел на Дэйвона с близкого расстояния и улыбался, растягивая окровавленные губы.

— Мой взор застилает тьма.

Король потянул меч, но плоть удержала сталь. Солдак ударил его в грудь. Дэйвона отбросило к кафедре; он упал на бок, и боль от стрелы на несколько мгновений заслонила всё остальное.

Когда король поднял голову, Солдак уже вырвал меч. Клинок ударился о плиты. Кровь больше не текла: края раны сходились, грудь раздувалась под рубахой. Солдак обеими руками обхватил камень и потянул к себе. Кристалл приподнялся из оправы.

Внутри него сдвинулось что-то тёмное.

До этого к Солдаку тянулись тонкие нити. Теперь по его рукам хлынул сплошной чёрный поток. Спина выгнулась, плечи поднялись; под кожей проступили рёбра, слишком широкие для человеческой груди.

Золото заскрипело. Кристалл ещё держался в оправе, а тёмная глубина внутри него уже вытягивалась вслед за Солдаком. На гладкой поверхности появилась белая трещина. Вторая пересекла её и дошла до нижней грани.

Солдак попытался отнять руки.

Не смог. Пальцы распластались по камню и стали проваливаться внутрь. Улыбка исчезла. Он упёрся ногой в основание, тянулся назад, но поток продолжал ломать его тело. Оправа разогнулась; в зале стало светло, как в открытой печи.

Хранительница печати лежала возле Ульма. Судья больше не двигался: капитан успел всадить ему нож под челюсть. Сам Ульм лежал с разорванным горлом. Женщина всё ещё прижимала к ране обе ладони.

Дэйвон подполз к ней и потянул за плечо. Она сопротивлялась, пока он не разжал её окровавленные пальцы.

Он затолкал её под каменную кафедру, лёг рядом и поднял руку.

Щит не возник.

В Кристалле разошлись пять ярких разломов. Знак на груди короля обжёг кожу: сила снова дошла до него, вырвавшись из-под власти Солдака. Дэйвон удержал знакомый защитный узор над кафедрой.

Прозрачный свод успел сомкнуться.

Кристалл разорвало изнутри. На одно мгновение Дэйвон увидел пять обломков, раздвинутых светом. Вокруг каждого раскрылась ослепительная щель; камни исчезли раньше, чем коснулись пола.

Удар поднял крышу башни.

Стены раскрылись наружу, и вместе с ними исчезли окна, золотая оправа, человек перед ней. Щит выдержал первый выброс. Огромный камень ударил в его свод и раскололся; следом погас свет на королевском знаке.

Пол под кафедрой накренился. Дэйвон обхватил женщину, и они скатились в провал вместе с обломками лестницы.

* * *

Над Меридианом разошлось светлое кольцо. Оно прошло сквозь дворец, достигло стен и покатилось над долиной, пригибая дым. На дальнем берегу солдаты сперва увидели, как исчез верх башни, и только потом услышали грохот.

Вместе с волной погасли чары на королевских доспехах.

У восточных ворот рыцарь принял на щит удар, который прежде едва сдвинул бы его с места. Теперь рука сломалась в локте. Он упал, и копья прошли над ним в открывшийся промежуток. Соседний десятник ещё успел сомкнуть людей, но второй натиск отбросил весь ряд к стене.

На поле тяжёлая конница Дэйвона разворачивалась для новой атаки. Золотое сияние исчезло с конских нагрудников. Всадники заметили это уже на ходу; первые кони налетели на копья и рухнули. Те, кто шёл следом, не успели свернуть.

— Башня! — кричали из задних рядов. — Кристалла больше нет!

Воины знали, откуда приходила их сила. Они смотрели на облако над дворцом и всё ещё поднимали оружие. Старые рыцари удерживали проходы, вытаскивали своих, перестраивались за повозками. Но там, где прежде хватало одного человека, теперь требовалось трое. Чужая пехота давила снаружи, а из открытых Солдаком выходов уже пришли отряды, занявшие улицы за их спинами.

У реки королевский полк попытался отойти к мосту и увидел на нём белые знамёна. Офицер Союза велел своим прекратить стрельбу.

— Оружие на землю! Вам некуда идти!

Первым положил меч командир полка. За ним опустились копья. На другом конце поля ещё рубились возле опрокинутой повозки; там приказа не слышали, и людей добили прежде, чем они успели сдаться.

Магия осталась. Над воротами чародей Союза зажёг сигнальный огонь, и пламя поднялось над дымом. Не вернулась только сила, которая позволяла войску Дэйвона годами побеждать превосходящие армии.

К полудню дворец захватили.

Короля и хранительницу печати нашли под обрушившимся пролётом. Кафедра легла поперёк двух балок и оставила под собой узкую щель. Женщина откликнулась на стук; Дэйвон был без сознания. Когда их вытащили, она попросила принести воды и только тогда заметила, что у неё сломана рука.

Дэйвону вынули наконечник. Лекари остановили наружную кровь, зашили рану, но внутри было повреждено слишком многое. Очнувшись, король взялся за знак. Металл оставался холодным.

На второй день офицер Союза пришёл за хранительницей печати. Её хотели допросить о складах Вейны: на приказе стояла печать, которую доверили ей.

— Она исполняла мой приказ, — сказал Дэйвон. — Я велел не выдавать зерно до присяги. Так и запишите.

Офицер повернулся к постели.

— Подпишете?

Дэйвон кивнул. Пока принесли бумагу, он несколько раз проваливался в сон. Хранительница поддержала ему локоть; буквы вышли крупными, последняя потянулась через весь лист. Офицер забрал признание и ушёл один.

К вечеру Дэйвон уже не мог поднять руку.

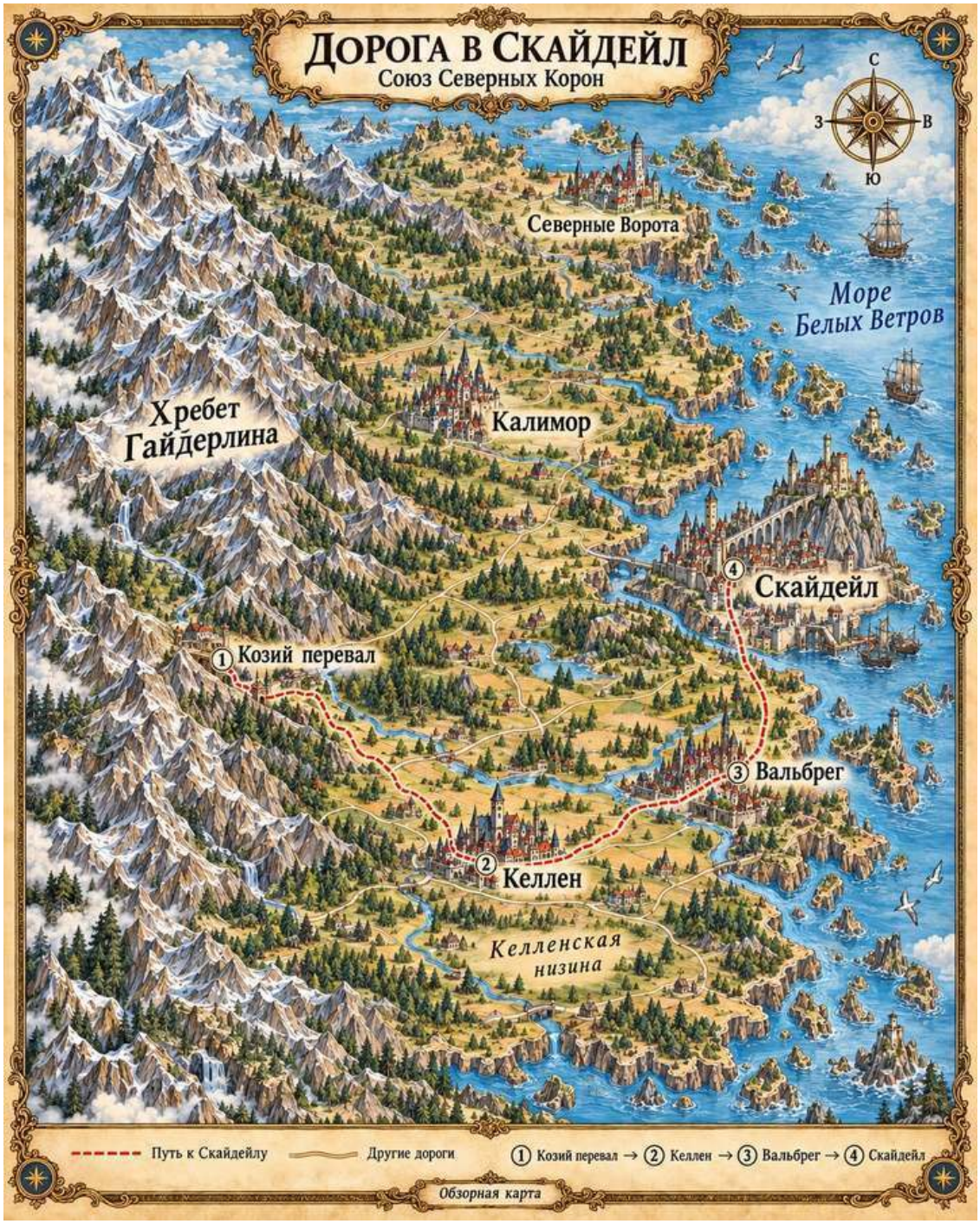
Наверху разбирали завал. Победители требовали найти Кристалл, обещали награду, заставляли пленных просеивать пыль руками. К вечеру принесли искорёженную оправу. Камня в ней не было.

Через три дня после взрыва Дэйвон умер. Хранительница печати сидела возле его постели. Когда пришли забрать тело, она сняла знак с его шеи. Пальцы скользили по засохшей крови; ей пришлось долго возиться с застёжкой.

Короли Союза спорили о городе, запасах зерна и границах. В башне продолжали искать. Люди снимали разбитые плиты, спускались в нижние подвалы, проверяли русло под дворцом. На пятый день дождь залил раскоп, и работу остановили.

Ни одного осколка они не нашли.

Часть первая. Дорога в Скайдейл

Глава 1. Козий перевал

Кузнец сказал, что не знает, кто сегодня едет в Келлен, и снова занялся подковой. За утро мне ответили так в третий раз. Хозяйка постоялого двора посылала к мельнику, мельник — на коновязь, а там я узнал, что две крытые повозки ушли ещё накануне. Теперь оставалось ждать следующего обоза или спускаться с гор одному.

Я постоял у кузницы, надеясь, что кузнец вспомнит кого-нибудь ещё. Он ударил по подкове молотом, и от раскалённого железа полетели искры. Пришлось отойти от дверей.

В Козьем Перевале едва хватало ровного места на одну улицу. Дома стояли уступами, так что к порогу верхнего можно было добраться по крыше нижнего; козы этим пользовались. Белая с серыми ушами обдирала солому с навеса над кузницей. Под ней, в полной уверенности, что ничего не происходит, дремал пёс.

Я присел на скамью возле поильной колоды и посмотрел на дорогу. У последних домов она огибала скалу и уходила вниз, на восточную сторону Гайдерлина. Дальше должны были начаться речные долины, потом Келлен, потом другие города. До Скайдейла предстояло пройти их все.

Два медяка остались после ночлега. Я достал их из кармана вместе с отломанной пряжкой, пересчитал и убрал отдельно. За два медяка можно было купить еды. На место в повозке их не хватало.

От недосыпа щипало глаза. Под утро мне приснился отец: мы стояли у озера, и он никак не мог развязать узел на мокрой верёвке. Я звал его обернуться, а он всё работал пальцами и не отвечал. Потом вместо озера под ногами оказался пол комнаты, где я нашёл наставника. Я проснулся от собственного голоса и разбудил троих людей на сеновале.

Верёвку я помнил: отец учил меня привязывать лодку к колу, а я нарочно перетянул узел. Пришлось срезать; отец сердился, но потом всё-таки дал мне подержать нож. Во сне был ещё каменный порог с косой железной скобой. Этого места я не узнавал, а за порогом сон обрывался.

Я просунул руку под ворот и нащупал амулет. Чёрный камень в старой серебряной оправе согрелся от тела. У самого края серебро загнулось внутрь; отец всё собирался отнести его мастеру. Я провёл по загибу ногтем и отпустил камень, не вынимая из-под рубахи. На улице уже таскали мешки к мельничной телеге, и мне захотелось подойти ещё раз, хотя мельник ясно сказал, что повезёт их в другую сторону.

Кожаный ремень моей сумки лопнул вчера возле колодца. На замену я отрезал полосу от нижнего края наставникова плаща. Узел продержался ночь, но теперь расползся, и сумка опять сползала с плеча. Я поставил её между ног, вынул свёрток, мешавший добраться до ремня, и разложил ткань на коленях.

У меня осталась передняя часть клинка — кусок голой стали чуть длиннее моего предплечья, без гарды и рукояти. Неровный излом цеплялся за мешковину. Мне всякий раз приходилось оборачивать его сначала отдельной тряпицей и только потом прятать в общий свёрток. Другую часть меча я так и не нашёл, хотя обыскал комнату и двор.

Наставник держал этот меч у изголовья. Когда учил меня, говорил, что оружие нужно класть так, чтобы спросонья дотянуться до рукояти. Рядом с кроватью у него стоял тяжёлый сундук, о который я вечно бился коленом. Однажды я спросил: «Зачем тебе меч? Кто полезет в темноте, споткнётся о сундук и сам себе шею сломает». Наставник велел мне не умничать. Но наутро сундук стоял у стены, а проход от кровати к двери был свободен. С его смерти не прошло ещё и месяца; я ушёл почти сразу после похорон.

Мне было легче вспоминать, как он ворчал на меня, чем думать о его похоронах.

Я положил свёрток рядом и проверил внутренний карман плаща. Записка лежала на месте. Её я нашёл, когда распарывал подкладку, чтобы починить разошедшийся шов. Небольшой лист был сложен вчетверо. Наставник исписал почти всю страницу:

«Арден, мне нужно кое-что проверить в Скайдейле. Если ты поедешь следом, начни с Северного архива. Спроси там о бумагах с печатью, у которой по краю четыре надреза. О камне пока не спрашивай при посторонних и никому его не показывай, даже если тебе пообещают помочь. Понимаю, что оставляю тебе больше вопросов, чем ответов. При встрече всё объясню. Береги себя».

Я узнавал почерк. Мелкие тесные буквы, широкие промежутки между словами: наставник всегда так писал, даже когда торопился. Не знал только, когда он написал письмо и зачем спрятал его в плащ. О поездке в Скайдейл при мне речи не было. Может, он собирался позвать меня позже, когда проверит то, о чём писал.

Я не знал, говорил ли он о моём амулете. Другого камня, который стоило бы прятать, у меня не было. Печать с четырьмя надрезами тоже ничего мне не говорила: я не помнил её ни на одной из наставниковых вещей.

Больше всего меня злило обещание всё объяснить при встрече. Я перечитывал его, словно на этот раз смогу добраться до наставника раньше, чем он умрёт, и заставить наконец рассказать.

Отдельно от записки я держал полоску плотной синей ткани. Она лежала возле тела, прилипнув к крови, и я сперва принял её за край одежды наставника. На его одежде такого

шитья не было. На полоске сохранились золотые буквы: «PRO REGE ET LEGE». Наставник когда-то переводил мне этот девиз — «За короля и закон». Его носили люди коронной службы.

Это ещё не означало, что наставника убил королевский человек. Ткань могла оторваться от чужого плаща, от перевязи или от вещи, принесённой задолго до меня. Но кто-то должен был знать, кому выдавали такое шитьё. Я собирался спросить в Скайдейле, а затем найти Северный архив. Другого направления у меня не было.

Я убрал лист и ткань в разные складки кармана. Обломок завернул плотнее и затянул на сумке новый узел. За это время из-за кузницы вывели гнедого мерина. Его держал здоровенный седой человек в сером балахоне и потёртом кожаном нагруднике, зашитом в нескольких местах нитками разного цвета. Широкие плечи нагрудник прикрывал едва наполовину.

Кузнец присел возле лошади, поднял ей переднюю ногу и провёл пальцем по копыту.

— Шесть медяков. Подкова и работа.

Седой полез в поясной кошель, заглянул внутрь и снова затянул шнурок.

— Мазь возьмёшь?

— Я железом торгую.

— Я помню. У тебя зимой спину прихватило, а ты тоже всё про железо говорил.

— Она у меня уже прошла.

— Так ведь мазал.

Кузнец не ответил. Он принёс щипцы и занялся старой подковой, а седой привязал мерина под навесом, сходил за угол и вернулся с небольшой глиняной банкой. Поставил её на подоконник, подальше от края, куда капало с крыши.

Из боковой двери вышла женщина с охапкой коротких жердей. Седой придержал ей створку. Она сложила жерди у горна, заметила банку и сразу взяла её в руки.

— Та же, что зимой?

— Та же. Только к печи не ставь. В прошлый раз у тебя под крышкой всё растаяло.

— Не растаяло бы, если б некоторые оттуда убрали, когда я просила.

Кузнец сжал щипцами край подковы и сделал вид, что не слышит. Женщина открыла банку; до меня донёсся запах травы и нагретого жира.

— Почём теперь?

— Четыре медяка.

— Возьму две. Вторую сестре отнесу: жаловалась, что руки опять ломит.

Она закрыла банку и пошла в дом. Седой принёс вторую банку. Кузнец к тому времени снял старую подкову и выпрямился, упершись ладонью в поясницу.

— Ты шесть медяков приготовь, — сказал он. — Подкова сама себя не оплатит.

— Уже оплатила. Две банки по четыре — восемь. Шесть тебе за подкову с работой, два мне сдачи.

Кузнец посмотрел на банки, потом на седого.

— Погоди. Это я тебе ещё должен?

— Два медяка.

Женщина появилась в дверях с монетами. Кузнец взял у неё два медяка и отсчитал их седому на широкую ладонь.

— В другой раз без товара приезжай. А то я тебе лошадь подкую, а ты меня без денег оставишь.

— Тогда поясницу береги. На ней мы с тобой и разоряемся.

Седой убрал монеты и отнёс банки в дом по просьбе женщины. Кузнец уже примерял к копыту новую подкову. Никто из них не выглядел обиженным, хотя начиналось всё с того, что платить должен был человек с лошадью. Я смотрел на пустой подоконник и думал о двух медяках в собственном кармане. У седого появились такие же, а мерину вдобавок меняли подкову.

Когда он вернулся, я придвинул сумку, освобождая место у колоды. Седой опустился рядом, и дерево жалобно хрустнуло. Вблизи от него пахло вчерашним вином. Он потёр красные глаза и достал из-за пояса плоскую флягу.

— Ты хоть поешь сперва, — сказала женщина из дверей кузницы. — Вчера до ночи наливался.

— Ем я тоже регулярно.

Он сделал несколько глотков. Женщина покачала головой и ушла в дом. Седой проводил её взглядом, спрятал флягу и повернулся ко мне.

— Ты в Келлен? — спросил я.

— Смотря кто спрашивает.

— Меня зовут Арден. Мне тоже нужно туда попасть, а обозы уже ушли.

— Ягель, — представился он. — В Келлен еду. Обычная плата за место, еда своя.

— Денег на место нет. Могу работать.

Ягель посмотрел на мою сумку, потом на заплатанный ремень.

— На что же собирался ехать?

— Рассчитывал отработать дорогу. У обоза всегда есть работа.

Он пожевал губу, оглядел улицу и спросил:

— С лошадью умеешь, парнишка?

— Напоить, вычистить, держать, пока куют. Запрягать сам не пробовал.

— Колесо переставишь?

— Если покажешь, что куда крепится.

— А дрова?

— Дрова без объяснений.

— И чем займёшься ты? — спросил я.

— Самым ответственным. Буду выбирать дорогу.

— А если выберешь не ту?

— Выберу другую. Дорог много.

Ягель усмехнулся. Кузнец махнул ему из-под навеса, и он встал, велев мне пока остаться. Брать меня с собой он пока не обещал, но я решил подождать. Мерин беспокоился, пока ему подгоняли подкову: переставлял свободные ноги и косился на дым. Ягель держал его под уздцы и что-то говорил ему в ухо.

Я заметил, что из поильной колоды почти всё выпили. Рядом стояло ведро. До колодца было меньше сотни шагов; я принёс воды, вылил, сходил ещё раз и успел вернуться к тому времени, когда мерина отвели от кузницы.

Он пил долго, раздувая мокрые ноздри. Ягель провёл ладонью по его морде, опёрся о столб и подвинул мою сумку носком сапога подальше от воды.

— Лошадь — Орлуша. Сзади не подкрадывайся.

— Орлуша? — Я оглядел мерина. — А летать он умеет?

— Нет. Только клевать. Особенно если к морде с пустой рукой лезут.

— Ты только что полез.

— Меня ему возить.

Я ждал, что он скажет дальше. Спешить было некуда, но стоять перед человеком с сумкой у ног, надеясь, что он тебя возьмёт, оказалось труднее, чем ходить по деревне. Ягель отпустил повод и повернулся ко мне.

— Договоримся так. На стоянках вода и дрова твои. Грузим вместе. Ремни, полог, колёса — проверяем вместе, пока не научишься. Орлушу кормлю я. Ночью, если место плохое, дежурим по очереди. Если хорошее — спим.

— Еда моя?

Он посмотрел на мою сумку.

— Что у тебя есть?

— Краюха. И могу купить ещё.

— Оставь деньги. Котёл общий, только готовить тоже будешь. На козлах посидишь, где ровно. На подъёмах пойдём оба. На крутых спусках тем более.

— За эту работу довезёшь до самого Скайдейла?

— Довезу. Я туда и еду. Только через Келлен и Вальбрег: там товар надо сдать.

— А если мы не поладим?

Ягель посмотрел на меня внимательнее.

— Тогда разойдёмся в городе, где сможешь найти другой обоз. За уже съеденное не попрошу. Подойдёт?

— Подойдёт.

Я поднял сумку. Он взял её за ремень, проверил, как держит узел, и молча вернул.

— Сколько до Келлена?

— Недели три, если брод открыт. Если нет — у реки узнаем, сколько ещё идти. Нам сперва надо с горы спуститься.

* * *

Повозка стояла в тени за кузницей. Под пологом были уложены мешки, ящики и связки мелких вещей, названий которых я не знал. Ягель показал, какие ящики нельзя ставить на ребро, какие мешки должны лежать выше остальных и где оставить место для котла. Моя сумка поместилась под передней скамьёй. Свёрток с мечом я хотел положить сверху, но Ягель ткнул пальцем в проступивший сквозь ткань угол.

— Это железо?

Я развернул край мешковины.

— Сломанный меч.

— Подвяжи отдельно. Протрёт мешок — крупу по дороге не соберём.

Он дал мне короткий шнур, а когда я завязал, потянул за узел. Тот выдержал. Я почему-то обрадовался сильнее, чем следовало.

За воротами кузнечного двора колесо застряло в старой колее. Ягель уже открыл рот, но я успел подложить под обод плоский камень. Повозка выбралась с толчком, котёл звякнул о перекладину.

— Котёл тоже подвяжи, — сказал Ягель.

Пока я возился со шнуром, мимо прошла девочка, ведя ту самую белую козу за рог. На спине козы лежал выдранный клок соломы. Девочка подняла его и сердито посмотрела на крышу, словно могла вернуть на место без лестницы.

Мы выехали, когда солнце добралось до середины улицы. Я не стал оборачиваться сразу; потом обернулся, но кузницы уже не было видно. Над домами стоял дым. У дороги женщина вытряхивала половик, и пыль ещё долго висела в свете за её руками.

Мне нечего было оставлять в Козьем Перевале, кроме платы за сеновал. И всё же, когда дома скрылись, стало не по себе. Пока я ходил от мельника к кузнецу, можно было говорить, что ищу дорогу. Теперь дорога нашлась, и требовалось по ней идти.

Ягель уступил мне край скамьи. Рядом с ним места почти не осталось, пришлось сидеть вполоборота, прижав колено к стойке. Орлуша шагал неторопливо. За первым поворотом повеяло талым снегом, хотя на самой дороге лежала только серая грязь.

— Что в Скайдейле делать будешь? — спросил Ягель.

— Ищу человека, который убил моего наставника.

Он посмотрел на меня и вернулся взглядом к лошади. Несколько шагов прошли молча.

— Знаешь, кто это?

— Пока нет.

— Тогда почему Скайдейл?

Я рассказал, что наставник собирался в Скайдейл и оставил мне письмо с названием архива. О полоске ткани и обломанном мече тоже сказал. Амулет не упоминал. Предупреждение в письме могло касаться его, а Ягеля я знал лишь с этого утра, хоть он и взял меня с собой.

— Девиз у коронных служащих бывает, — подтвердил Ягель. — И у тех, кому хочется за них сойти. Я один раз продал такую перевязь актёрам. Правда, букв половины уже не было.

— Где ты её взял?

— В мешке старой одежды. Купил вместе с ремнями. Я к чему: спрашивать надо, но с обвинением не торопись.

— Я и не собирался обвинять первого встречного.

— Хорошо.

Он не стал объяснять ещё раз. Мне хотелось достать ткань и показать: может, по шву он узнает больше. Но повозку трясло, а Ягель уже смотрел на узкий участок впереди. Я оставил карман застёгнутым.

Дорога прижалась к скале. Справа склон уходил к редким елям, ниже которых слышалась вода. Перед первым крутым поворотом Ягель остановил Орлушу и спустился на землю.

— Иди поставь камень под заднее колесо. Со стороны спуска.

Я нашёл подходящий, вдавил его носком сапога и отошёл. Ягель проверил тормозную цепь, но сразу вести лошадь не стал. Он достал из-под скамьи длинный канат.

— Через эту ступень подстрахуем. Тут водой колею вымыло. Один конец на заднюю поперечину, другой обнесём вокруг ели. Будешь понемногу отпускать. Я поведу Орлушу.

Он показал на дерево чуть выше поворота. Пока Ягель обходил повозку спереди, я продел канат под доской заднего борта. Узел получился крепкий; я дёрнул его дважды.

Ягель, вернувшись, развязал всё, не проверяя.

— Ниже. К раме.

— Эта доска толстая.

— Толстая. А держится на двух гвоздях. Если повозка дёрнет, вырвем борт. Вместе с твоим хорошим узлом.

Он присел и показал поперечный брус под кузовом. Я опустился рядом. Снизу всё оказалось облеплено глиной; Ягель соскрёб часть палкой, чтобы было видно крепление.

— Здесь вязать. Видишь, он с обеими сторонами рамы соединён?

— Вижу. Я не туда посмотрел.

Я перевязал канат. Ягель дал мне затянуть его самому, после чего мы сделали свободным концом три витка вокруг ствола. Кора на ели была стёсана прежними верёвками. Я встал сбоку, как он показал, чтобы канат нигде не проходил за ногами.

— На руки не наматывай. Держи за свободный конец. Тяжесть на дереве, тебе только отпускать.

Я выбрал слабину и подал голос. Ягель убрал камень из-под колеса, дождался, пока канат натянется, и только тогда пошёл вперёд, к Орлуше. Я оставался у ели и держал свободный конец.

Первые пол-оборота колесо прошло ровно. Потом канат натянулся, содрав с коры тонкую полоску, и мне захотелось вцепиться изо всех сил. Я вспомнил объяснение и дал ему медленно скользнуть вокруг ствола. Повозка наклонилась. Орлуша остановился, упираясь передними ногами; Ягель придержал его и дождался, пока заднее колесо сойдёт с каменной ступени.

— Ещё немного, — сказал он. — Теперь хватит.

Я держал канат, пока он не подложил упор внизу. Ладони дрожали от усилия, хотя основную тяжесть, как он и обещал, приняла ель. Когда мы сняли канат, на брусе остался светлый след в грязи. Задний борт был цел.

Ягель оглядел его, потом меня.

— В следующий раз уже будешь знать.

Мне хотелось ответить, что я не совсем бесполезен и вообще умею многое. Вместо этого я помог смотать канат. Ягель не ждал оправданий, и от этого было легче.

Остаток спуска мы прошли рядом с повозкой. На одном повороте пришлось перекладывать камни, на другом — срубить ветку, задевшую полог. Ягель не спешил. Он часто останавливался посмотреть, куда поставит ноги лошадь, а однажды вернулся на несколько шагов вверх, чтобы забрать оброненную деревянную пробку. Я сперва счёл это скупостью. Потом увидел мокрый след под бочонком с питьевой водой и пошёл придержать его, пока Ягель забивал пробку на место.

К вечеру мы добрались до ручья. Здесь дорога расширялась у каменной осыпи, а между елями было старое кострище. Ягель потрогал землю под повозкой, посмотрел на небо и решил, что останемся.

Пока Ягель распрягал Орлушу и отводил его на длинном поводу к ели, я наносил воды и набрал сухих веток под нижними лапами елей. Земля возле ручья была мокрой, но под деревьями нашлось сухое место для моей подстилки. Я устроился ближе к скале и вытряхнул из одеяла сенную труху. Ягель спал в повозке: под пологом у него был узкий лежак, и товар он укладывал так, чтобы к ночи оставался проход.

В котле варилась крупа с луком. Я мешал её обструганной палочкой, боясь, что пригорит, и Ягель наконец забрал палочку у меня.

— Уже сняли с огня. Дай ей постоять.

Я сел. Только тогда почувствовал, как гудят ноги. Ягель снял нагрудник, а за ним и балахон, оставшись в нижней рубахе. Нагрудник он положил на сухой край полога, балахон отнёс на свой лежак. Без доспеха он показался старше. На шее виднелась белая полоса зажившего рубца. Он отхлебнул из кожаной фляги; потянуло кислым хлебным запахом эля. Пробку оставил возле колена и за ужином всё возвращался к фляге. Когда она опустела, потряс её над кружкой, подождал последних капель и только тогда убрал.

— Ты всегда этой дорогой ездишь?

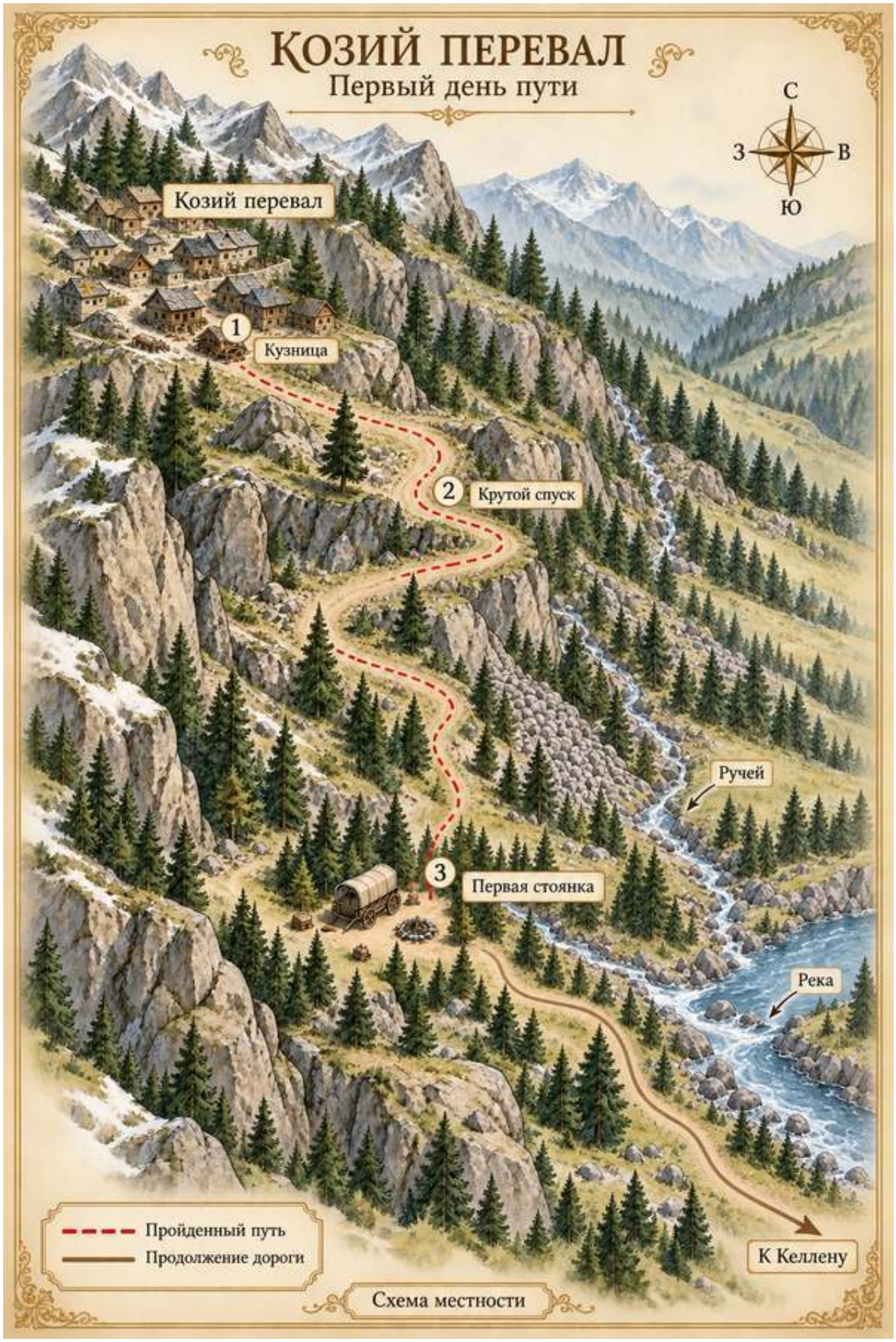
— Когда с запада иду. Если снег рано ляжет, обхожу южнее. Там дольше.

— Сегодня мы сколько прошли?

Он подумал.

— Не мерил. До следующего места для ночлега отсюда часа три, и почти всё по таким же камням. Орлуше на сегодня хватит. Завтра будет положе.

Я посмотрел на лошадь. Орлуша стоял, опустив голову, и время от времени переступал задней ногой. До города оставались недели. Мне хотелось двигаться быстрее, но отсюда я бы не повёл его ещё три часа по каменистому спуску.

— Мне двадцать семь, — сказал я.

Ягель поднял глаза от миски.

— Это к чему?

— Ты у кузницы спросил, умею ли я рубить дрова. И назвал меня парнишкой.

— У тебя лицо молодое.

— Всё равно двадцать семь.

— Буду знать, Арден.

Он протянул котёл. Я взял добавки. В голове этот разговор звучал куда убедительнее. Ягель не стал смеяться, и вскоре неловкость прошла.

После ужина мы проверили груз. Я ощупал ремни, нашёл ослабший на левом боку и перетянул. Ягель подержал фонарь. Перед сном я вынул свою сумку и ещё раз посмотрел на узел вместо ремня: за день ткань вытянулась, однако держала. Записка оставалась во внутреннем кармане. Обломок меча лежал отдельно от мешков, там, где я привязал его утром.

Когда я проходил мимо ели, Орлуша перестал жевать и потянулся ко мне. Я показал пустые ладони, и он отвернулся. Ягель уже забрался на лежак под пологом; из повозки слышалось, как он ворочается и ругает мешок, мешавший вытянуть ноги. Я лёг возле углей. Открытый край полога был в нескольких шагах от меня, и мы могли разговаривать, не повышая голоса.

Мне вспомнилось, что наставник тоже подолгу не мог улечься. Он жаловался на неудобную подушку, менял её местами с другой, а утром сердился, если кто-то замечал, что спал плохо. Я повернулся на бок. Под рёбрами на миг сжалось так, что пришлось выдохнуть через рот.

— Холодно? — спросил Ягель.

— Нет.

Он больше не спрашивал. Через некоторое время я сам сказал:

— Спасибо, что взял.

— Завтра воды принеси до того, как начну запрягать. И будем в расчёте.

Я смотрел, как край полена сереет под тонким слоем золы. За деревьями шёл ручей; ниже, в темноте долины, он соединялся с рекой, вдоль которой нам предстояло спускаться. Завтра я должен был встать раньше Ягеля. Впервые за последние дни я знал, что буду делать утром, ещё до того, как уснул.

Глава 2. Вода у переправы

Утром я принёс воду раньше, чем Ягель выбрался из-под одеяла. Ручей за ночь стал холоднее: пока набирал второе ведро, пальцы свело, и я нёс его, то и дело меняя руку. У повозки уже стоял Орлуша. Он посмотрел на меня, на ведро и принялся пить, не дожидаясь, пока я поставлю его на землю.

— Мне тоже оставь, — попросил Ягель из-под полога.

— Сейчас ещё принесу.

— Я лошади.

Орлуша оторвался от ведра; с его морды вода потекла мне на сапог. Ягель увидел это, но промолчал. За такую сдержанность я был ему благодарен.

Он спустился с повозки, прикрывая глаза от солнца, выпил полный ковш и попросил ещё. Пока я убирал одеяло, сидел на колесе, прижав ладонь ко лбу. Вчера за ужином он уверял, что эль у него слабый. Теперь я не стал напоминать.

Первые дни мы спускались вдоль реки, которую из-за деревьев чаще слышали, чем видели. Дорога то прижималась к скале, то уходила в лес, обходя осыпи. На ровных участках я садился рядом с Ягелем, но вскоре опять приходилось слезать. К вечеру ноги болели так, что я сперва снимал один сапог, долго сидел и только потом принимался за второй.

Постепенно склон стал положе. Появились дворы с низкими каменными оградами, полосы пашни, бельё на верёвках. Горы ещё заслоняли половину неба, но теперь их можно было разглядеть целиком: тёмные леса внизу, голые уступы выше, снег в глубоких складках. По ночам с перевалов доносился далёкий гул. Ягель говорил, что сходит снег, и утром смотрел, насколько поднялась вода.

Потом начались дожди. На одном дворе нам пришлось остаться до следующего полудня: глина облепляла колёса так плотно, что Орлуша не мог стронуть повозку. В другой раз объезжали обвал и вернулись на прежнюю дорогу только к вечеру. Я перестал спрашивать каждый день, сколько осталось. Ягель отвечал честно, но ответ всё время менялся.

Три недели, которые он отвёл на дорогу до Келлена, уже прошли, когда мы добрались до брода.

Сначала я увидел повозки. Они стояли на длинном травяном бугре, повёрнутые оглоблями в разные стороны. Между ними сушили мешки и жгли костры; двое мужчин переставляли колышки загородки для овец. Дорога спускалась мимо этого лагеря к воде и исчезала в ней.

Другой берег оказался гораздо дальше, чем я ожидал. Река заняла луг, окружила ивы, подобралась к ступеням пустого дома. Из воды торчала верхняя перекладина ограды. За ней, ближе к середине, медленно вращалось дерево с вывернутыми корнями. Глядя на него, я наконец понял, где теперь идёт главное течение.

Ягель остановил Орлушу наверху.

— Похоже, придётся ждать, пока вода спадёт, — сказал он.

* * *

До воды мы пошли вдвоём, оставив лошадь у возов. На спуске нас догнал человек в рыжем войлочном колпаке. Из-под него торчали мокрые волосы; один сапог он нёс в руке, набив сухой травой.

— Напрасно сюда смотрите. Брод ниже. За ивами заворачивать надо.

Ягель остановился.

— Там старая мельница?

— А куда ей деться? Я с той стороны. Все тут стоят, потому что дороги не знают. Два медяка с повозки — покажу, где съехать.

— До другого берега проведёшь?

— Я вам отсюда покажу. Там всё видно.

Он ткнул сапогом в сторону ив. Я поискал проход между ними. Над водой торчали тонкие ветки, и только по их верхушкам можно было понять, где заканчивались кусты и начинались деревья.

— Ты сегодня там переходил? — спросил я.

— Сегодня зачем? Я дорогу знаю.

— А когда переходил?

Человек посмотрел на Ягеля, словно вопрос следовало задавать ему.

— Осенью зерно возил. Вода до ступицы. Дно твёрдое.

— Осенью вон тот куст тоже под водой был?

Я показал на ветку с прошлогодним птичьим гнездом. Гнездо едва выступало над поверхностью; вода дрожала у самого края.

Возчик опустил сапог.

— Тут за ночь поднялось. Я не говорю, что совсем сухо.

— За указание на прошлогоднюю дорогу я тебе платить не буду, — сказал Ягель. — А Орлушей глубину мерить тем более.

— Можно и сидеть. Только места повыше занимайте. Вчера вон там костёр был.

Он показал на тёмное пятно под водой и пошёл к своим вещам.

Ягель ещё некоторое время смотрел на реку. Потом вернулся к повозке и начал переставлять её на верхний край бугра. Я помог подтолкнуть колесо, пока он вёл Орлушу между чужими возами.

— А если разгрузить? — спросил я, когда мы остановились. — Провести лошадь отдельно, потом перевезти товар.

— На чём?

У берега лежала перевёрнутая лодка. Я показал на неё.

— Корыто треснуло по днищу, — отозвалась женщина с соседнего воза. — Мы уже смотрели. Хозяин ушёл за доской. Второй день идёт.

Она стряхивала воду с короткого плаща. Возле её ног сидел пожилой мужчина и пытался вытянуть из глины сапог, придерживая портянку.

— Зато за лодку деньги просит исправно, — сказал он. — Может, подождём, пока сама зарастёт.

— Сначала сапог достань, отец.

Ягель снял с Орлуши хомут.

— До завтра постоим. Посмотрим, что вода сделает.

— Ты говорил, в Келлене тебя ждут к концу месяца.

— Лавочник ждёт. Если другой привезёт раньше, у него и купит.

Он снял уздечку, провёл пальцами под гривой.

— Я это помню, Арден.

Я отошёл за котлом. Мне казалось, что мы слишком быстро согласились остаться. Здесь стояли люди с полными телегами, были канаты, доски, лошади. Должен же был найтись способ перебраться. За всё время пути я ни на шаг не приблизился к человеку, который убил наставника, а теперь предстояло сидеть и смотреть на воду.

Ягель между тем оглядел левую переднюю ногу Орлуши, поставил рядом ведро и позвал меня помочь с пологом. Ночевать под дождём ему хотелось не больше, чем мне.

* * *

Соседи попытались развернуть свою телегу уже под вечер. Мужчину звали Марек, его дочь — Нерта; они везли в Келлен горшки, сложенные в солому. На бугре становилось тесно. К ним пришли овчары и попросили освободить место для загородки, которую опять пришлось переносить от воды.

Нерта вела серую кобылу под уздцы. Марек подталкивал телегу сзади. Они собирались пройти по полосе утоптанной травы и повернуть выше нашей повозки, но правое колесо съехало к затопленной канаве. Трава опустилась целым пластом. Телега дёрнулась и накренилась, а кобыла рванула вперёд.

Нерта упала на колено, не выпуская повод. Правое колесо уже стояло в воде по ступицу. Ось скрипела; с телеги посыпалась мокрая солома.

— Нерта, держи кобылу! — крикнул Ягель. — Не давай ей тянуть!

Он бросил край полога. Я побежал следом и схватился за задний борт, как Марек. Телега казалась слишком тяжёлой, чтобы сдвинуться ещё хоть на палец. Потом под водой что-то просело, и борт ударил меня в грудь.

— Отойдите от колеса! — Нерта тянула кобылу к сухому месту. — Её оглоблями разворачивает!

— Ремни режь, — сказал Ягель. — Сначала выпряжем.

— Погодите, она вытянет, — выдохнул Марек.

Кобыла переступила передними ногами. Оглобля пошла в сторону и прижала ей бок; животное заржало. Нерта обернулась на отца.

— Дай нож!

Марек отпустил борт, выдернул нож из ножен и отдал ей. Ягель встал у плеча кобылы, удерживая её, пока Нерта освобождала упряжь. Я продолжал упираться в телегу. Мне всё ещё казалось, что если отпущу, она сразу ляжет набок.

— Арден! Канат из нашей повозки!

— Здесь держать надо.

— Вдвоём с Мареком вы её не удержите. Принеси канат.

Я отступил. Телега осталась на месте, только один горшок перекатился внутри и глухо стукнул о соседний. Пока я бежал к пологу, на помощь подошли овчар и человек в рыжем колпаке. Рыжий нёс длинную доску, которую вытащил из-под своего воза.

Когда я вернулся, кобыла уже стояла на бугре. Нерта держала её за недоуздок и гладила мокрую шею. Ягель приподнимал низкий край телеги, а овчар подсовывал под раму обломок бруса. Доску положили на землю рядом, чтобы не провалиться самим.

Я опустился на колени с сухой стороны, нащупал под кузовом заднюю поперечину и провёл вокруг неё канат. Свободный конец вытянул на бугор.

— Выше тянуть надо, — сказал рыжий. — К нашему возу.

— Если сейчас дёрнем, горшки все туда лягут, — возразил Марек.

— Тогда снимай с верхнего края, — сказала Нерта. — Я лошадь привяжу и помогу.

Ягель выпрямился, держась рукой за поясницу.

— По одному. Арден, принимай. Под телегу больше не лезьте.

Марек забрался на сухую сторону, лёг животом на борт и стал передавать мне горшки. Самые большие приходилось принимать обеими руками, прижимая к груди. По глине текла вода. На одном сосуде под пальцами расползлась трещина; ручка осталась у меня в ладони.

— Ставь отдельно, — сказал Марек.

— Прости.

— Она раньше треснула. Видишь, край тёмный. Ставь, говорю.

Нерта вернулась и встала рядом. Мы носили горшки наверх, укладывали на снятый плащ, возвращались за следующими. Рыжий с овчаром удерживали натянутый канат. Ягель следил за подложенным брусом. Вода постепенно подбиралась к его сапогам.

Когда мы сняли половину груза, Ягель велел Мареку слезть и отойти от края. Мы с Нертой и рыжим взялись за канат; Ягель встал впереди нас. Овчар остался у бруса с жердью, которую подсунул под раму. По его команде мы потянули телегу назад и вверх.

Первый раз она только качнулась. На второй колесо провернулось, выбрасывая чёрную жижу. Я шагнул назад и почувствовал, как земля уходит из-под пятки. Нерта схватила меня за рукав прежде, чем я успел отпустить канат.

— Левее. Здесь стой.

Я переступил к ней. Мы потянули снова. Колесо выбралось из ямы; рыжий не удержался и сел на траву. Телега покатилась следом за нами, и Марек, стоявший сбоку, успел подложить камень под обод.

Некоторое время слышалось только наше дыхание. Из-под заднего борта выливалась вода.

— Кто-нибудь ногу подвернул? — спросила Нерта.

Я покачал головой. Рыжий поднялся, отряхнул ладони и посмотрел на реку.

— За ивами я всё-таки сегодня не пошёл бы.

— Вот это уже свежие сведения, — сказал Ягель.

Марек засмеялся первым, коротко и сердито. Потом сел рядом с горшками и закрыл лицо ладонями. Нерта потрогала его плечо.

— Чего сидишь? Посчитать надо.

Целыми оказались не все. Разбитые горшки они сложили у колеса, чтобы никто не наступил на осколки. Упряжь Нерта зашила к ночи; кобыла, оставленная без работы, уже тянулась к чужому сену. Орлушу Ягель привязал подальше от края, хотя до воды оттуда было не меньше двадцати шагов.

* * *

Наутро брод не открылся. Вода поднялась до нижней развилки на иве; накануне под ней ещё оставалась полоса сухой коры. Ещё через день вода скрыла и развилку.

Мы ждали. Лодочник чинил днище, но возить телеги всё равно не соглашался: его лодка годилась для двух человек и нескольких мешков. Овчар знал каменный мост выше по реке: до дождей он гнал там овец. Что с мостом теперь, никто в лагере не знал. Дорога к мосту выводила далеко в сторону, через лес и деревни. Ягель считал, что обход займёт дней девять. Была надежда, что за это время вода спадёт и брод откроется.

По утрам мы сперва смотрели на иву, потом разводили огонь. Ягель ходил расспрашивать тех, кто подходил к лагерю. Одни видели чистое небо над горами, другие ночевали под дождём. Никто не мог сказать, сколько ещё ждать.

На третье утро я достал из-под полога мешок крупы и почувствовал сырость. Сверху ткань была сухая, зато нижние углы потемнели. Вода натекла между досками, пока мы вытаскивали соседскую телегу и оставили край полога открытым.

Я позвал Ягеля. Мы разгрузили заднюю часть повозки, выстелили траву полотном и высыпали на него подмоченную крупу. Подмок только нижний слой, но Ягель долго растирал влажные зёрна между пальцами и сердился на себя.

Я посмотрел на пустые корзины, вложенные одна в другую в передней части кузова.

— Можно их вниз поставить? Перевёрнутыми. Сверху доски, потом мешки. Тогда от днища сыро не будет.

— Корзины продавать надо, а не ломать.

Я нажал на край ближайшей. Он прогнулся.

— Если доски положить поперёк, на обе стенки? И не все мешки сразу.

Ягель принёс две короткие доски, на которых у нас стоял бочонок. Мы попробовали положить их на корзины, нагрузили одним мешком. Плетение выдержало.

— Эти пойдут, — сказал он. — Сломаешь — покупателю объяснять будешь сам. И крепи так, чтобы не елозили.

Я переставил остальные мешки на доски и привязал их отдельно от ящиков. Между корзинами оставил промежуток, чтобы под мешками проходил воздух. Заодно завернул свой обломок меча в сухую тряпицу: мешковина по краю успела намокнуть. Письмо и синяя полоска в кармане были сухими. Я убрал их, не разворачивая, и взялся за последний ремень.

К вечеру крупа подсохла. Марек принёс нам небольшую миску с неровным краем.

— Эту не купят. Держите за работу.

— У тебя и так побилось, — сказал Ягель.

— Эта из другой партии. Не спорь.

Миска плохо стояла на доске, зато в траве не качалась. Я взял её на следующий день к ручью мыть посуду. Марек увидел и кивнул, будто ему было важно, что мы ею пользуемся.

Орлуша отдыхал, но Ягель всё равно каждый вечер осматривал его ноги. На левой передней ноге, выше копыта, натёрлась кожа; Ягель выстриг слипшуюся шерсть, осторожно смыл грязь, потом долго сидел на корточках, пока нога обсыхала. Мерин вздрагивал, если задеть больное место. Ягель тогда убирал руку и ждал.

В одну из ночей к загородке подошли чужие собаки. Овцы сбились в тесную кучу, лошади начали тянуть привязи. Ягель поднялся вместе с овчарами; к тому времени, как всё успокоилось, у костров уже готовили завтрак.

После еды он сел на переднее колесо и закрыл глаза. Я убрал миски.

— Сегодня до середины ночи я побуду у лошадей. Ложись раньше.

Он открыл один глаз.

— Разбуди, если опять придут.

— Разбужу.

Больше он не спорил. Я пошёл нарезать длинных веток для костра, чтобы не искать их в темноте.

* * *

Рыбачить мы отправились на пятый вечер. Выше лагеря в реку впадала небольшая протока; течение проходило мимо её устья, оставляя у берега тихую тёмную воду. Здесь под затопленной травой держалась рыба. Нерта показала нам место, где можно было сидеть на корнях и не съезжать в грязь.

Ягель вытащил из повозки лесу и крючки. Длинные прутья мы срезали по дороге, червей накопали под гнилым пнём. Я ещё помнил, как отец учил закреплять поплавок, и успел собрать свою удочку, пока Ягель выбирал палку покрепче.

— Давно ловил?

— До того, как уехал из дома.

Ягель уселся на одном из корней, вытянув ногу. Я устроился рядом и спустил лесу у края травы. Вода слегка тянула поплавок, приходилось понемногу возвращать его назад.

Первую рыбу поймал Ягель. Она была не больше ладони, но он снял её с крючка так обстоятельно, словно сразу обеспечил нас ужином.

— Ты её тоже продавать будешь? — спросил я.

— Сначала твою посмотрим.

Моя оказалась чуть крупнее. Ягель приложил их друг к другу, держа за хвосты.

— Эта просто вытянулась.

— От зависти?

Он фыркнул и опустил обеих в корзинку, наполовину погружённую в воду.

Дальше клевало редко. За час мы поймали ещё три рыбы и перестали мериться уловом. Над протокой кружились мелкие мошки; с того берега доносился стук топора. Я снял сапоги, поставил их подальше от края и опустил ступни в воду. Сначала от холода заломило кости, потом ноги перестали гудеть. На солнце сохли портянки. Впервые за несколько дней мне не хотелось спрашивать, когда мы уедем.

У Ягеля поплавок исчез так резко, что он поднялся, не выпуская удочки. Прут согнулся. Я подтянул корзинку, готовясь принять рыбу, но леса пошла к затопленному кусту.

— Правее веди.

— Вижу.

Он потянул прут на себя. Леса дёрнулась, ослабла и повисла на ветке. Ягель посмотрел на неё с досадой.

— Сошла.

До крючка можно было дотянуться с корня ниже того, на котором он стоял. Ягель попробовал корень сапогом, придержался за ствол и наклонился. Сапог соскользнул с мокрой коры; нога ушла в воду почти до колена. Ягель удержался за ствол, но из оттопыренного кармана выпали две монеты — одна звякнула о кору, другая ушла в воду без звука.

Ягель замер.

— Твою мать. Не шевели воду.

— Я и не шевелю.

Он смотрел вниз, пока круги не разошлись. На тёмном дне ничего не блестело.

— Много было? — спросил я.

— Два медяка. Вчера за починку ремня дали, так в кармане и оставил.

Я подался к краю, но Ягель удержал меня за плечо.

— Там ил по локоть. Сиди. Ужин у нас уже есть.

Он осторожно вернулся на сухой корень. Я подал ему свою удочку; её концом Ягель подцепил лесу и освободил крючок. Я достал нож и принялся чистить рыбу. Когда стал промывать её в протоке, вода обхватила кисти; через несколько мгновений пальцы стали неловкими, и скользкую рыбу пришлось прижать к мокрой коре. Я поднял руки к солнцу, дожидаясь, пока вернётся чувствительность.

Рядом Ягель снимал промокший сапог. Он стянул портянку, почесал голень и вдруг нахмурился. Чуть выше щиколотки к коже присосалась пиявка.

— Ещё и эта.

Я нагнулся посмотреть.

— За что ты ей заплатил?

— За рыбалку. Место, видать, её.

— Дорого берёт.

Ягель поддел пиявку ногтем, осторожно отлепил и бросил обратно в воду. На коже выступила маленькая капля крови.

— Это она ещё без друзей пришла, — сказал он. — С друзьями бы сапог сняли.

Из травы у нас за спиной донеслось густое кваканье. Ягель повернул голову.

— А вот и друзья.

Я представил лягушек, которые делят в камышах два мокрых медяка, и не удержался.

— Теперь сидят в таверне. Пиявка платит.

— На мои деньги.

— За твоё здоровье выпьют.

Ягель посмотрел на красную точку у себя на ноге.

— Моего здоровья она уже напилась.

Я засмеялся. Он тоже улыбнулся и стал отжимать портянку.

— Во Флоувотере надо рыбачить. Там такой дряни нет.

— Это где?

— Далеко на юге. Пустыня.

— А рыба там есть?

— Вот этого я не проверял.

Я опять засмеялся, уже тише. Пока я собирал удочки, Ягель снял и второй сапог, убрал внутрь портянки и связал сапоги за ушки. Он перекинул их через плечо, взял корзинку с рыбой и пошёл к лагерю босиком, выбирая места посуше.

У повозки Нерта заглянула в корзинку.

— На двоих хватит. Ещё бы пару — отцу отдала бы.

Я протянул ей две рыбы поменьше.

— Возьми. У нас крупа осталась.

— Тогда лук с меня.

Она пошла к телеге и вернулась не только с луком, но и с горстью сушёных яблок. Марек принёс деревянную дощечку вместо крышки на котёл. Пока рыба варилась, он рассказывал Ягелю о лавочнике, который уже третий год обещал заказать у него одинаковые кувшины, а потом выбирал все разные. Нерта поправляла отца: заказ был один раз, остальные два тот сам привозил, потому что надеялся продать.

Я слушал, развешивая портянки. Мне нравилось, что для этого разговора от меня ничего не требовалось. Можно было съесть рыбу, потом ещё немного каши и сидеть у огня, пока не станет холодно спине.

* * *

Шестую ночь мы провели под дождём. Утром в лагерь пришли двое из верхней деревни. Они вели навьюченную лошадь и искали Марека: его знали по прежним поездкам. Пока Нерта наливала им горячей воды, Ягель расспросил о мосте.

— Стоит, — ответил старший. — Возы пускают по одному. На дороге грязь, зато до колёс вода не доходит.

— В горах ещё льёт?

— У нас третью ночь. Снег выше леса сходит. Этой воде некуда деваться, всё сюда придёт.

Ягель посмотрел на иву. Ниже верхних веток уже ничего не было видно.

— Уходим к мосту, — сказал он.

Я кивнул. От мысли снова сидеть здесь весь день становилось тошно, но теперь мне не хотелось искать дорогу за ивами. Я видел, как у неподвижного воза из-под колеса исчезла земля.

Марек спросил, можно ли ехать вместе. Ягель согласился. Нерта сразу пошла за кобылой; отец собрал осколки горшков в старый мешок, чтобы не оставлять острых краёв в траве. Рыжий возчик решил подождать ещё день. Когда мы тронулись, он помог подтолкнуть нашу повозку из колеи, потом проводил взглядом телегу Марека.

— В Келлене увидимся.

— Если раньше нас будешь, придержи покупателей, — отозвался Ягель.

Тот махнул рукой и вернулся к дымящему костру.

Девять дней обхода мы провели на дороге, которая редко позволяла сесть в повозку. Первые дни шли вверх по лесу; потом выехали к тесной деревне у каменного моста. Под его средним пролётом вода ревела так громко, что распоряжения пришлось передавать жестами. Нерта провела кобылу первой. Мы ждали на берегу, пока вся телега не оказалась по другую сторону, и только тогда Ягель повёл Орлушу.

Я шёл рядом с задним колесом. За низкой каменной стенкой проносились ветки, клочья пены, грязная солома. На середине Орлуша остановился, раздув ноздри. Ягель не дёрнул повод. Погладил его по шее, что-то сказал у самого уха и постоял с ним, пока мерин не сделал следующий шаг.

На другом берегу Марек придержал нашу повозку, пока я поправлял сбившийся мешок. Корзины под грузом выдержали; крупа осталась сухой. Ягель проверил крепление мешка и пошёл дальше.

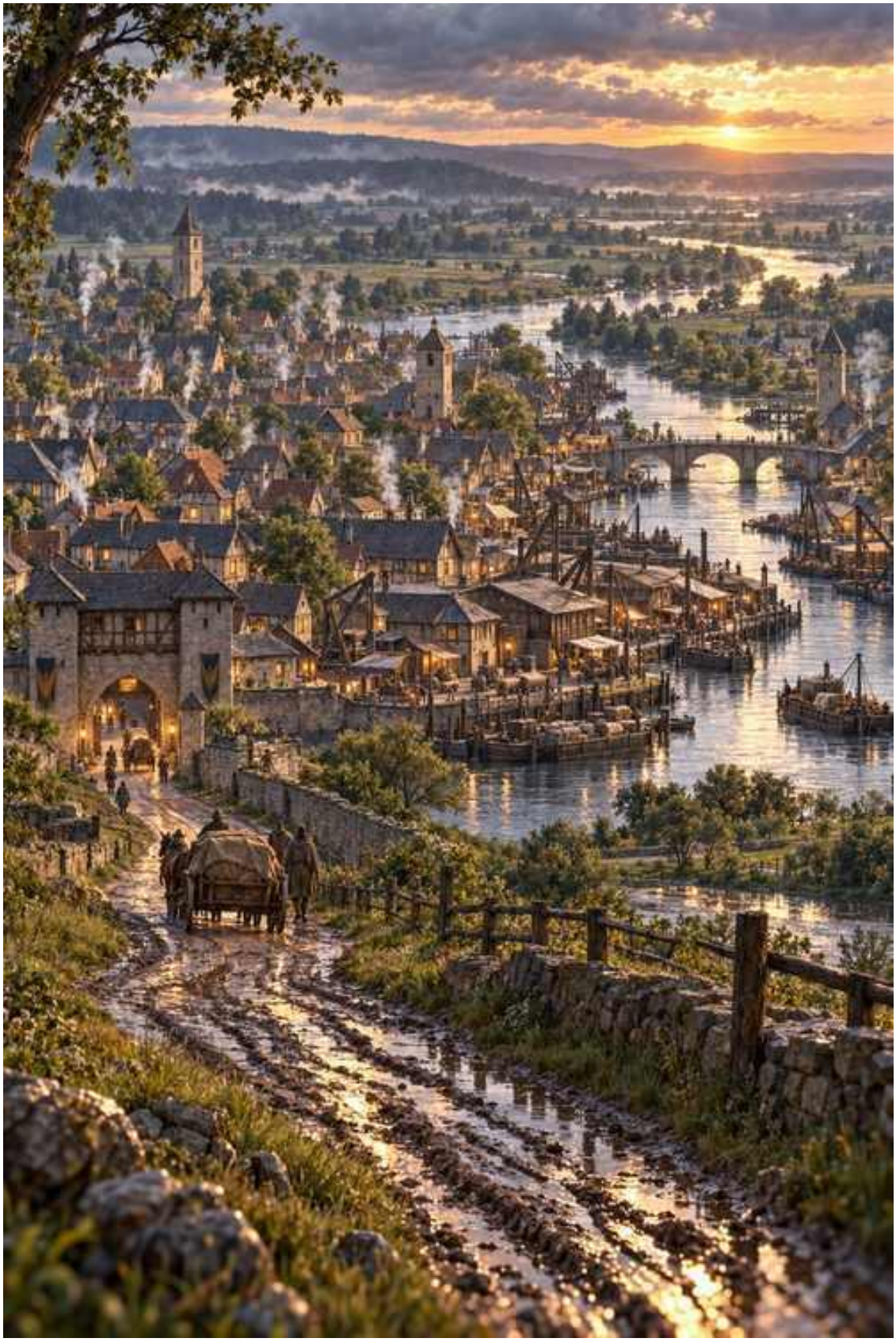
За мостом дорога снова спускалась. В одном дворе мы купили сена, в другом Ягель отдал банку мази за место в сарае и горячую еду. Нерта помогла мне обшить полосу ткани, на которой держалась сумка, чтобы край дальше не расползался. Она держала ткань натянутой, пока я прошивал край. Закончив, я хотел вернуть иглу, но Нерта велела оставить себе. Я завернул её вместе с остатком нити в лоскут.

Когда мы наконец вернулись на келленскую дорогу, горы остались позади, в синей дымке. До города было ещё четыре дня. Мы прошли их мимо затопленных огородов, невысоких рощ и полей, где люди уже поправляли канавы, отводя воду. На постоялом дворе Ягель встретил знакомого торговца и узнал, что лавочник в Келлене купил крупу у другого обоза. Знакомый предложил взять часть нашего товара, но дешевле, чем обещал лавочник.

Ягель сердился весь вечер. Перебрал мешки, пересчитал оставшиеся банки, дважды спросил, по какой цене лавочник взял чужую крупу. За ужином выпил одну кружку эля, потом заказал вторую и третью. Я ушёл спать, а он остался доказывать торговцу, что нашу крупу тот слишком дёшево оценил.

Утром покупатель ждал, пока Ягель умоется и выйдет из повозки. Цену он не поднял. Ягель продал ему два мешка, убрал монеты и помог мне переложить товар. Говорил он мало, а завтрак доесть не смог.

В Келлен мы въехали к вечеру сорокового дня пути. За низкими воротами пахло мокрым деревом и печным дымом. По улице навстречу катили пустые бочки; у стены мальчик придерживал за рукав мужчину, который нёс на плече дверь и ничего не видел перед собой. Где-то близко ударили в колокол, и Орлуша повернул ухо на звук.

Марек с Нертой свернули к гончарному ряду. Перед поворотом она подошла и потянула за починенный ремень моей сумки.

— До Скайдейла хватит. Только иглу в свёртке не потеряй.

Я поблагодарил её. Марек поднял руку с облучка, и их телега скрылась за домами.

— Нам к реке, — сказал Ягель. — Там товар примут.

Улицы сузились. Пришлось идти перед повозкой и просить людей посторониться. Я искал взглядом просвет между крышами, когда дома кончились и перед нами открылся речной двор: навесы, мокрые тюки, канаты толщиной в руку. Над баржей нависала стрела деревянного подъёмника. У ворот стояли люди с пустыми тележками и спорили с кем-то внутри.

Я остановил Орлушу перед брусом, оставленным поперёк дороги.

— Погоди, — сказал я Ягелю. — Узнаю, куда здесь ставить.

Он придержал повод, а я прошёл между ожидавшими к открытым воротам двора.

Глава 3. Мастер из Келлена

Утром брус у ворот лежал на прежнем месте. За ночь на него успели поставить кружку и повесить мокрую куртку. Вчера сторож пропустил нашу повозку под дальний навес, но товар принимать отказался: велел дождаться хозяина. Теперь Ягель шагал рядом со мной, дожёвывая хлеб, и высматривал человека, с которым можно договориться.

За воротами уже спорили. Хозяин двора, мужчина в длинном жилете, требовал разгрузить баржу до полудня. Мастер сидел у основания подъёмника, держа на коленях деревянную колодку с полосой железа вдоль края.

— Новую принесут после обеда, — сказал он. — Подгоню, проверю. До тех пор большие тюки останутся на барже.

— Освин, дай хотя бы шерсть снять.

Мастер поднялся и протянул ему деталь. На щеке тянулась серая полоса, оставленная грязной рукой. Он попробовал стереть её запястьем и только размазал.

— Этой стороной колодка должна держать барабан. Видишь, сколько дерева осталось? Вчера барабан под грузом пошёл назад.

— На пол-оборота, — отозвался человек с баржи. — У меня брат едва руку выдернул.

Хозяин не взял колодку. Освин положил её и пошёл проверять настил, перекинутый с баржи на каменную пристань. Речной двор был зажат между водой и складами; у неподвижного подъёмника уже собрались ручные тележки. Пока не уберут мешки, новые возы сюда не подойдут.

— Мелкое по настилу вынесем, — сказал Освин. — Двух на берег наймём. Сегодня и завтра.

Я шагнул через брус.

— Я могу.

— С грузом работал?

— Повозку грузил. С подъёмником не умею.

— К подъёмнику не полезешь. От настила до навеса носить сможешь?

Я кивнул и спросил о плате. Хозяин предложил четыре медяка за день. Человек с баржи напомнил, что за четыре нанимались зимой, когда другой работы не было. У него самого люди получали шесть и обед.

— Шесть, — согласился хозяин. — Расчёт завтра после смены.

Ягель подошёл к нам.

— Хорошо. Парнишка тебе поможет. Часть платы ему отдашь, а остальное нам в счёт разгрузки зачтёшь.

— За эти два дня ему заплатят, — сказал Освин. — За твой товар считай отдельно.

— Я с хозяином говорю.

Хозяин повернулся ко мне.

— Вы вместе едете?

— Вместе. Но деньги получу я.

Ягель замолчал. Я всё ещё рассчитывал уехать с ним в Скайдейл и не знал, как мы будем разговаривать вечером.

— Свою повозку я разгружу, — добавил я. — Об этом мы договаривались. Здесь я нанимаюсь отдельно.

— Услышал, — сказал Ягель.

Хозяин ушёл показывать приёмщику, куда сложить наш товар. Освин спросил моё имя, назвался сам — Освин Халь — и отвёл мне место для сумки в сухой нише за лестницей.

Первый мешок оказался удобнее того, что я таскал у Ягеля. Небольшой, плотно набитый, с туго стянутой горловиной. Его поставили на край настила, и я обхватил его руками.

— Не к груди, — сказал пожилой грузчик. — Сюда давай.

Он развернул меня боком, придержал мешок, пока я подставлял плечо. Пришлось согнуть колени и только потом выпрямиться. Ткань легла на шею, щекотно посыпалась пыль.

— Дойдёшь, подожди меня. Одному вниз бросать не надо.

Я донёс мешок до навеса и стоял, глядя на пустой ряд деревянных подкладок. Грузчик подошёл следом, помог снять ношу, и мы уложили её у стены. Со вторым мешком я уже не пытался поднять всё руками.

Дальше пошли рыбные пакеты на коротких носилках. Люди с баржи доносили их до берегового конца настила; мы принимали груз и несли под навес. Пустые носилки с лямками возвращали обратно. По доскам ходила одна пара, следующая ждала свободного прохода. От соли щипало ссадину у основания большого пальца, но я заметил её лишь тогда, когда пришлось отлеплять от ладони мокрый ремень.

Ягель подвёл повозку к складу и принялся отвязывать полог. Я пошёл к нему, однако Освин остановил меня.

— Сейчас баржа. С повозкой потом.

— Это наш товар. Я обещал разгрузить.

— На обеде. Я здесь за тобой тоже работу держу.

Я хотел возразить и вдруг понял, что с утра успел пообещать свои руки двум людям сразу. Вернулся за носилками. Ягель не стал звать меня; только подвинул банки к краю повозки, чтобы приёмщику было удобнее их осматривать.

Келлен я разглядывал, пока ждал свободного прохода. За крышами теснились стрелы других подъёмников; на противоположном берегу женщины полоскали длинные полосы ткани. Течение надувало их, словно под водой билась огромная рыба. От кухни пахло жареным луком, и я всё чаще смотрел туда.

У соседнего причала ударили в колокол. Человек с баржи спросил, куда делась нанятая тележка: муку следовало доставить пекарям до второго звона. Выяснилось, что хозяин отдал её под бочки соседу. Пока он ходил за ней, мой напарник сел на подкладку и принялся вычищать муку из-под ногтей. Я прислонился к столбу. Плечо ещё ощущало тяжесть мешка, хотя руки были пусты.

Освин успевал побывать везде. Он меня отправил переставлять мешки, потом позвал за тележкой, а пока я вытаскивал щепу из её колеса — принести скамью к верстаку. Тележку стал искать человек с баржи; за оставшимися мешками застрял покупатель с рулоном кожи. Освин заметил его и нахмурился.

— Я же просил проход оставить.

— Ты меня за тележкой отправил. А потом за скамьёй.

— Там на минуту было.

Мне хотелось бросить всё и уйти. Вместо этого я вернулся к грузчику, закончил ряд и напился воды. Когда Освин снова позвал меня, я попросил его подождать.

— Дай мне одну работу. До вечера. Я её сделаю.

— У тебя что, мало работы?

— Я начинаю одну, ты отправляешь за другой. Потом люди ждут, а виноват я. Скажи, что сейчас важнее, и дай закончить.

Освин посмотрел на пустые носилки у моих ног.

— Если вижу, что где-то встало, туда и посылаю.

— А то, от чего меня забрал, тоже встаёт.

Грузчик предложил оставить меня принимать ремни. Освин недовольно провёл ладонью по затылку, но согласился. До вечера я расправлял пустые стропы, проверял швы и развешивал целые на козлах. Работникам больше не приходилось распутывать их перед каждым мешком. Ремень с расходившейся строчкой я отложил; Освин позже посмотрел его и сказал, что верно убрал. Перебирать мою стопку заново он не стал.

Свою повозку я помог разгрузить в обед, но с Ягелем мы поговорили только вечером. Он сидел у конюшни, вытряхивая сухую траву из моей куртки. Протянул её мне и подвинулся.

— Считал с утра, сколько останется после двора, корма, ночлега. За эль вчера тоже набежало, — сказал он. — Потом ты решил наняться, и я сразу полез торговаться.

— Надо было меня спросить.

— Надо было. С хозяином я бы сбил цену. С тебя сбивать было нечего.

Я потянул повязку на содранной ладони, но она присохла.

— Ты меня кормил всю дорогу. Я это помню.

— И я помню, что ты делал. Всё по новой считать не будем.

Он принёс ковш воды. Я смочил ткань и осторожно снял. Ссадина была небольшой, но кожа вокруг покраснела.

— Завтра перчатки попроси, — сказал Ягель.

— Сегодня тоже можно было попросить.

— Можно было.

Он сел обратно. Я надел куртку и какое-то время смотрел, как конюх ведёт по двору двух лошадей. За дорогу я успел привыкнуть, что Орлуша не наступает мне на ноги, но от

незнакомых лошадей всё же убрал сапоги под скамью. Конюх кивнул нам, проходя мимо. Весь день хотелось вернуться сюда и продолжить утренний спор. Теперь, когда Ягель признал, что должен был спросить меня, спорить больше не хотелось.

Из конюшни высунулся Орлуша и потрогал губами его плечо.

— Сухие яблоки продал, — сказал Ягель мерину. — Не суйся в карман. Сено у тебя есть.

— А эль тоже продал? — спросил я.

— Эль себе оставил.

— Тогда тебя ещё рано жалеть.

Ягель посмотрел на меня, и у него дрогнули уголки рта.

— Вот получишь завтра деньги, послушаем, как ты запоёшь. Тут за кружку больше берут, чем на перевале.

— Я сперва ремень куплю. На сумку.

Он посмотрел на тканевую перевязь, которую мы чинили с Нертой.

— Лавка у бани. Только сам выбирай: ты теперь человек при заработке.

У крыльца постоялого двора звали к ужину. Мы поднялись, но Ягель задержался проверить калитку у Орлуши. Я подождал его у ворот.

* * *

Наутро перчатки нашлись у кладовщика. Они были велики, зато кожа не тёрла ладонь. Подъёмник при мне испытали с новой колодкой; Освин дважды велел опустить тюк обратно, прежде чем разрешил переносить шерсть на берег.

У причала я помогал женщине с длинными узкими ушами, выступавшими из-под косынки. У висков росла короткая серо-бурая шерсть; такая же шерсть на тыльной стороне ладони была примята перчаткой без пальцев. Со мной она говорила на общем радайском, людям у тележки выкрикивала короткие незнакомые слова.

Мы держали оттяжку — длинный канат, не дававший тюку вращаться при спуске. Первую ношу приняли ровно. У следующей один угол лёг на площадку, другой остался висеть. Женщина присела сбоку, взялась за выступавший конец деревянной подкладки и раскрыла ладонь в мою сторону.

— Тар!

Я подал канат вперёд.

Тюк повернулся. Подкладка выскочила из-под угла и стукнула о камень. Женщина отдёрнула руку.

— Стой! Не отпускай, блядь!

Я натянул канат. У барабана замерли; мужчина по имени Дарт отвёл тележку с края площадки. Тюк качнулся и снова завис ровно.

— Зачем отпустил?

— Ты показала…

Я повторил её жест. Собственная раскрытая ладонь вдруг показалась мне очень глупым доказательством.

— Я сказала держать.

— Не понял слово. Решил, ты просишь дать слабины.

— А спросить?

Ответить мне было нечего. Я даже не заметил, насколько близко её пальцы оказались к тюку, пока он не дёрнулся.

Подошёл Освин. Дарт забрал у меня оттяжку; груз подняли, поправили брусок и опустили на площадку. Убедившись, что руку не задело, мастер повернулся ко мне.

— Если команды не знаешь, не двигай груз, пока не узнаешь.

Женщина отвела меня в сторону и протянула конец пустого стропа.

— Тар, — сказала она, раскрывая ладонь. — Держишь как держал. Не тянешь ко мне и не отпускаешь.

Потом согнула два пальца к себе.

— Лэ. Вот теперь подай.

Я дал ремню провиснуть. Она снова показала ладонь.

— Тар.

— Держу.

— Теперь ты подавай мне команды, а я буду держать ремень.

Мне не хотелось изображать команды перед всем двором. Но она ждала. На второй мой жест нарочно оставила ремень натянутым.

— Ты должна подать, — сказал я.

— Вот и поправляй, если делаю не то.

Освин попросил повторить ещё раз, затем разрешил продолжать работу.

— А ладонь ты почему так понял? — спросила женщина.

— У нас так показывали, когда можно бросать конец верёвки. Рука свободна, человек готов поймать.

— Здесь тебе бросать некому. Но я тоже хороша: Дарту кричу, тебе кричу…

Она заправила край косынки за ухо.

— Со мной говори на радайском. Эти два слова знаешь, остальные переспрашивай. Я Тевна.

— Арден.

— Это я уже услышала от Освина.

Она улыбнулась, и я наконец опустил плечи. Следующий тюк мы принимали медленно; на третьем я опять переспросил. Тевна ответила без раздражения. Когда позже подошёл Освин, она успела дать команду прежде него. Мастер дождался, пока тюк ляжет, и ушёл к плотнику.

* * *

К полудню Тевну сменили: вечером её муж выходил на погрузку, а сейчас сидел с детьми.

— Пусть пораньше приходит, — сказал Дарт. — Нам ещё до ночи разгружать.

— И дети пусть пока квартиру стерегут? Старшая вчера решила печь растопить. Мы потом полвечера проветривали.

Дарт перестал улыбаться.

— Сильно?

— Дым в комнату пустила. Заслонку не открыла. Хорошо, отец рядом был.

Тевна вытряхнула из рукава шерстяной клочок и пошла к умывальному корыту. Я снял перчатки. Под ними ладонь взмокла, зато повязка осталась чистой.

В кухне открыли обе двери. Сквозняк тянул через длинный стол к очагу, но возле котла всё равно было жарко. Над лавками сушились мокрые рубахи; с одной вода капала в таз. Дарт снял с гвоздя ложку и принялся протирать её краем рубахи. Для Тевны отложили порцию в миске под деревянной крышкой. Я едва не взял её себе; повар остановил меня и велел садиться — мою миску ещё мыли.

Тевна устроилась напротив и большую часть обеда перелила в горшок.

— Домой понесу. У нас воды нет, с утра улицу раскопали. Муж обещал из колодца принести, но с младшим далеко не уйдёшь.

— Вчера же закончили, — сказал пожилой грузчик, опускаясь рядом.

— Вчера закончили у бани. До нашего дома ещё не дошли.

— Я через вашу улицу шёл. Сверху мостки положили.

— Вот именно, сверху.

Мне принесли похлёбку с двумя кусками рыбы. В бульоне плавали лук и крупные ломти репы. Рыба была мягкой, с дымным привкусом, зато перца повар не пожалел: со второй ложки у меня защипало язык и потекло из носа. Я поставил ложку и потянулся к кружке.

Тевна подвинула мне хлеб. Дарт смотрел с явным удовольствием.

— Непривычно?

— Немного, — ответил я и вытер нос рукавом.

— Сегодня ещё пожалели.

— Я тебя сейчас пожалею, — отозвался повар. — Вчера сам просил перца побольше. Из-за тебя и насыпал.

— Я в свою миску просил.

Повар повертел черпак, примеряясь, насколько точно можно отмерить Дарту добавку. Люди у стола засмеялись. Дарт тоже, потом поднялся и отнёс ему миску.

Тевна с мужем снимала комнату над красильней. Зимой через щели в полу шёл пар, а у наружной стены сырела постель. Они нашли жильё на другом берегу, но пришлось бы дважды в день платить за перевоз.

— Пешком до моста сколько? — спросил я.

— Почти час, — ответил грузчик. — Потом ещё сюда возвращаться вдоль берега.

— Муж говорит, если за месяц договориться, дешевле будет, — сказала Тевна.

Подошедший Освин спросил, с каким перевозчиком. Услышав, покачал головой: у того маленькая лодка, в сильный ветер к дальнему берегу не пристаёт.

— На прошлой неделе сам застрял. До моста пошёл, зато утром за половину двора успел работу придумать.

Дарт ткнул ложкой в сторону мастера.

— Вот откуда у нас новая дверь в кладовой.

— У вас старая дверь сгнила. Я могу больше ничего не придумывать, но в следующий дождь сами будете мешки от лужи отодвигать.

Грузчик попросил не трогать порог: к нему привыкли и переступали даже в темноте. Освин начал объяснять, почему из-за порога нельзя вкатить тележку. Тевна тем временем завязала крышку горшка и попросила передать мужу, где его рукавицы.

У двери обернулась ко мне:

— Вечером стропы под крышу уберите. Здесь ночь сырая.

— Уберём.

— И завтра перчатки спроси сразу.

— Мы завтра уезжаем.

— Тогда хорошей дороги, Арден.

Освин наконец сел. Он собирался в Скайдейл заканчивать подряд, а после — на западную переправу, где его приглашали обсудить обслуживание подъёмников и паромных лебёдок. Там были кузница, лесопилка, работники с семьями.

— Хочешь осесть? — спросил грузчик.

— Хочу утром знать, где буду ночевать.

Пока Освин объяснял, какие рекомендации с него потребовали, я доел рыбу. Под конец похлёбка уже казалась вкуснее, хотя губы продолжало щипать.

* * *

После обеда Освин больше не посылал меня с места на место. Мужу Тевны, пришедшему к вечерней погрузке, я показал полку с рукавицами. Он поблагодарил и присоединился к людям у тележки.

Последнюю стопку ремней я убрал под крышу, как обещал. Кладовщик пересчитал пальцы на обеих возвращённых перчатках, повертел пару и положил на полку. Затем отправил меня за расчётом. На краю стола лежали медяки, разделённые на кучки. Хозяин сверился с дощечкой и отсчитал мне двенадцать. Я пересчитал их сам; он не торопил.

У ворот Освин вытаскивал занозу из пальца.

— Рассчитались?

— Все двенадцать.

— Хорошо. Сумку забери.

Я и так собирался за ней, но поблагодарил. Сегодня мне уже не казалось, что он нарочно считает меня неспособным вспомнить собственные вещи. Ягель ждал у постоялого двора с купленными припасами.

— Ну?

Я показал монеты.

— Пойдём, пока лавку не закрыли.

Кожевник у бани снял с крючка несколько ремней. Новый оказался дорог, зато нашёлся потемневший, с хорошей пряжкой. Я согнул кожу и потянул возле крепления.

— Пять медяков, с креплением, — сказал мастер.

— За четыре отдашь? Дырки старые, — спросил Ягель.

— Укорочу, старых не будет.

— А остаток куда?

Кожевник посмотрел на него, затем на меня.

— Четыре, крепление твоё.

— Пять, с креплением, — сказал я. — Мне завтра в дорогу.

Ягель хмыкнул, но спорить не стал. Пока мастер шил, я расправлял на коленях прежнюю перевязь из наставникова плаща. У старого узла ткань побелела. Выбрасывать её я не хотел; свернул и убрал на дно сумки вместе с обрезком кожи.

Ягель ждал снаружи, отходя от двери, когда из соседней бани выходили люди. Один мужчина уронил веник, пытаясь застегнуть ворот рубахи; Ягель поднял его за комель. Я следил за ними, пока кожевник не позвал примерить сумку.

Ремень лёг поперёк плеча ровно. Я прошёлся до двери и обратно; сумка больше не била по бедру. Вместе с двумя прежними медяками у меня осталось девять.

За ужином я рассказал Ягелю про Тевну и тюк. На слове «тар» поднял ладонь. Он как раз тянулся к хлебу и остановился.

— Что?

Я опустил руку.

— Бери. Я пока только рассказываю.

Он отломил себе корку и принялся жевать. Я молча смотрел, как он поворачивает её во рту: спереди у него не хватало верхнего зуба, и твёрдый край всё время попадал в просвет.

— Ты так смотришь, будто решил пересчитать мои зубы, — сказал Ягель. — Их мало. Работа лёгкая.

— Мягкий кусок рядом лежит.

— До него ещё дойду, парнишка.

— Арден. Я назвал тебе имя ещё в Козьем Перевале.

— Слышал. «Парнишка» короче.

— Арден короче. Это просто лень.

— Когда доживёшь до моих лет, станешь подозрительным старым ублюдком. Тогда поймёшь разницу.

— А ты к тому времени кем станешь?

— Легендой. Не перебивай будущее.

Он всё-таки отложил корку и взял мякиш. Я сделал вид, что не заметил.

* * *

Утром мы не уехали. Когда Ягель выкатил повозку из-под навеса, у заднего колеса послышался стук. Он остановил Орлушу и присел у ступицы. Я увидел трещину возле спицы: прежде под налипшей грязью её не было видно.

За Освином я сходил на речной двор. Он привёл колесника, и вдвоём они осмотрели колесо. Можно было стянуть ступицу железом и добраться до следующего двора. Для замены требовались три дня.

— С полным грузом удержит? — спросил Ягель.

Колесник ответил, что на ровной дороге, вероятно, удержит. За спуск он не ручается.

Ягель ещё раз ощупал трещину, вытер пальцы о нагрудник и спросил цену замены. Когда мастера ушли за подставками, он принялся отвязывать мешки.

— Ещё трое суток, — сказал он. — Покупатель во Вальбреге меня, наверное, уже похоронил.

— Можно к нему послать с кем-нибудь.

— Что передать? Пусть ждёт, пока у меня всё перестанет ломаться?

Но у сторожа он всё-таки спросил, нет ли отъезжающих в ту сторону.

Повозку поставили на подставки, товар перенесли под крышу. Ягель оплатил ремонт и продлил постой. Я помог пристроить кухне остаток сыра, который он вёз на продажу: в кухне теперь меня знали, а хранить сыр ещё три дня Ягель не хотел. Торговаться я его позвал сам.

Колесник взялся за новую ступицу. Освин готовил остальное к сборке; я поднял одну из старых спиц и спросил, чем очистить посадочное место. Он показал, сколько можно снять, и дал мне инструмент. За слишком глубокий срез пришлось бы расплачиваться новой спицей. Я помнил это и работал медленно, придерживая дерево здоровой частью ладони.

Первую готовую спицу Освин повертел перед глазами и потянулся за инструментом.

— Я до метки снял, — сказал я. — Ты сначала измерь.

Он замер, посмотрел на меня, затем взял мерку. Примерил с двух сторон.

— Так оставь. Следующую тоже сюда принеси.

К концу дня проверял уже каждую третью.

На следующий день колесник принёс новую ступицу. Я сперва не узнал в светлом дереве ту часть, которую мы сняли: старая почернела, а по краям была забита въевшаяся грязь. Колесник приложил спицу к гнезду, попробовал посадку и велел мне придерживать колесо. Освин подбивал с другой стороны. Когда я переставил руку ближе к молотку, он отвёл её и молча указал безопасное место.

К полудню Ягель принёс нам хлеб и сыр, оставшийся от продажи. Колесник забрал свою долю и ушёл к другому заказчику. Освин ел, не выпуская из левой руки мерку. Я заметил это только тогда, когда он попытался ею смахнуть крошки с колена.

— Ты её домой тоже берёшь?

Он посмотрел на мерку и убрал в сумку.

— Всё с собой ношу. В прошлой комнате оставил кружку, в позапрошлой — рубаху.

— Вот поэтому Ардену и напомнил сумку забрать? — спросил Ягель.

— Забыл бы, пришлось бы за вами бежать.

— Всё равно вернулись. Только из-за колеса.

Освин усмехнулся и попросил хлеба. Ягель подвинул ему край свёртка. Я сидел рядом с Освином у открытых ворот мастерской и постепенно начал замечать, сколько людей отвлекало мастера: просили посмотреть скобу, спрашивали про канат, звали поручиться за работника. На последнюю просьбу он ответил не сразу.

— Хочу своих собрать, — сказал он позже, убирая стружку. — Артель. Чтобы звать не тех, кто сегодня случайно свободен.

— Для той переправы?

— Если договоримся. У ремесленной гильдии можно взять часть инструмента на первое время, но за него мне отвечать. И за людей тоже.

— Так ты и здесь за всех отвечаешь.

Он провёл ладонью по затылку.

— Здесь я скоро уеду. А там придётся научиться не стоять у каждого над плечом.

Я посмотрел на очищенные спицы. Освин заметил мой взгляд и усмехнулся.

— Завтра ещё посмотрим, как соберётся.

Вечером я отмывал руки у бочки. Ссадина уже подсохла, и мочить её я старался поменьше. Ягель поливал мне на пальцы из ковша; вода сразу становилась серой.

— За эту работу тебе платить не обещали, — сказал он.

— Это наша повозка.

— Я помню. Просто чтобы опять не выяснять вечером.

Я посмотрел на него. Он подлил ещё воды и дождался, пока я вытру руки.

— Ты видел, сколько к нему за день народу приходит? — сказал я. — То скобу посмотреть, то за кого-то поручиться. Я могу хотя бы спицы очистить, пока он занят. А то мы тут и за три дня не управимся.

Ягель оглянулся на колесо, прислонённое к стене мастерской.

— Завтра и посмотрим.

— Он то же самое сказал.

— Мы оба на нём поедем. Мне тоже хочется, чтобы получилось.

На третий день колесо встало на место. Колесник вытащил подставки, и мы с Ягелем загрузили повозку. Провели её через двор, потом обратно. Освин шёл рядом, слушал, на остановке проверил крепление и разрешил выезжать.

Освин собирался уйти в Скайдейл ближайшей баржей. В городе его ждали у грузовых подъёмников Нижней пристани; он объяснил Ягелю, где спросить, если понадобится мастер.

— Заходи и без поломки, — добавил он, повернувшись ко мне. — Посмотришь, что там у нас получилось.

— Только работать сразу не ставь, — сказал Ягель.

— Сам же его привёл.

Освин протянул руку. Я пожал её; за эти дни грубая ладонь мастера перестала казаться мне такой тяжёлой.

К вечеру повозка была готова к дороге. Утром мы наконец могли выехать. Ягель закончил подтягивать полог и отдал мне свободный конец верёвки. На этот раз ему не пришлось показывать, куда его привязать.

Глава 4. Вальбрег

Из Келлена мы выехали после пяти дней стоянки. Починенное колесо больше не скрипело, и первое утро я всё прислушивался, не ослабло ли что-нибудь в креплении. Ягель заметил, как я оглядываюсь, и велел смотреть вперёд: мне предстояло вести Орлушу между двумя возами, а не проверять работу Освина на ходу.

На шестой день после Келлена мы остановились у ручья, чтобы напоить Орлушу. Ягель развернул мешок с овсом, а я пошёл выше по течению за водой. За кустами пасся небольшой олень. Ветер дул мне в лицо; зверь не услышал шагов и продолжал щипать траву.

Я вернулся за луком. Короткий охотничий лук Ягель держал под пологом, в длинном чехле возле стойки. В колчане было пять стрел. Ягель проверил тетиву, протянул мне оружие и велел не уходить за овраг.

Стрелять я умел, но до сих пор попадал главным образом в неподвижные мишени. Пока я подбирался между кустами, олень поднял голову. Я поспешил отпустить тетиву. Стрела стукнула в ствол, а зверь двумя прыжками ушёл за деревья. Я видел только мелькнувший бок и трясущиеся листья.

Мне показалось, что ниже можно выйти ему наперерез. Я шагнул под ветку; колчан зацепился за сучок, ремень дёрнул плечо и лопнул. Пока я хватал его свободной рукой, он покатился по осыпи. Стрелы высыпались в мокрый кустарник на дне оврага.

Я лёг на живот и попробовал дотянуться до колчана луком. Земля поползла под локтями. Пришлось отползти назад. До ручья я добрался с целым луком, одной стрелой, которую вытащил из дерева, и пустым ведром.

Ягель сначала осмотрел мои колени, потом забрал лук.

— Четыре потерял, — сказал я. — В овраге. Я туда не спускался.

Он посмотрел на склон, вздохнул и убрал оставшуюся стрелу под полог. За водой я сходил ещё раз.

К вечеру мы остановились у покосившегося сеновала. Я расстилал себе одеяло, когда Ягель достал из-за моего мешка единственную стрелу и повертел перед глазами.

— Итак. Боевой олень.

— Он был быстрее обычного.

— Ты выстрелил в дерево.

— Олень использовал его как щит.

— А потом отнял у тебя стрелы?

— Колчан сорвался, когда я совершал обходной манёвр.

— В овраг.

— Местность оказалась на его стороне.

— Я больше не дам тебе лук.

— Тогда в следующий раз бери оленя живым.

Ягель рассмеялся — коротко, сипло. Стрелу он положил возле чехла, а мне бросил свободный край одеяла. Я расправил его под стеной, где из досок не торчали гвозди.

Наутро меня разбудил скрип. Ягель сидел на заднем борту повозки и натягивал сапоги; под его тяжестью кузов покачивался на колёсах.

— Ты храпишь, — сказал он. — Так, будто пилишь сырую доску.

— Я не храплю.

— Конечно. Это доски всю ночь сами себя пилили.

Он поднялся и шагнул на настил сеновала. Доска под ним скрипнула так, что мы оба посмотрели вниз. Ягель ушёл к Орлуше, прежде чем я успел что-нибудь сказать.

Несколько дней спустя мы ехали по ровной дороге между лугами. Я сменил Ягеля у поводьев, потом уступил ему место и задремал под пологом. В Келлене он купил две бутылки дорогого медового эля вдобавок к обычному запасу. Одну мы выпили за ужином после охоты; вторую он берёг до Вальбрега, завернув в тряпицу и поставив между мешком и ящиком. Из дорожной фляги он пил каждый вечер, а к этим бутылкам даже меня близко не подпускал, пока сам не решал открыть.

Колесо попало в выбоину. Подо мной подпрыгнул настил, что-то звякнуло, но я только переложил голову на свёртке.

— Парнишка! Просыпайся. У нас потеря.

Повозка уже стояла. Ягель поднял полог и смотрел на доски за моей спиной. Я сел: край одеяла сделался мокрым, от него пахло мёдом и хмелем. Между мешком и ящиком торчало горлышко. Ящик сдвинулся и раздавил бутылку о стойку.

— Последняя бутылка медового эля разбилась, — сказал Ягель.

Он взял горлышко двумя пальцами и поднёс к свету. Я отодвинул одеяло подальше от стекла.

— Разбудил меня из-за бутылки?

— Не из-за бутылки. — Ягель нахмурился. — Из-за последней бутылки. Уважай павших.

— Если она погибла смертью храбрых, похорони её с почестями.

— Уже. — Он указал на щель между досками, куда стекал эль. — Отдал земле.

— Очень предусмотрительно.

— Я умею переживать утраты достойно.

Мы собрали осколки в старую тряпицу. Я протёр доски, Ягель заново привязал ящик к стойке, а мокрый край одеяла вывесили за борт. До вечера меня преследовал медовый запах. Ягель время от времени оборачивался на одеяло и молча качал головой.

Весь путь от Келлена до Вальбрега занял двадцать пять дней. За это время высохли заливные луга, на которых поначалу стояла вода; потом сама дорога стала пылить. На склонах косили траву. Дорога шла между полями; мы ещё долго слышали, как оставшиеся позади косцы перекликаются друг с другом. По вечерам Ягель вытряхивал пыль из бороды, а я стирал рубаху и надеялся, что до сна она успеет высохнуть.

Сумка на новом ремне больше не сползала с плеча. Доставать её из повозки приходилось реже: я научился укладывать нужное наверх, а свёрток с обломком лежал отдельно, обвязанный тем же шнуром, который дал мне Ягель у кузницы. Иногда после особенно тряской дороги я проверял мешковину. Излом стали постепенно разлохматил внутреннюю тряпицу, и я подвернул её неповреждённой стороной.

Вальбрег мы сперва услышали. За длинным рядом ожидавших повозок гремели доски: рабочие снимали настил с причала. Дорога подходила к реке, но перед самым берегом сворачивала между складами. Над головами тянулись жерди с развешенной упряжью; под навесами пахло дёгтем и мокрой кожей. Одна из лошадей заржала, Орлуша ответил, и Ягелю пришлось отвести его подальше от телеги с кобылой.

— Нам через реку? — спросил я.

— К концу стоянки. Четыре дня здесь пробудем, товар сдадим. Нам вон туда, к весам.

У весов толпились возчики. На другом конце площади, за верёвочным ограждением, стояли три крытые военные повозки. Их пропускал человек с узкой дощечкой и печатью; очередь к обычной переправе двигалась отдельно. Молодой солдат попробовал провести к военным возам купца с бочкой, но тот показал на весы и вернулся к нам. Бочку всё равно требовалось взвесить.

Ягель улыбнулся ему как знакомому и велел мне развязать мешки. До вечера мы ходили между складом и повозкой. Торговец, которому Ягель привёз сушёные травы, открыл каждый мешок, хотя содержимое двух последних отличалось только размером листьев. Я придерживал

горловины и надеялся, что он скоро закончит: возле склада из большой корзины продавали тёплые лепёшки.

Когда расчёт наконец состоялся, Ягель отправил меня за двумя. На обратном пути я увидел у соседнего навеса синюю ткань с золотыми буквами.

Накидка была наброшена на деревянное плечико. Внизу её выгоревший край подшили серой ниткой, у ворота чернело пустое место от застёжки. Девиз оставили. Я прочитал его раньше, чем подошёл: PRO REGE ET LEGE.

Лепёшки жгли ладонь. Я переложил их и спросил у продавца, откуда накидка.

— Из мешка, — ответил тот. — Тебе носить или на подкладку?

— Кто её носил до того, как она попала к вам?

Продавец поднял голову. Он был пожилой, с красными веками и игольницей на запястье. За его спиной женщина складывала на стол штопаные одеяла.

— Откуда мне знать? Я не у человека покупал. Всё разом взял у снабженцев.

Он наклонился под стол и вытащил ещё две синие накидки. На одной сохранились только последние буквы, на другой золотое шитьё почти целиком спороли. Под ними лежали ремни без пряжек и обрезанные голенища сапог.

— Списывают, когда износятся. Иногда целым обозом привозят, тогда хорошие куски успевай выбирать. Тебе эта понравилась?

Я положил лепёшки на чистый край стола, достал свою полоску ткани и развернул только угол со швом.

— Мне нужно понять, от такой же одежды это оторвали или нет.

Продавец перестал доставать товар. Он посмотрел на засохшее пятно, потом на меня.

— В какую историю ты хочешь меня втянуть?

— Ни в какую. Я не знаю, кому она принадлежала. Нашёл возле убитого человека и ищу, кого можно о ней спросить.

Женщина за его спиной отложила одеяло.

— Покажи с изнанки, — сказала она.

Я осторожно перевернул полоску. Женщина придвинулась к краю стола, но брать её в руки не стала. Продавец подал ей одну из накидок и деревянную спицу.

— Здесь две строчки, — сказала она, раздвигая складку спицей. — И здесь тоже. Кромку не срезали, завернули внутрь. Нитка чуть другая, а сукно похоже. Только твоё грязное, по цвету не сравнишь.

Она вытащила из ящика короткий синий обрезок с загнутым краем и положила рядом. На свету найденная возле наставника полоска казалась темнее, но толщина и косые ряды нитей действительно совпадали.

— Значит, служебная накидка?

— Такая могла быть, — ответила женщина. — Или её перешили. Из старой длинной два коротких плаща выходят. Видишь, твой кусок до следующего шва оборван. Был бы весь ворот, я бы ещё что-то сказала.

Ягель подошёл с нашими вещами со склада. Я объяснил, почему задержался, и показал разложенную ткань. Он встал рядом, не вмешиваясь.

— Эти накидки из какой службы? — спросил я.

— В последнем мешке были с северных постов, — сказал продавец. — Выдавали через Скайдейл. Но я там при выдаче не стоял. Мне продали изношенное, я заплатил за вес.

— Можно увидеть бумагу о продаже?

Он помедлил, затем достал из кожаной папки сложенный лист. В нём перечислялись сукно, кожа, количество мешков и общий вес. Имен людей, носивших накидки, не было. Продавец придерживал лист ладонью, пока я читал.

Мне хотелось найти хотя бы название одного поста. Я дважды просмотрел короткую запись, затем отодвинул бумагу. В этом мешке могли оказаться вещи десятков людей; ни один из них не обязан был встречаться с наставником.

— В Скайдейле хранится учёт выдачи? — спросил я.

— Должен, — ответил продавец. — Снабженцы без записи не отдадут даже рваный рукав. Только в каком доме хранят, я не знаю.

— Спроси в Северном архиве, — сказала женщина. — Там скажут, чьи книги у них, а чьи ещё при складах. Мой брат оттуда справку для пенсии брал.

Название я узнал сразу. Мне стало легче хотя бы от того, что не придётся искать ещё один неизвестный город.

Я спросил, сколько стоит синяя накидка. Продавец назвал цену, и я подумал о келленских деньгах. Вместо покупки можно было взять обрезок, лежавший передо мной, но на целой вещи было больше швов, ворот и девиз. Казалось, с ней в архиве меня выслушают охотнее.

— Целую не надо, — негромко сказал Ягель. — Тебе сравнение нужно. У него от этой же ткани край есть.

— Я понимаю.

Он замолчал, и решение пришлось принять самому.

Я попросил женщину снова разложить обрезок. В нём оставался такой же шов; остальное я только что увидел и мог описать. Накидка не сообщила бы имени прежнего владельца, сколько бы я за неё ни отдал.

— Этот кусок продадите?

Женщина посмотрела на мужа.

— За медяк забирай. Только со стола крошки стряхни.

Ягель забрал остывшие лепёшки, пока я убирал ткань. Старую полоску я сложил отдельно от покупки. Продавец свернул накидки и снова спрятал их под стол; одна осталась висеть, золотыми буквами к площади.

Мы отошли к повозке. Ягель протянул мне остывшую лепёшку и сел на край кузова.

— Что спрашивать будешь? — сказал он.

— Кому выдавали такие накидки в год перед смертью наставника. Через какие посты шли поставки и куда потом продавали списанное. Если книги сохранились, смогу сравнить с тем, что он искал.

— Про продажу не забудь. После списания её кто угодно мог купить.

— Не забуду.

Я знал это и прежде, с его рассказа об актёрах на перевале. Но тогда списанная одежда представлялась одной случайной вещью. Сейчас я видел целый мешок, а за ним должен был быть ещё один и ещё. Это злило меня сильнее, чем отказ продавца назвать имя. Я пошёл так далеко с маленькой полоской в кармане, а спрашивать всё ещё предстояло почти обо всём.

Ягель доел, вытер руки и помог мне надеть полог. Он не говорил, что находка полезна. Я был рад, что хотя бы это мне не приходится обсуждать.

* * *

Оставшиеся дни в Вальбреге прошли среди дворов и мастерских. Ягель продавал то, что привёз, и выбирал товар для Скайдейла; я получил плату за переноску двух партий мешков и купил новый лоскут для обломка. По вечерам мы возвращались на один и тот же постоялый двор, где хозяйка узнавала нас по Орлуше. Больше всего мне нравилось просыпаться на прежнем месте: можно было оставить одеяло и выйти во двор без сумки.

На второй день Ягель продал целую связку ремней человеку из мастерской. Следующий покупатель взял два, спросил цену и принялся откладывать один обратно. Я стоял рядом и сказал, что утром за такие же заплатили меньше. Ягель посмотрел на меня, но спорить при покупателе не стал. Они договорились; когда тот ушёл, Ягеля уже позвали к весам. Я отправился следом, уверенный, что помог ему продать лишний ремень. Только заметил, что улыбка на его лице пропала.

После обеда мы вдвоём вынесли со склада остаток непроданного товара. Один тюк почти не проходил в дверь. Я придержал створку и повернул его боком, чтобы Ягель мог пройти; за воротами он опустил груз и долго разминал плечо. Мне хотелось спросить, что его так задело в моих словах, но он заговорил с подошедшим возчиком. Я пошёл за следующим тюком. До вечера случай с ремнями так и остался между нами необсуждённым.

Перед переправой потребовалось поправить железную скобу на стойке полога. Её давно погнуло; на неровной дороге верёвка тёрлась о торчащий угол. Мы сняли скобу и отнесли мастеру в соседнем дворе. Я приготовился ждать, пока разгорится горн, но мастер только освободил наковальню от мелких обрезков.

Он зажал скобу щипцами, поставил согнутый участок над наковальней и поднёс свободную ладонь. Некоторое время ничего не происходило. Потом на железе появилось тёмно-красное пятнышко, которое медленно вытянулось вдоль сгиба. Мастер убрал руку, повернул скобу и несколькими ударами выровнял её.

Я видел людей, которые умели нагревать металл, но прежде они работали с проволокой или с тонкими застёжками. Эта скоба казалась слишком толстой.

— Можно так обод выправить? — спросил я.

— Я не смогу. Толстое железо отводит тепло быстрее, чем я успеваю нагреть его магией. Для обода горн растоплю.

Он протянул руку за монетой, потом заметил, что я смотрю на скобу.

— Эту тоже пока не бери.

Я и не собирался. Над ней ещё дрожал воздух. Мы подождали, пока железо остынет; мастер проверил форму, слегка подправил край напильником и только после этого отдал работу. Скобу к деревянной стойке я прикрепил уже у повозки. Она стала на прежние места, и верёвка больше не цеплялась.

На четвёртый день подошла наша очередь на переправу. Ягель сам провёл Орлушу на широкую грузовую лодку; я остался у колёс. Пока берег медленно уходил, было видно лавку старой одежды. Синюю накидку сняли, вместо неё над столом качались три пары сапог.

* * *

Предложение свернуть к ярмарке мы получили примерно через неделю после Вальбрега. На дорожном дворе Ягеля окликнул торговец с двумя повозками. Они обнялись, похлопав друг друга по спине, и знакомый сразу полез посмотреть наш товар. Я ушёл напоить Орлушу. Когда вернулся, оба уже сидели на бревне у ворот.

— До ярмарки пять дней, — говорил торговец. — Обратно можно вдоль холмов выйти. В Скайдейле всё равно всё лето торгуют.

— Сколько стоянка? — спросил Ягель.

— Как пойдёт. Хотя бы дня три побудешь.

Я поставил ведро рядом с колесом. Пять дней туда, три на месте и ещё дорога обратно. Меньше двух недель у нас бы не получилось. Ягель расспрашивал его о ценах на кожу и сушёную траву. Я подождал, пока они закончат.

— Нам в Скайдейл, — сказал я, когда торговец ушёл к своим повозкам.

— Знаю.

— Ты спрашивал, сколько там стоять.

— Спрашивал. Хотел понять, сколько он сам собирается выручить.

— Ты решил с ним ехать?

Ягель посмотрел на меня. Он ещё улыбался после встречи со знакомым, но улыбка постепенно сошла.

— Пока ничего не решил.

— Мы договаривались, что ты довезёшь меня до города. Я за это работаю. Мне нужно туда попасть, а не ждать конца всех ярмарок.

— И много я тебя по ярмаркам возил?

— Пока ни по одной. Я потому и спрашиваю, прежде чем мы свернули.

Он провёл ладонью по бороде. Я снова взял ведро и стоял перед ним, чувствуя, что говорю громче, чем нужно. Из дверей двора на нас поглядывал мальчик с охапкой веников.

— Если дело в деньгах, я могу заплатить за остаток пути, — сказал я тише. — Не всю обычную плату. Сколько заработал.

Ягель поднял голову.

— Положи ведро, Арден. Ты им сейчас колесо пробьёшь.

Я поставил его на землю.

— Ты этих денег мне не должен, — продолжил он. — Я взял тебя до Скайдейла. За реку с тебя не требовал, за ремонт тоже не требую.

— Но ты потеряешь на ярмарке.

— Я ещё ничего там не заработал.

Он помолчал, глядя на чужие повозки.

— Поедем прямо. Утром выйдем пораньше, пока прохладно.

Мне стало стыдно за то, как я начал, но извиняться за сам вопрос я не хотел.

— Спасибо. Я просто боялся, что придётся искать другой обоз.

— Не придётся. А ты мне вот что обещай: когда продаю, дай договорить цену самому. В Вальбреге ты при покупателе цену мне сбил.

— Я только сказал, что утром ты продал такие же ремни дешевле.

— Утром человек сразу десять штук взял. Поэтому я ему уступил. А этот брал два. Их торга ты не слышал, а мою цену решил поправить.

Я помнил этого покупателя: он долго рассматривал ремни, потом выбрал два и пожаловался, что дорого. Я тогда вмешался, уверенный, что помогаю закончить разговор.

— Хорошо. Не буду. Но если снова захочешь расплатиться моей работой без спроса, скажу.

— За свою работу говори сколько хочешь.

Ягель поднялся с бревна, и мы взялись каждый за свою сторону полога. Вечером он ещё посидел со знакомым у ворот. Утром тот повернул к ярмарке; мы проводили его до развилки и поехали к Скайдейлу.

В следующие недели дорога стала заметно люднее. Нам попадались большие обозы с одинаковыми клеймами на бочках, верховые с запасными лошадьми, семьи, у которых вещи и дети помещались на одном возу. Я спрашивал встречных о городе. Никто не обещал близкого конца пути, но одна женщина рассказала, где дешевле ночевать у южного въезда, и я запомнил поворот возле каменной водопойной чаши.

У дорожного двора мы задержались на полдня: Ягель договорился продать остаток трав. Хозяин двора искал людей перенести сухие поленья из старого сарая, который собирались разбирать. Я спросил, сколько заплатят за работу до вечера, и остался. Ягель закончил раньше меня; когда я вышел из сарая, он спал в тени повозки, накрыв лицо шапкой.

За полдня я успел натаскать столько дров, что руки до ужина пахли смолой. От заноз болели пальцы. Я купил у хозяйки нитки, чтобы зашить разошедшийся шов на рубахе, и спросил, можно ли получить две миски горячего, когда проснётся мой спутник.

Она посмотрела на Ягеля.

— Ему обычную?

— Большую. Только сначала скажите, сколько.

Когда он пришёл к столу, я уже расплатился. Ягель потянулся к кошелю, выслушал хозяйку и убрал руку.

— Ты мне за дорогу всё-таки платишь?

— За ужин. Садись, пока твою миску другому не отдали.

В ней была густая похлёбка с мясом и репой. Ягель отломил хлеб, попробовал и попросил хозяйку передать повару, что соли хватит. Женщина ответила, что сама её и варила; за совет брать денег не станет. Ягель попросил эля. За него хозяйка деньги взяла.

Мы ели на улице за длинным столом. На соседней скамье возчик уговаривал маленькую дочь оставить кошку в покое: та пряталась под корытом и шипела при каждом приближении. Девочка показывала кошке хлеб. Отец объяснял, что угощение выбрано неудачно, но дочь ещё надеялась.

— Допустим, в архиве имя найдёшь, — сказал Ягель. — А дальше что делать будешь?

— Найду человека.

— Это понимаю. А когда всё закончится? Где жить собираешься?

Я подержал ложку над миской и положил её на край.

— Не знаю.

Раньше такой ответ показался бы мне отговоркой. Теперь я попробовал представить, что возвращаюсь к дому наставника. Там остались соседи, двор и работа, которую кто-то должен был делать без нас обоих. Но самого наставника я уже не мог найти ни у двери, ни за столом. У меня не получалось вообразить целый день в этом доме.

— Я всё думаю, что сначала нужно понять, зачем его убили, — сказал я. — Без этого не могу решать остальное. Если вернусь сейчас, буду каждый день жалеть, что не дошёл до архива.

— Я тебя домой не гоню.

— Знаю. Просто у меня пока нет другого ответа.

Ягель кивнул. Он не стал предлагать мне немедленно выбрать ремесло или место для жизни. Вернулся к похлёбке, потом спросил, занозил ли я ладонь. Я показал палец; он наклонился посмотреть и посоветовал вынуть её, пока ещё светло. Я принёс с повозки иглу Нерты, которую хранил в лоскуте, и вернулся к столу.

Покончив с занозой, я зашил рубаху. Нитка была светлее ткани, зато крепкая. Одной рукой оказалось неудобно натягивать шов. Ягель придвинулся, взял край и подержал, пока я не закончил. Рубаха помялась, но между лопатками больше не было дырки.

К концу первого месяца после Вальбрега снова начались дожди. Мы реже садились на скамью: на подъёмах Орлуше стало тяжело тянуть по размокшей колее. Накануне последнего перехода до развалин, о которых говорил Ягель, мы ночевали под навесом мельничного двора. Хозяин предупредил, что следующий жилой двор далеко, и продал нам корм для лошади на лишний день. Ягель взял ещё сухарей. Я проверил починенную рубаху, убрал её в сухую часть сумки и с утра помог натянуть полог пониже, чтобы вода стекала за борт. Орлуша терпеливо ждал между оглоблями. Впереди на дороге лежали лужи; пока мы собирались, по ним прошла новая рябь.

Глава 5. Большая половина

К середине дня дождь усилился. Впереди ещё виднелся поворот дороги. Через несколько минут серый склон за ним исчез, а по краям колеи побежала вода. Я спрыгнул со скамьи и пошёл рядом с Орлушей, придерживая полог у переднего края повозки. Из-под него капало прямо на мешок с овсом.

Ягель остановил мерина, чтобы я мог перевязать шнур. Ткань была тяжёлой от воды; пока я натягивал её на стойку, струйка залезла за рукав и потекла к локтю. Я затянул узел зубами и пальцами, вернулся к лошади. Орлуша стоял, опустив голову. В мокрой гриве запутался лист.

— До двора далеко? — спросил я.

— За хребтом. Засветло уже не успеем.

Ягель провёл ладонью по шее мерина. До этого мы поднимались почти без остановок: то пологий участок, на котором можно было сесть, то опять камни и необходимость идти пешком. Я ещё внизу заметил, как Орлуша начал беречь шаг. Теперь он переступал задними ногами, стараясь найти место поровнее.

— Назад к мельнице?

— До мельницы полдня. Посмотрим старый двор. Он здесь, выше поворота.

Я пошёл впереди, пробуя ногой край колеи. На склоне вода несла мелкий камень. В одном месте я придержал Орлушу, пока Ягель обошёл повозку и подложил под колесо плоскую плиту: без неё обод соскальзывал к канаве. Выше дорога сделала короткий изгиб, и справа появились остатки стены.

Издали я принял их за скалу. Между серыми камнями росли рябины, а вместо верхнего ряда кладки тянулась полоса мокрой травы. Только широкий въезд и железная петля, торчавшая из столба, выдавали бывший двор. От ворот ничего не осталось. Крыша сохранилась у низкой пристройки сразу справа от въезда; дальше поднимались голые стены, за которыми виднелись верхушки деревьев.

Перед въездом лежала площадка, когда-то засыпанная щебнем. Дождь уже смыл с неё грязь, и я смог пройти, не увязая выше подошвы. С площадки открывался вид на дорогу в обе стороны, насколько позволяли повороты.

Ягель подвёл сюда Орлушу.

— Посмотри, можно ли под крышей лечь. Только сначала вверх погляди.

Я оставил сумку на скамье и вошёл во двор. Под навесом пахло мокрым камнем, старой золой и травой. Черепица над дальним углом провалилась, но передняя часть крыши держалась на двух толстых балках. Я нашёл сухой обломок жерди, потыкал снизу в доски, осмотрел опоры. У одной балки щепился край; середина была целой. Лечь можно было возле наружной стены, подальше от провала.

На полу сохранились плоские камни. Вдоль стены лежали сухие листья, среди них — скорлупки орехов. Я разгрёб их жердью и увидел старую костровую ямку, обложенную почерневшим камнем. Над ней не было крыши, и дождь шлёпал в золу. Чуть дальше от края оставалось место, где можно развести небольшой огонь, не поджигая стропил.

В глубине пристройки я заметил дверь. Она выходила через боковую стену наружу, на ту же площадку, где стояла повозка. Я обошёл угол снаружи, убедился, что за дверью нет ямы, и вернулся под крышу. Створка была широкая, из толстых досок, с поперечными полосами железа. Скобы были с обеих сторон. Дверь открывалась внутрь пристройки, но нижняя железная полоса цепляла каменный порог; под ней набилась земля. Я поднял щеколду и попробовал потянуть за скобу. Дерево скрипнуло, но не подалось. Выгребать землю из щели сейчас не хотелось: дождь шёл сильнее, а через открытый передний край пристройки до повозки было всего несколько шагов.

— Крыша спереди держится, — сказал я, возвращаясь к Ягелю. — Пол сухой. Глубже лучше не ходить, там всё обвалилось.

Ягель посмотрел сам. Постоял под балкой, нажал на столб плечом и выбрал место для огня. Потом мы повернули повозку оглоблями к дороге, чтобы утром не разворачивать её на узкой площадке. Орлушу выпрягли. Я отвёл его к краю травы и закрепил повод так, чтобы он видел нас из-под навеса.

Мерин первым делом опустил морду к мокрым стеблям. Увидев, как спокойно он ест, я тоже немного успокоился: здесь по крайней мере не приходилось на каждом шагу удерживать его у края размытой колеи.

— Когда-то тут была знаменитая таверна, — сообщил Ягель, разгружая полотно. — «Ягель — Страшный Клык» называлась. В мою честь.

Я посмотрел на широкий просвет между двумя его верхними зубами.

— Клык у тебя и правда страшный. Особенно отсутствующий.

Ягель пнул камень. Тот просвистел возле моего колена.

— Чуть не попал.

— Я старый. Дай ещё несколько попыток.

Я подобрал камень и положил его на край полотна, чтобы ткань не задирал ветер. Ягель взял сумку с огнивом и полез под навес.

* * *

Разжигать пришлось дважды. Под корой набранных веток была сухая древесина, но толстые куски не хотели заниматься. Я сидел на корточках, прикрывая маленькое пламя коленом, а Ягель резал ножом тонкую стружку и подкладывал её под ветки. Когда огонь наконец добрался до щепок, мы оба отодвинулись, оставив ему воздух.

— Я думал, ты отвечаешь только за направление, — сказал я.

— Направление костра — вверх. Я лишь исправил твою ошибку.

Он сдул стружку с рукава и сел ближе к огню, протянув к нему мокрые ладони.

Я снял плащ и расправил его на жерди. Из подола потекло. Внутренний карман отсырел по шву, но записка и обе полоски синей ткани остались сухими. Я проверил их и переложил в сумку. Новый кожаный ремень уже потемнел от дождей и приработался к плечу. С той тонкой полосой плаща я, наверное, возился бы до самой ночи.

Ягель принёс из повозки свёрток рыбы, хлеб и маленькую луковицу. Копчёного леща мы купили накануне у мельницы. Половину уже съели в дороге, а оставшуюся Ягель собирался разогреть, чтобы не грызть холодной.

Он нашёл плоский камень, обтёр его мокрой травой и поставил у огня. Рыбу развернул на чистой стороне ткани.

— Чистил я, — напомнил он. — Греть будешь ты.

— Ты с неё бумагу снял.

— Костей три вынул.

Он показал пальцами, сколько именно. Я взял свёрток, стараясь не засмеяться раньше времени: спорить с Ягелем о сделанной работе было занятие долгое. Уложил рыбу на нагревшийся камень, рядом поставил котелок с водой. Камень придвинул к открытому краю навеса, чтобы дым от рыбы не шёл нам в лица.

Ягель снял нагрудник и повесил на столб. Под ним рубаха оставалась почти сухой. Он растёр шею, достал из кармана кусок бечёвки и занялся лопнувшей завязкой на овсяном мешке. Я смотрел, как быстро его толстые пальцы разделяют спутанные концы, и без прежнего удивления понимал, что моим рукам ещё надо этому учиться.

— Подвинь ногу, — попросил он.

Я подвинул. На камень у моей пятки капало с балки.

— Ты же сам там сидел.

— Теперь капает.

Я сел рядом с ним. Снаружи по дороге текла бурая вода; у колеса повозки она разделялась надвое и снова сходилась в канаве. Орлуша повернулся к дождю задом, не переставая жевать. За его спиной белела стёртая полоса дороги, уходившая вверх.

— В Скайдейле к кому сначала пойдём? — спросил я.

— К Элоизе, в «Старый грифон». Я у неё останавливаюсь.

О хозяйке Ягель прежде рассказывал мало. Я представлял женщину вроде той, что держала двор в Келлене: ключи на поясе, миски на полке, чужие мокрые вещи возле печи.

— Там дорого?

— По-разному. Смотря что ей понадобится чинить.

— Ты и там работой платишь?

— Деньгами плачу. Но если подоконник сгнил, она всё равно спросит, не умею ли я обращаться с молотком.

— А ты умеешь?

Ягель отложил мешок и посмотрел на меня.

— Смотря сколько подоконников.

Я засмеялся. Он потянулся к хлебу, отрезал две толстые краюхи и одну положил возле моей миски.

— Ты сначала переночуй, — добавил он. — В архив с утра пойдёшь. С дороги там всё равно ничего толком не сделаешь.

Я хотел возразить, что могу хотя бы узнать часы приёма, но посмотрел на свои рукава. В таком виде меня бы сперва отправили сохнуть. От мысли, что через несколько дней будет дверь, в которую я наконец смогу постучать, стало беспокойно. До сих пор город был впереди при любом ответе на вопрос о дороге. Теперь надо было приготовить слова, с которых начнётся разговор.

— Доедем — сам спрошу, — сказал я. — Если поздно, утром вернусь.

— Вот и спроси.

Ягель затянул последний узел и встал отнести мешок. Я перевернул рыбу, придерживая её ножом. Кожа прилипла к камню; пришлось поддевать с края. В воздухе уже пахло горелым жиром.

Пока Ягель кормил Орлушу, я резал лук. Луковица всё время выскальзывала, поэтому я прижал её хлебной коркой. Половину нарезал мелко, вторую отложил для Ягеля: он любил откусывать прямо так. На неровном дне Марековой миски луковые кружки собирались у одного края.

Дым вдруг пошёл мне в лицо. Я отодвинул котелок, наклонился к камню и увидел, что рыба с нижней стороны стала почти чёрной.

Ягель как раз вернулся.

— Долго грел?

— Похоже, достаточно.

Он наклонился, отщипнул кусочек у края и попробовал. Пожевал, посмотрел на меня.

— Эта сторона готова.

— Другая тоже.

— Тогда садись, пока третью не приготовил.

Я снял рыбу на дощечку. Ягель разломил её вдоль хребта, оставил себе узкий обгоревший кусок, а мне положил почти всю толстую часть.

— У тебя меньше, — сказал я.

— Зато с корочкой.

Я посмотрел на корочку, которую он старательно соскребал ножом.

— Ты её не ешь.

— Сейчас выберу, какая вкуснее.

— Давай поменяемся.

Он отодвинул свою миску раньше, чем я успел протянуть руку.

— Арден, ешь. Ты целый день с повозкой пешком шёл. Я руководил. Руководство расходует меньше сил.

— Ты тоже шёл.

— Я хлеба больше взял.

На его колене лежала такая же краюха, как у меня. Ягель поймал мой взгляд, отломил от буханки ещё кусок и положил рядом с первым.

— Теперь больше.

Я уже смеялся. Он ковырнул почерневшую кожу, попробовал мясо под ней и удовлетворённо кивнул.

— Видишь? Хорошая рыба.

— Ты мне большую половину отдал.

— Большую половину ты мне закоптил второй раз. Так что ешь, пока я не передумал.

Мясо под кожей оказалось тёплым, мягким и ещё достаточно сочным. Я отделил толстый кусок у спинки, проверил, нет ли мелких костей, и положил Ягелю на хлеб. Он открыл рот для возражения, но я поднял ладонь, как Тевна у подъёмника.

— Тар. Держи как держал.

Ягель посмотрел на хлеб, оставшийся у него в руке, и стал смеяться. Сначала тихо, потом так, что пришлось положить его обратно в миску.

— Я тебе тогда чуть не поверил, — сказал он, отдышавшись. — В Келлене. Подумал, что у вас теперь весь хлеб по команде раздают.

— Если хорошо поработал — разрешают откусить.

Он поднёс хлеб ко рту и замер с преувеличенно терпеливым видом.

— Ешь уже, — попросил я.

Ягель откусил. Уголок обугленной кожи приклеился к его усу, и я долго не мог сказать об этом, потому что стоило открыть рот — я снова начинал смеяться. Когда наконец показал, он снял его, рассмотрел и бросил в огонь.

— Вот. Лучшую корочку потерял.

* * *

Рыбу мы доели не сразу. Ягель развернул полотно с остатками, нашёл возле хребта ещё немного мяса и стал выбирать его кончиком ножа. Лук оказался слаще, чем я ожидал. Я ел

его с хлебом, придерживая миску между коленями, а воду из котелка мы наливали понемногу в одну кружку.

Я спросил, давно ли он не был на юге. Разговор про Флоувотер вспомнился сам: рыба, вода, мокрые сапоги, хотя ни ловить, ни сушить портянки сегодня не пришлось.

— В прошлом году до юга не добрался, — ответил Ягель. — Груз здесь нашёл.

— А до пустыни когда ездил?

— До неё я и тогда не доехал. Торговал у реки, ближе к морю. Возчики про Флоувотер рассказывали, пока ждали погрузку.

Я отложил хлеб.

— И ты мне говорил, что там хорошо рыбачить?

— Я говорил, что там пиявок нет.

— Ты даже этого не проверял.

— В песке? Не проверял.

Он облизнул большой палец, которым придерживал рыбу, и добавил:

— Если поедешь, узнай. Два медяка у меня уже ушло на плохое место, больше ошибаться не хочу.

Мне представился Ягель посреди песчаного склона с той самой удочкой, которую мы срезали у протоки. Он наклоняется, проверяет сухой поплавок, потом требует вернуть плату за место. Я попытался рассказать ему, но споткнулся на первых словах.

— Что? — спросил он.

Я объяснил. Он слушал серьёзно, только по морщинам у глаз было видно, что тоже едва держится.

— Поплавок не нужен, — сказал он, когда я закончил. — В песке и так увидишь, где клюёт.

Я отвернулся от кружки, чтобы не выплюнуть воду прямо на него. Ягель хлопнул меня между лопатками. Хлопок вышел сильнее, чем требовалось; я закашлялся, а он перестал смеяться и спросил, не обжёгся ли я.

— Нет. Ты просто больше так не помогай.

Он убрал руку. Я вытер подбородок рукавом, поставил кружку и некоторое время сидел, глядя в огонь.

Дождь стал тише. С карниза ещё падали частые капли, но двор уже не скрывался за водяной пеленой. На обломке стены появилась маленькая бурая птица. Она перебежала вдоль камней и исчезла в кустах, не заинтересовавшись нашими крошками.

Ягель собрал кости в край полотна. Я забрал миски, ополоснул их дождевой водой из ведра и перевернул на доске. Марекова сразу покачнулась, пришлось подложить под край плоскую щепку.

— Ложись первым, — сказал он. — Я посижу, пока дров хватит.

— Сейчас принесу ещё. Под той балкой снизу сухо.

— Дальше двора не ходи.

Я и не собирался. Даже после целого дня на ногах не хотелось сразу ложиться. От еды и огня стало тепло, под крышей лежали сухие одеяла, а впереди оставался только короткий вечер, в который ничего не требовалось успевать.

* * *

Обломки дерева лежали возле дальней стены двора. Я видел их ещё при осмотре: старая балка раскололась, открыв сухую сердцевину. До неё от нашего огня было шагов двенадцать, через пустое пространство без дверей и поворотов. Я взял из повозки топорик и пошёл, обходя лужи.

Первую щепу отломил руками. Вторую пришлось поддеть обухом. Под ней застрял плотный клок серо-бурой шерсти.

Я подумал, что здесь чесалась лошадь, но шерсть была жёсткая, длинная, с тёмными концами. На белом изломе балки выше моего колена тянулась свежая царапина. Дождь намочил наружную сторону, а в глубине древесина ещё светлела.

Я перестал вытаскивать щепу. Рядом с балкой в стене был провал — вход в задние помещения, где давно рухнула крыша. Перед ним вода собралась в мелкую лужу. Через неё тянулась широкая полоса: что-то волокли по земле, смяв траву у порога. Чуть сбоку уцелел отпечаток лапы. В грязи различались вмятины от пальцев и глубокая впадина под краем подушечки.

Из провала не доносилось ни звука. За ним были видны мокрые камни и куст, выросший поперёк прохода. Я попятился, стараясь снова наступать туда, где только что прошёл, и позвал Ягеля.

Он пришёл с горящей веткой. Я показал шерсть и полосу у порога. Ягель присел, наклонил огонь к следу, потом поднялся и оттеснил меня плечом к середине двора.

— Возьми, — сказал он, протягивая ветку.

Сам взял у меня топорик. Мы вернулись под крышу, не заходя в провал.

— Волк? — спросил я.

— Для волка крупновато. По этой грязи не скажу.

— Может, он там?

— Может.

Ягель смотрел во двор. Я почувствовал, как быстро остыли руки, хотя горящая ветка грела щёку.

— Уедем?

Он вышел к Орлуше. Мерин поднял голову от травы, а когда Ягель провёл по его шее, потянулся к руке. Я пошёл следом. Теперь стало видно, что канава возле дороги переполнилась: вода пересекала колею как раз перед спуском к повороту. В сумерках мокрые камни почти не отличались от провалов между ними.

Ягель прошёл до края площадки и остановился.

— На спуске колесо поведёт, — сказал он. — Мы его и днём еле прошли. Дальше до двора лошадь не дотянет, всё равно в лесу встанем.

— Можно только за поворот отойти.

— А там уже край склона. Здесь хоть огонь есть и видно, откуда подойдут.

Он вернулся под крышу, надел нагрудник и затянул ремни.

— Переставим всё ближе к въезду. В глубине спать не будем.

Я перенёс одеяла на передний край сухого пола, откуда видел бок повозки. Ягель подошёл к застрявшей двери, потянул за скобу, затем подобрал щепку и выгреб мокрую землю из-под нижнего края. Мы попробовали потянуть вдвоём. Створка дёрнулась и встала; железная полоса скрежетала по камню. Ягель отпустил скобу, выпрямился и посмотрел на широкий въезд.

— Через двор пойдём, если понадобится. Между навесом и повозкой ничего не оставляй. Проход должен быть свободным.

Мы отнесли ведро и котелок к стене. Орлушу Ягель переставил на другой край площадки, поближе к оглоблям, и оставил повод на быстром узле. Я принёс из повозки фонарь. Его слабого света хватало только на ближайшие камни, зато не пришлось бы искать огниво, если дождь прибьёт костёр.

Связку сухих лучин я положил рядом с Ягелем. Топорик он оставил у колена. Я взял нож, которым резал лук, и почувствовал себя глупо: с таким лезвием я привык чистить рыбу, а не ждать зверя. Спрятать его обратно всё же не смог.

— Если услышишь что-нибудь сзади, буди сразу, — сказал Ягель. — Не ходи смотреть один.

— Я первый посижу. Ты с утра на ногах.

— Оба на ногах. Ложись пока. Потом сменишь.

Спорить не хотелось. Я лёг боком к огню, подложив сумку под голову. Повозка была видна через край навеса; за её колесом переступал Орлуша. Путь к нему проходил перед нашим костром, поперёк узкой полосы двора. Я несколько раз посмотрел на эту полосу, прежде чем закрыть глаза.

Сначала мешал каждый звук. Вода шлёпала с крыши, Ягель шевелил угли, где-то за стеной посыпались мелкие камни. Я спросил, что это было. Он ответил, что видел птицу на кладке, но всё равно поднялся и посветил через двор. Потом вернулся на прежнее место.

Я проснулся от прикосновения к плечу. Дождь кончился; сквозь дыру в крыше виднелось несколько звёзд. Ягель передал мне одеяло, которым укрывал колени, и показал, куда сложил оставшиеся лучины. Я сел у огня. Дверной провал в дальней стене был тёмным, перед ним на камнях лежал отсвет углей.

— Всё тихо? — спросил я.

— Пока тихо. Разбудишь меня, когда устанешь.

Обычно Ягель спал в повозке, но теперь улёгся рядом, придвинув топорик к руке: если зверь выйдет во двор, нам лучше быть вместе. Я подбросил две лучины, дождался, пока они займутся, и поставил рядом с собой фонарь.

Глава 6. Ульфур

Орлуша перестал жевать. До этого я слышал, как он шуршит сеном возле оглобель, и даже задремал сидя, но теперь тишина заставила меня поднять голову. Мерин стоял боком к въезду, вытянув шею. Повод натянулся. За дальней стеной что-то тяжёлое наступило на осыпавшийся камень.

Я положил ладонь Ягелю на плечо.

— Вставай.

Он открыл глаза сразу. Я показал на тёмный проход, возле которого мы вечером нашли шерсть. Там ничего не было видно, зато Орлуша отступил ещё на шаг и коротко, хрипло заржал. Ягель сел, взял топорик. Я подбросил в костёр последние приготовленные щепки; огонь поднялся, осветив середину двора.

Зверь вышел из-за куста у разрушенного прохода. Сперва я увидел голову, опущенную почти до земли, потом высокие плечи и мокрую шерсть, свалявшуюся в длинные пряди. Я успел подумать, что это волк, прежде чем он шагнул мимо столба. Спина прошла выше железного кольца, к которому вечером был привязан Орлуша. В холке зверь достал бы мне до груди.

Он остановился за костром. Одна передняя лапа встала на камень, другая — в лужу; между ними поместилась бы моя голова. Шерсть на плечах шевелилась при каждом вдохе. Над правым глазом белел старый рубец, сам глаз затянуло молочной плёнкой. Левый, янтарный,

следил за Ягелем, который медленно поднимался рядом со мной. Я никогда не видел зверя, возле которого вставший во весь рост Ягель казался бы недостаточно большим.

Орлуша рванул привязь. Зверь повернулся на звук и прошёл к въезду, пересекая ту полосу двора, по которой мы собирались отступать. Я сделал шаг к повозке, но Ягель удержал меня за рукав.

— Назад. Не пройдёшь.

Он вынул из костра толстую ветку с горящим концом. Топорик оставил в другой руке. Я отступил под крышу, за столб; зверь остановился между нами и въездом. Теперь до него было всего несколько шагов. В тишине я слышал его дыхание и скрип ремня, на котором метался Орлуша.

— Возьми фонарь. К двери, — сказал Ягель.

— Она не открывается.

— Попробуй ещё. Я здесь побуду.

Я поднял фонарь. Нож держал так крепко, что заболели пальцы, хотя до зверя им было не дотянуться. Отойти от огня оказалось труднее всего: пока Ягель стоял рядом, мне казалось, что нас двое; у стены я остался один перед неподвижной дверью.

Скоба была холодной и скользкой. Я поставил фонарь на выступ кладки, убрал нож за пояс и потянул обеими руками. Створка дрогнула, нижний край заскрёб по порогу. Я попробовал раскачать её, упираясь сапогом в стену. Из щели посыпалась сухая земля, но дверь не открылась.

За спиной Ягель крикнул. Я обернулся: зверь обошёл костёр и вытянул морду к его колену. Ягель ткнул горящим концом ему под нос. Зверь отдёрнул голову, щёлкнул зубами по ветке; с обугленного дерева посыпались искры.

Ягель шагнул поперёк ему дороги. Топорик он держал у бедра, лезвием наружу, а огнём водил перед мордой. Зверь подался в одну сторону, заставил его повернуться и сразу шагнул в другую. Ягель успел заслонить узкий промежуток возле столба. Мне показалось, что сейчас он ударит, но морда была слишком близко к его руке: для замаха пришлось бы убрать огонь.

Зверь снова потянулся вперёд. Ягель отступил на полшага, упёрся пяткой в камень и ударил веткой по раскрытой пасти. Горящий конец обломился. Кусок упал между передними лапами; зверь переступил через него и не ушёл. Ягель взглянул на то, что осталось у него в руке, и снова выставил укоротившийся горящий конец перед собой.

— Скоро? — спросил он, не поворачивая головы.

Я снова взялся за скобу. Наклонился, чтобы тянуть всем весом, и амулет выскользнул из расстёгнутого ворота. Серебряная оправа ударилась о железо; камень лёг мне на пальцы.

На мгновение стало светло.

Скобу держала чужая рука — широкая, с синей ниткой, повязанной вокруг запястья. Доски под ней были сухими. В щели между ними стоял жёлтый дневной свет. Человек приподнял свободный край двери, и железная полоса внизу отошла от выбитого угла порога. Только после этого он потянул створку к себе. Подол чужой одежды скользнул мимо камня.

Я моргнул. У порога опять лежала мокрая земля, скобу сжимали мои руки. Фонарь стоял на прежнем месте.

— Арден!

— Шевелись, блядь! — Ягель ударил горящей веткой по камням перед зверем. Тот отшатнулся от искр, но уже ставил лапу на сухой пол под крышей. Я видел это и не мог сразу отвести взгляд от собственных пальцев: ещё мгновение назад на скобе была чужая рука.

Я не успел понять, что со мной произошло. Взялся за скобу снизу и попробовал приподнять всю створку. Дверь была тяжёлой; плечи заболели раньше, чем дерево шевельнулось. Я упёрся ногами в пол и потянул вверх сильнее. В петле коротко щёлкнуло. Нижний край перестал скрести.

Створка пошла на меня. Я едва успел отступить и отвести её вглубь пристройки. Снаружи пахнуло холодом. Через открывшийся проём были видны бок повозки и Орлушина шея; до привязи оставалось три шага вдоль стены, в стороне от зверя.

— Открылась!

Ягель отступил под навес, не поворачиваясь к зверю спиной. Тот двинулся следом и впервые зарычал. Звук был низкий, с надрывом, будто ему мешало что-то в горле. Когда Ягель отступил ещё на шаг, когти ударили по плитам там, где только что стоял его сапог. Он опустил топорик перед собой. Зверь убрал лапу, прижался плечом к столбу и стал протискиваться под крышу.

— К мерину, — сказал Ягель. — Отвяжи и держи.

Я вышел боком и прижался к стене. Орлуша увидел меня и потянулся навстречу так резко, что узел упёрся в кольцо. Я дёрнул свободный конец. Повод подался, мерин шагнул на меня, и пришлось обеими руками удерживать его голову, не давая повернуть во двор.

Ягель появился в дверях боком, прижав локоть с топориком к рёбрам, чтобы не зацепиться за косяк. Он в последний раз выставил ветку в проём, бросил её на пол внутри и взял у меня повод свободной рукой. Мерин дёрнул нас обоих; я налетел плечом на Ягеля и едва не уронил его. Он удержался, перехватил повод короче.

— К повозке. Я отведу его от входа.

Орлуша мотнул головой. Ягель увёл его за оглобли, к краю площадки; топорик всё ещё был у него в руке. Я шагнул следом и оглянулся. В раскрытой двери уже показалась морда зверя. Горящая ветка лежала под его передними лапами. Он опустил нос, втянул дым и переступил через неё.

Ягель стоял спиной к выходу. Мерин теснил его к повозке, не давая обернуться. До них от двери было несколько шагов, а на площадке между ними и зверем уже не оставалось ни столба, ни костра. Я крикнул Ягелю и вернулся к створке.

Пришлось наклониться через порог: раскрытая дверь ушла вглубь пристройки, и наружная скоба была почти у стены. Я дотянулся до неё, потянул на себя и попятился. Тяжёлое дерево пошло медленно. Нижняя полоса скребла камень; я дёрнул скобу вверх, как только что делал с другой стороны. Створка сдвинулась быстрее, но в сужавшейся щели уже была звериная голова.

Я навалился на скобу всем весом. Дверь упёрлась в шерсть, остановилась и пошла обратно. Следом за головой в щель полезло плечо. Зверь проталкивался наружу, отжимая створку всем телом.

Он достал меня, когда я отступил от порога. Зубы сомкнулись на правом бедре, сбоку, чуть выше колена. Я сперва почувствовал удар и давление, от которого нога перестала мне подчиняться. Потом пришла боль. Подошва поехала по мокрому камню, я ударился спиной о стену и закричал.

Левой рукой я ещё держал скобу. Зверь потянул назад, к себе; в плече рвануло, меня начало разворачивать поперёк порога. Я отпустил железо и вцепился в шерсть над мордой, пытаясь остановить рывок. Шерсть была мокрой, скользила между пальцами. Он втянул ноздрями воздух, не разжимая зубов; от этого короткого, обычного звука стало страшнее, чем от рычания.

Правой рукой я выхватил нож из-за пояса. Замахнуться было негде. Я ткнул сверху в край пасти, туда, где над губой сходились мокрые пряди. Лезвие скользнуло по зубу; отдача прошла в пальцы, и рукоять чуть не вывернулась из ладони. Я крепче сжал рукоять и ткнул ещё раз, ниже зубов.

Сталь вошла в край пасти. Зверь разжал челюсти, мотнув головой, и я сразу потянул ногу к себе. Ткань задержалась на клыке, затрещала и отпустила. Я отдёрнул нож, прежде чем его вырвало из руки, и прижал локоть к боку. Пальцы уже почти не чувствовали рукояти.

До повозки было близко. Я оттолкнулся от стены, попробовал шагнуть к ней и понял, что не дойду: правая нога согнулась, как только на неё пришёлся вес. Я снова ударился о кладку и сполз вниз. Зверь вскинул голову; из разрезанной губы на порог падали тёмные капли. Дверь уже отодвигалась внутрь под его плечом.

Я вытянул раненую ногу в сторону от пасти и схватил скобу левой рукой. До неё теперь пришлось тянуться вверх. Нож оставался в правой, но между мной и зверем было только дерево, которое я всё ещё мог притянуть к себе.

Зверь сунул голову за мной. Плечи ещё оставались внутри пристройки; чтобы вылезти, ему пришлось бы отвести дверь назад. Я потянул её к косяку, упёршись левой подошвой в основание стены. Свободный край ударил зверя позади челюсти. Его морда оказалась снаружи, а толстая шея застряла между деревом и камнем.

Он попытался повернуть голову ко мне. Нижняя челюсть заскребла по порогу, зубы щёлкнули возле колена. Я подтянул ногу, не отрывая левой подошвы от стены. Ниже звериной шеи в щель протиснулась лапа, сгребла мокрые листья; когти царапнули камень у моего сапога.

Зверь попятился внутрь, надавив шеей на створку. Скоба рванула меня вперёд. Я выпустил нож и ухватился за железо обеими руками; лезвие звякнуло где-то возле бедра. Левая подошва съехала с камня. Я поставил её выше, почти выпрямил ногу и снова потянул дверь.

В досках что-то хрустнуло. Край возле звериной шеи начал расходиться вдоль железной полосы; светлая щепка загнулась наружу. Скоба выскальзывала из пальцев, и я уже не мог перехватиться: стоило разжать хоть одну руку, дверь оттолкнула бы меня. Я кричал Ягелю и видел, как щель снова становится шире.

Топор ударил сверху, за мутным глазом.

Ягель стоял надо мной. Орлушин повод был затянут на оглобле. Зверь дёрнулся от удара; скоба ударила меня по костяшкам, но дверь я не отпустил. Я видел Ягелевы сапоги, широко поставленные на мокром камне, и обе руки на коротком топорище.

Лезвие застряло. Ягель качнул рукоять, упёрся подошвой в порог и выдернул топор. Зверь ещё тянулся назад; створка опять сдвинулась, стаскивая меня с места. Ягель ударил второй раз, в ту же рану, всем весом подавшись вперёд. В этот раз лапа на пороге перестала скрести.

Створка перестала рваться из рук. Я продолжал тянуть её, пока Ягель не присел рядом и не разжал мои пальцы.

— Всё. Отпусти.

Я разжал одну руку, потом другую. Звериная голова тяжело легла на порог. Ягель придержал дверь, посмотрел внутрь и отодвинул меня за плечи подальше от проёма.

Я смотрел на звериную лапу, лежавшую на пороге. Она ещё раз шевельнулась, и я попытался отползти, прежде чем понял, что Ягель задел её сапогом. Он присел передо мной, заслонив порог.

Только тогда я почувствовал, сколько крови набралось в штанине.

* * *

Ягель разрезал ткань от колена вверх. Я пытался приподняться, чтобы увидеть рану, но он велел лежать и подложил мне под голову свёрнутое одеяло. Небо над крышей посерело. Из двора ещё тянуло дымом; я всё ждал, что зверь за стеной зашевелится.

— Он мёртвый? — спросил я.

— Мёртвый. Смотри на меня.

Он прижал к бедру сложенную полосу чистого полотна. Боль оказалась такой сильной, что я оттолкнул его руку. Он поймал моё запястье.

— Кровь надо остановить. Дай подержать.

Я кивнул и зажмурился. Под ладонью ткань быстро стала тёплой. Ягель прижал сильнее, а я схватился за край одеяла и старался не шевелиться. На языке стоял вкус железа; губу я, должно быть, прикусил, когда падал.

— Ты цел? — спросил я через некоторое время.

— Цел.

— А Орлуша?

— Тоже. Ногу не поднимай.

Он отвечал сразу, коротко, и это помогало больше, чем если бы начал меня успокаивать. Я видел его лицо близко: седые волосы прилипли ко лбу, возле уха дрожала капля пота. Топор он положил так, чтобы я не задел его локтем.

Когда кровь стала проступать медленнее, Ягель положил мою ладонь поверх своей.

— Держи здесь. Я воды принесу.

Я прижал полотно. Он дождался, пока я устрою руку, и только тогда поднялся. Далеко не уходил: котелок, фляга и мешок с чистыми тряпицами были рядом. Воду, оставшуюся после ужина, пришлось снова поставить на огонь. Я лежал, слушал, как он двигает поленья, и следил за дверью. В проёме была видна одна лапа.

— Что это было? — спросил я.

— Ульфур. Большой.

— Ты таких уже встречал?

— Живого — нет. Только убитого видел. Тот гораздо меньше был.

Он подошёл и проверил, как я держу повязку.

— Скажи, если в глазах темнеть начнёт.

— Пока не темнеет.

Я не стал говорить, что встать всё равно боюсь. Путь от стены до повозки, который вечером занимал несколько шагов, теперь казался длиннее всего двора.

Ягель дождался, пока кипячёная вода остынет, вымыл руки и осторожно смыл грязь с раны. Клыки оставили глубокие проколы; между двумя кожа разошлась. Кровь опять пошла, хотя уже не так сильно. Я смотрел в сторону дороги и отвечал, когда он спрашивал, чувствую ли я пальцы ноги. Он наложил свежее полотно, обернул бедро полосами ткани и помог мне сесть.

— До города два дня, — сказал он. — Сегодня доберёмся за хребет. На дворе остановимся, там людей спросим.

— Назад ближе нет?

— У мельницы лекаря нет. Хозяин говорил: за ним в Вальбрег посылают. Вперёд быстрее.

Я попробовал согнуть ногу. Боль сразу прошла от раны вверх, и Ягель придержал меня, пока я переводил дыхание.

— Я думал, сразу в архив пойду, как доедем, — сказал я.

— Сначала ногу покажем. Архив подождёт.

От его спокойного ответа стало обидно, хотя я сам только что спросил, куда ехать за помощью. Почти всю дорогу я торопил нас к городу; теперь он был наконец близко, а я не мог даже сам подняться на повозку. Ягель, должно быть, заметил, как я смотрю на ногу, потому что сел рядом, не продолжая сборов.

— Доедем, — сказал он. — Я сначала тебя устрою.

Я кивнул. Посидел ещё, пока дрожь немного не унялась, потом обхватил его за шею. Он поднял меня осторожно, под спину и колени. Я всё-таки вскрикнул, когда больная нога качнулась, и Ягель остановился посреди площадки, давая мне перехватиться.

— Дальше, — попросил я. — Только не ставь обратно.

В повозке он заранее раздвинул мешки, положил на дно два одеяла. Я устроился на левом боку. Под правую ногу Ягель подложил свёрнутую куртку, поправлял её, пока я не сказал, что так можно терпеть. Потом принёс из-под навеса мою сумку, положил рядом вытертый и убранный в ножны нож. Фонарь он тоже забрал.

Пока Ягель собирал остальное, я проверил записку и ткань. Обломок оставался в своём свёртке. Всё было при мне. Когда я добрался до амулета, пальцы задержались на серебряном краю.

— У двери со мной что-то случилось, — сказал я.

Ягель перестал сворачивать мокрый плащ.

— Ты замер. Я тебя позвал, ты не ответил.

— Я видел, как её открывают. Днём. Кто-то поднял скобу, а потом потянул. Рука была чужая.

Он посмотрел на дверь, потом снова на меня.

— Вспомнил, как раньше открывал похожую?

— Нет. Там этот порог был. Тот же сколотый угол. Только пол сухой.

Я показал камень. До этого я ещё ни разу не доставал его перед Ягелем нарочно.

— Он на руку лёг. А потом я это увидел.

Ягель наклонился, но трогать амулет не стал.

— От наставника?

— От отца. Наставник велел про него не спрашивать при чужих.

— Значит, знал что-то.

— Или думал, что знал. Я даже не уверен, об этом ли камне он писал.

— Тогда убери пока. Сначала с ногой разберёмся.

Я спрятал амулет под рубаху. Мне хотелось, чтобы Ягель назвал случившееся, как только что назвал зверя. Он ничего не добавил; я понимал, что выпытывать у него ответ бесполезно. Сам я мог повторить только увиденное: сухие доски, рука с ниткой, короткое движение вверх. Ни слова о том, откуда это взялось.

Пока мы разговаривали, над дальней стеной посветлело. Ягель подложил мне под спину тугой свёрток, чтобы я мог устроиться полулёжа с вытянутой ногой. Откинул полог так, чтобы я видел дверь пристройки, и вернулся к зверю. Сперва подпер створку обломком балки. Потом взял ульфура за переднюю лапу и попытался повернуть. Туша сдвинулась совсем немного. Ягель отпустил её, выпрямился, растирая поясницу, и пошёл за длинной жердью.

— Оставь его, — сказал я.

— Голову возьму. За такую могут заплатить. На посту спрошу, кому её отдать.

— На лекаря?

Он посмотрел на меня и кивнул.

С помощью жерди Ягель повернул тушу набок, высвободив из-под неё заднюю лапу. На загривке шерсть стояла жёсткими прядями; под ней плечо было толще моего бедра. Я попробовал представить, как поднял бы такого зверя, и не смог. А перед рассветом держал дверь, которую он пытался отжать шеей.

— Если бы ещё раз дёрнулся… — начал я.

Ягель отложил жердь.

— Не удержал бы ты его, — сказал он. — Я видел.

— Я думал, ты далеко.

— Рядом был. Только повод с руки снимал.

Он подошёл проверить повязку. Новая кровь на ткани не выступала. Ягель задержался возле повозки, поправил куртку под моей ногой и спросил, не кружится ли голова. Я ответил, что нет. Он дал мне воды, дождался, пока я напьюсь, и принёс из своего ящика широкий нож.

— Ещё шкуру снимешь?

— Со спины и боков. Лапы оставлю. Пока светает, успею.

Мне хотелось уехать сразу, но внизу под поворотом ещё стояла серая мгла. Камни на спуске блестели от воды. Ягель посмотрел туда же и сказал, что сначала даст Орлуше поесть: мерин за ночь успел больше натоптать сена, чем сжевать.

Он поставил лошадь у передка повозки, по другую сторону полога от туши, подвесил мешок с кормом и вернулся к порогу. Срезал клочок свалявшейся шерсти, поддел пальцами кожу у задней ноги. Первый надрез сделал неглубоким, дальше повёл нож изнутри.

— Почему так? — спросил я.

— По шерсти резать — натаскаешь её в мясо. Потом сам же будешь выбирать.

Он раздвинул разрез. Под длинным тёмным волосом оказался второй слой — короткий, густой, почти серый. Вчера возле балки я держал в руках такую же шерсть и пытался убедить себя, что её оставила лошадь.

— У волка не такая?

— У северного похожая. Только посмотри, какой толщины здесь кожа. И на лапу посмотри.

Ягель приподнял переднюю лапу за запястье. Она закрывала всю его широкую ладонь; из мокрой шерсти торчали кривые когти. Он опустил её осторожно, хотя зверь уже ничего не мог почувствовать.

— Таких сам разделывал?

— Один раз помогал. Северяне привезли убитого, хотели шкуру снять. Я тогда тоже полез резать сверху. Мне дали выбирать волоски.

— Долго?

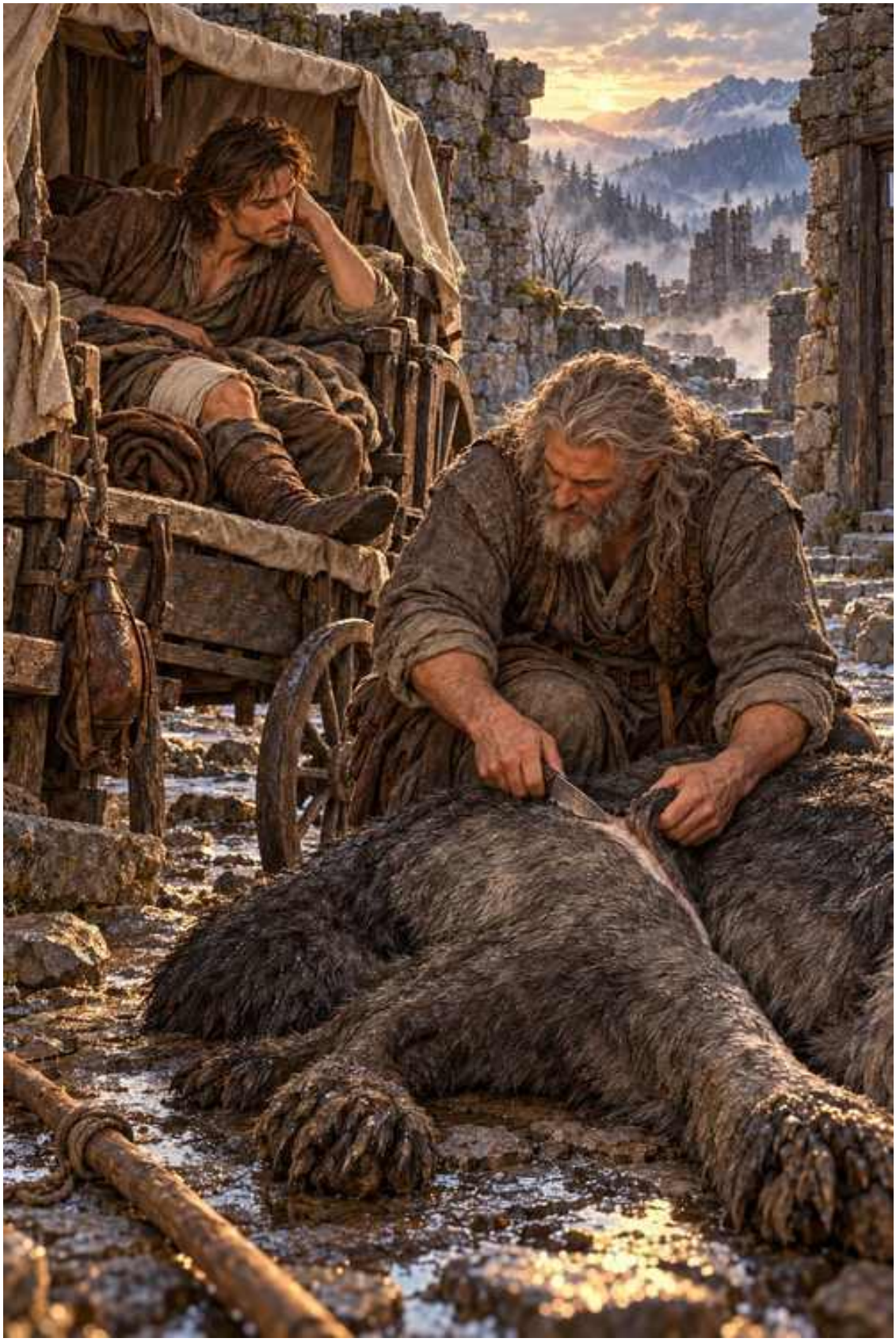
— До ужина успел. С тех пор помню.

Я следил, как он оттягивает край кожи и отделяет её от мяса короткими движениями. Когда у него перестало получаться, он не нажал сильнее, а перехватил нож ближе к лезвию. Под кожей натянулась белая плёнка; кончик прошёл вдоль неё, и край шкуры отошёл почти без усилия.

— А если здесь просто потянуть?

— Попробуй на рукаве. Где шов держит, там ткань порвёшь. Надо сперва увидеть, что не пускает.

Он продолжил работу. Ягель не торопил меня с вопросами и не рассказывал больше, чем я спрашивал. Иногда отходил к повозке, чтобы посмотреть на мою ногу, и всякий раз сначала вытирал нож и оставлял его у порога. Мне стало легче смотреть на тушу. Пока я различал в ней только голову и лапы, я снова слышал, как трещит дверь. Теперь можно было следить за руками Ягеля.

Когда он вскрыл брюхо, пришлось отвернуться. Меня затошнило от тёплого тяжёлого запаха. Ягель заметил и молча придвинул к борту пустое ведро. Я некоторое время смотрел на дорогу, дыша ртом, потом повернулся к нему.

— Если кишку заденешь, мясо испортишь, — сказал он. — Поэтому пальцами приподнимаешь, а ножом идёшь мелко. Силой здесь ничего хорошего не сделаешь.

— Ты собираешься его есть?

Он не ответил сразу. Осмотрел то, что открыл, затем повернул заднюю ногу к свету. С неё уже была снята кожа. Мясо под ней темнело, влажное, без светлых пятен. Ягель срезал небольшой край, поднёс к свету и понюхал.

— Эту часть возьмём на завтрак. До самого двора ничего горячего больше не будет.

— А его пасть? Ты же видел.

— Видел. Поэтому к голове пока не лезу. Здесь мясо целое. Если бы не понравилось, обошлись бы хлебом.

Он вымыл руки, достал другой нож и отрезал от задней ноги четыре узкие полосы. Положил их на чистую дощечку, отнёс к огню. Остальную тушу брать не собирался: свежему мясу в нашей повозке негде было храниться, а ради засолки Ягель задерживаться не хотел.

Плоский камень, на котором мы вчера грели рыбу, он очистил, обдал водой и поставил над углями. Налил ещё воды в котелок. Пока камень нагревался, принёс мне Марекову миску и маленький мешочек.

— Соль насыпь. Только сперва руки сполосни.

Я принялся развязывать мешочек. Пальцы всё ещё дрожали; шнур выскользнул, я поймал его у самой миски и вдруг разозлился так, что хотелось бросить всё на дно повозки. Ягель занялся огнём, будто ничего не заметил. Со второй попытки узел поддался.

— Столько?

Он заглянул в миску.

— Хватит. Теперь посоли каждую полосу с обеих сторон. Дощечку не наклоняй.

Я посолил мясо. Ягель забрал его, уложил на камень и придавил деревянной лопаткой, которую выстругал из сухой щепы. Раздалось тихое шипение. В воздух потянуло дымом и жиром — так знакомо, что от этого стало неприятно. Я смотрел на полосы мяса, потом на повязку, под которой начинало горячо пульсировать бедро.

— Что? — спросил Ягель.

— Он меня только что ел.

Ягель поднял голову. Некоторое время мы смотрели друг на друга, потом он опустил глаза к камню.

— Могу хлеба дать.

— Нет. Я попробую.

Он перевернул мясо. Края подрумянились, середина ещё оставалась сырой. Ягель раздвинул угли, убрав сильный жар, и положил полосы дальше от пламени.

— До подошвы прожарим, — сказал он.

— Ты знаешь, какая подошва на вкус?

— Ремень варил. Подошву не пробовал.

Я поднял голову от миски.

— Правда варил?

— Зимой в сторожке застряли. Думали до утра пересидеть, а снег три дня валил. Жевать его можно было, только толку мало.

— Весь ремень съел?

— Половину. Потом два дня штаны подтягивал, пока верёвку не нашёл.

Я засмеялся, осторожно, придерживая ногу. Он улыбнулся краем рта и попросил следить за мясом: если начнёт дымить, сразу позвать. С повозки мне был виден весь камень. Переворачивать полосы самому не требовалось.

Ягель закончил снимать шкуру. Края у неё вышли неровные — кожу над лапами он обрезал, сохранив широкий пласт со спины и боков. Соскоблил приставший жир, пересыпал мездру

солью, свернул внутрь и стянул ремнём. Пока он затягивал пряжку, я позвал его: одна полоса начала темнеть с края. Ягель подошёл, отодвинул камень от углей и разрезал самый толстый кусок. Середина была сухой, без красного сока.

Он переложил мне в миску две полосы и дал кусок хлеба. Мясо оказалось жёстким. Приходилось откусывать понемногу и долго жевать; во рту оставались соль, горечь дыма и незнакомый тяжёлый привкус. Первые несколько кусочков я ел через силу, потом обнаружил, что всё время тянусь за следующим.

Ягель сел на порог. Свою порцию он ел молча, уперев локоть в колено. Когда доел, я протянул ему флягу. Он сделал несколько глотков, провёл ладонью по лицу и только тогда заметил засохшую кровь на манжете. Долго тёр её большим пальцем, пока я не сказал, что потом отмочим.

— Ага, — ответил он и встал.

* * *

К голове Ягель приступил после завтрака. Подложил под шею ульфура обрубок бревна, чтобы топор не попал в камень, и отвёл в сторону спутанную шерсть. Туша лежала поперёк порога. Даже теперь рядом с нею он не казался большим.

Первый удар вошёл глухо. Я вцепился в край миски. Ягель вытащил топор, поправил положение шеи и ударил ещё раз. Пришлось отвернуться: в голове стоял прежний звук — те два удара, после которых дверь перестала тянуть меня вперёд.

Когда я снова посмотрел, голова уже лежала отдельно. Ягель подхватил её за остаток загривка и нижнюю челюсть, приподнял обеими руками и переложил на бревно. Морда перевесила; он успел подставить колено и удержать тяжёлый трофей. Из раскрытой пасти показался клык длиной с мой палец.

Ягель подсунул под отрубленную голову распоротый старый мешок. Краем ткани закрыл срез, затем стянул пасть коротким ремешком: иначе тяжёлая челюсть оттягивала свёрток и зубы цеплялись за мешковину. Он затянул пряжку, проверил её большим пальцем и только после этого завернул голову целиком.

Одной бечёвки не хватило. Ягель нарастил её, обвязал мешок крест-накрест и закрепил снаружи у задка повозки, подальше от моей постели и еды. Шкуру привязал отдельно, на другом борту. Под весом головы доска негромко скрипнула; Ягель добавил ещё одну петлю вокруг стойки.

— Сколько за неё дадут? — спросил я.

— Пока не знаю.

— Но хоть что-нибудь дадут?

— За такую — дадут. Только не начинай тратить раньше меня.

Ягель вытащил из-под сиденья шапку и стал отряхивать приставшее сено. Один шов разошёлся, наружу лезла подкладка. Я впервые заметил, что он зашивал её нитками трёх разных цветов.

— Шапку купишь?

— Эту зашью. На лекаря оставим.

За пристройкой оказался старый колодец. Ягель ещё вечером видел его через провал в стене; сейчас принёс фонарь, заглянул вниз и сказал, что до самого дна лежат сухие камни. Потроха он собрал в рваный мешок и опустил туда на верёвке. Вернувшись за последними обрезками, объяснил, что не хочет оставлять их возле ночлега, где завтра могут остановиться другие люди.

Утащить тушу подальше от двора Ягель один не мог. С помощью жерди он сдвинул её с порога вглубь пристройки, закрыл боковую дверь и загородил открытый вход под навес обломками досок. На первом жилом дворе он собирался предупредить хозяина, чтобы сюда до проверки никого не посылали ночевать.

Я захотел помочь с досками и уже положил ладони на борт, собираясь приподняться. Нога сразу потянула, но сильнее остановило другое: Ягель видел моё движение и ждал, что я сделаю. Я убрал руки.

— Я сам, — сказал он. — Сейчас закончу.

Потом он закрыл колодец обломками каменной крышки, вымыл руки и инструменты, затоптал угли. Из постели я ещё раз посмотрел на дверь. У самого края, за который давила звериная шея, железная полоса выгнулась наружу; из-под неё торчали светлые щепки. Вчера мы вдвоём не могли сдвинуть эту створку.

Ягель принёс сумку с полотном, проверил, не ослабла ли повязка, и устроил всё так, чтобы достать её, не перебирая товар. Лишь после этого запряг Орлушу. Я подтянул к себе одеяло и попросил не закрывать полог спереди. Хотелось видеть дорогу.

* * *

С площадки мы съехали, когда дорога стала видна до самого нижнего поворота. Ягель вёл Орлушу под уздцы. На спуске он дважды останавливался, выбирая, как провести повозку между камнями; я видел над бортом его спину и держался за мешок, чтобы не сползать. Каждый толчок отдавался в бедре. Я ждал ровного участка и не спрашивал, сколько ещё до него.

Руины остались за поворотом. После спуска дорога снова пошла вверх, огибая выступ скалы. Мерин шёл медленно, осторожно переставлял ноги; я смотрел на мокрые листья у обочины и злился, когда повозка останавливалась, хотя сам просил остановить её перед каждой глубокой колеёй.

К полудню снова захотелось есть. Ягель дал хлеба, намоченного в воде, потому что сухой я долго жевал и никак не мог проглотить. Сам ел стоя, прислонившись к колесу. Когда я спросил, почему он не садится, он ответил, что потом будет трудно подняться.

— Спина?

— Немного.

Я посмотрел на него. Он заметил и махнул рукой.

— Устроился удобно?

— Ты меня больше не носи. Доску подставим, сам залезу.

— На дворе посмотрим.

Он принёс ещё воды, поправил полог, чтобы солнце не било мне в лицо, и сел на край повозки. Несколько минут мы просто отдыхали. Я видел, как его пальцы сами разжимаются после поводьев.

Жилого двора достигли под вечер. До ворот оставалось с полсотни шагов, когда из-за плетня залаяла собака. Я дёрнулся так резко, что ногу пронзило болью. Ягель оглянулся, увидел меня и позвал хозяина убрать пса. Тот сперва удивился, но подошёл, посмотрел на повозку и отвёл собаку за конюшню.

Лекаря здесь не было. Хозяйка знала женщину в селении на другом склоне, которая принимала роды и лечила порезы, но за ней нужно было посылать человека через реку. К Скайдейлу шла прямая дорога. Ягель расспросил, где её размыло, и попросил ночлег, кипячёной воды и чистого полотна.

Хозяин заметил свёрток на наружном борту и спросил про шкуру. Ягель развязал ремень, развернул её на траве. Тот сперва смотрел издали, потом присел и раздвинул шерсть. У него был знакомый кожевник в городе; после короткого торга шкура осталась на дворе в счёт нашего ночлега, еды и полотна. Ягель проверил, что нам принесут чистую ткань, и согласился. Мне хотелось возразить, что за такого зверя должны дать больше, но хозяйка уже несла подушку, и я только попросил положить её на лавку.

С повозки я спустился по широкой доске, которую хозяин принёс от сарая. Ягель держал меня под локоть; я переносил вес на него и на левую ногу, а правую только приставлял. Пол под крышей оказался тёплым после дневного солнца. Мне отвели низкую лавку в комнате

возле кухни. Я лёг и долго слушал обычные звуки: хозяйка скребла котёл, кто-то выговаривал работнику за незакрытую калитку, по крыше ходили голуби.

При перевязке Ягель сказал, что кровь почти перестала идти. Это было единственное хорошее известие: бедро распухло, натянутая кожа горела, а боль не проходила даже лёжа. Хозяйка осмотрела рану, принесла ещё полотна и велела утром ехать прямо к лекарю. Ничего зашивать она не взялась.

За ужином Ягель поставил передо мной Марекову миску. Я невольно придержал её, ожидая, что она покачнётся, но он уже подложил под край сложенную тряпицу.

— Нашёл, что подставить, — сказал он.

В миске была жидкая каша с молоком. Я попробовал, попросил соли. Ягель передал солонку и уселся рядом, вытянув ноги. Хотелось поговорить о чём-нибудь, кроме двора, двери и раны, но я не знал, с чего начать. Он ел медленно и тоже молчал.

Глядя на солонку, я вспомнил обед на речном дворе в Келлене. Тевна подвигала мне хлеб, Дарт смеялся, а повар грозил ему черпаком за лишний перец. Я помнил, как потянулся к воде после второй ложки. Но вкус самой похлёбки вспомнить не смог. Знал, что в ней были рыба, лук и репа, что под конец мне захотелось добавки. Какой она была на языке, не помнил совсем.

Я съел ещё ложку каши. Соль чувствовалась, молоко тоже. Попытался снова представить келленскую миску, сердито провёл ладонью по лицу и оставил это: от усилия только сильнее заболела голова.

— Ты нож видел? — спросил я наконец.

— У тебя в сумке.

— Я знаю. Лезвие целое?

— Зазубрина есть. Бернар посмотрит, когда приедем.

Я провёл ложкой по дну. Зазубрина оставалась маленькой, понятной вещью, с которой кто-то мог разобраться. Я спросил, хороший ли Бернар мастер. Ягель стал рассказывать, как тот однажды заставил его переделать ножны, потому что нож выходил из них вместе с половиной подкладки. До конца рассказа я не дослушал: уснул, сидя у стены. Ягель разбудил меня только затем, чтобы забрать миску.

На следующее утро выехали вместе с двумя повозками, вёзшими в город шерсть. Я сам попросил Ягеля подождать их. Хозяин, которого мы предупредили о звере, тоже советовал держаться вместе: он собирался передать известие на ближайший дорожный пост. Один из возчиков пришёл посмотреть на свёрток с головой, присвистнул и спросил, кто бил. «Вдвоём», — ответил Ягель и попросил его помочь поставить доску.

День я провёл в повозке. На подъёмах видел тех же людей, идущих рядом со своими лошадьми; когда дорога опускалась, их пологи ненадолго скрывались за кустами. С остановками мы добрались до последнего дорожного двора. Ногу я уже умел перекладывать так, чтобы не сразу простреливало до колена, но самочувствие от этого лучше не стало. Вечером меня знобило. Ягель потрогал мой лоб и договорился с возчиками выехать до обычного часа.

Утром, через двое суток после нападения, впереди показалась каменная сторожка у дороги. Возы стояли перед ней в два ряда. Из-за ближней повозки выехал верховой, придерживая повод одной рукой; в другой у него был надкусанный хлеб. Он объехал нас и направился обратно по тракту.

Ягель отогнул полог.

— Приехали, Арден. Сейчас на посту скажем про ногу.

Я попытался сесть, но он подставил под спину свёрток и помог устроиться полулёжа. Голос его изменился: почти всю последнюю дорогу он говорил тихо, словно берёг дыхание, а теперь уже окликал кого-то возле сторожки.

Я нашёл сумку, подтянул её к себе. Записка наставника лежала внутри, рядом с двумя полосками ткани. Мне всё ещё нужно было в Северный архив. Но когда стражник подошёл к повозке и спросил, что случилось, я первым делом показал ему перевязанную ногу.

Глава 7. Небесный мост

— Укус, — сказал я. — Позавчера, перед рассветом.

Стражник откинул край одеяла. Он не стал развязывать повязку, только посмотрел на проступившее пятно и спросил, могу ли я шевелить стопой. Я пошевелил. Потом он приложил тыльную сторону ладони к моему лбу.

— Где вас достало?

— У старого двора перед перевалом, — ответил Ягель. — Крыша с одной стороны обвалилась. До первого жилого двора оттуда день с повозкой.

— Знаю место. Волки?

— Ульфур. Голова сзади привязана.

Стражник обошёл повозку. Я слышал, как Ягель распускает узел, потом рядом замолчал человек, до этого громко споривший о числе мешков. Мне не хотелось снова смотреть на зверя. Я отвернулся к сторожке, где у открытого окна остывала кружка, а на подоконнике лежала половина луковицы. Кто-то ел здесь, пока мы стояли в очереди.

— Один был? — спросил стражник.

— Других не видели, — сказал Ягель.

— Людей на дороге предупредили?

— На обоих дворах. И возчиков, с которыми ехали.

Стражник позвал товарища и велел передать старшему, что старый двор нужно проверить. Потом вернулся ко мне.

— Как зовут?

— Арден.

— С повозки не слезай, Арден. Проедете через боковой проезд, там сейчас пусто. За постом держитесь правее, на большой мост. На первой широкой площадке будет перевязочный двор, справа от колоды. Лекарка уже там.

Ягель повторил, где повернуть, и спросил про голову. Стражник показал на холодный каменный сарай за постом.

— Оставь здесь. Пока лекаря ищете, ещё протухнет. Косторез Перин такие выкупает, но сперва старший осмотрит и место нападения запишет. В одиночку её не тащи, сейчас помогу.

Они сняли мешок вдвоём. Ягель поддерживал снизу, стражник держал за перекрестье верёвки. У дверей сарая стояла широкая кадка. Когда мешковину развернули, мимо перестали протискиваться: люди остановились и смотрели, как огромная голова опускается на дно.

Младший служитель принёс ведро крепкого рассола, потом ещё одно. Жидкость поднялась до скул. Уши прилипли к мокрой шерсти; нос и закрытые глаза остались над водой. Служитель потянул голову за ухо, чтобы уложить ровнее, но стражник велел взять деревянную лопатку и не совать пальцы к зубам.

— Глаза видел? — спросил Ягель. — Правый бельмом затянут. На загривке следы топора. Отдельно запиши, чтоб потом не перепутали с тем, что поменьше.

— Такое перепутаешь, — сказал служитель.

Стражник перелистнул книгу назад и задержался на двух коротких записях.
— Это тоже у дороги? — спросил Ягель.

— За десять дней с двух дворов пожаловались. У одного скотину унесли, у другого за оградой следы нашли. На оба двора уже послали людей. Может, один зверь вокруг жилья кружит. Пока не проверим, двумя нападениями считать не станем.

— А наш?

— Ваш отдельно. Здесь и место известно, и зверь перед нами.

Он ещё раз спросил, в какой стороне от старого двора мы впервые увидели ульфура. Ягель объяснил, где стояла повозка и с какой стороны зверь обошёл двор. Служитель перестал усмехаться и наклонился над книгой.

Ягель всё же дождался записи. Мне было видно, как он пальцем показывает на кадку, затем на строку в книге. Плату обещали определить после осмотра. Он назвал себя, получил узкую расписку и убрал её в кошель. Кадку закрыли крышкой, поверх положили камень. Служители принесли деревянные катки, чтобы убрать её в холодный сарай.

К повозке он вернулся без мешка. Впервые за два дня мне не пришлось ждать, пока свёрток снова привяжут возле моего борта.

Перед тем как нас пропустить, второй стражник заглянул под полог и спросил, чья сумка лежит у меня на груди. Я ответил, что моя, и сам расстегнул ремешок. Он посмотрел на свёрнутую рубаху, велел беречь кошелёк в толпе и отошёл. Нож на поясе его не заинтересовал.

Возчики с шерстью остались у весов. Один поднял руку, прощаясь; я ответил ему и только тогда понял, что так и не спросил его имени. На дороге хватало того, что по утрам он подходил помочь с доской. Ягель обещал заглянуть к ним на шерстяной двор, когда разгрузятся.

У бокового проезда лежал низкий каменный порог. Я заранее вцепился в борт. Ягель заметил, придержал Орлушу и перевёл сперва одно колесо, потом второе. Всё равно тряхнуло, но не так сильно, как я ожидал. Мы проехали между столбами, за которыми двое рабочих складывали снятые с ворот доски, и свернули вдоль стены.

Сторожка скрылась. Надо мной стало больше света.

Я увидел людей высоко впереди и сперва не понял, по чему они идут. Между тёмными крышами тянулась полоса светлого камня. Она поднималась через город к скале, на которой стояла крепость; её край был так далеко от земли, что повозки наверху казались маленькими, хотя я различал и колёса, и запряжённых лошадей. Потом из-за ближнего дома открылись опоры. Под огромными арками теснились другие крыши; между опорами виднелись улицы и окна домов. Через один из просветов блестела вода.

— Ягель.

Он оглянулся, но я не сразу нашёл, что спросить. До города мы шли столько времени, что я привык думать о нём как о конце дороги. Теперь передо мной поднималась дорога, которая сама была больше иного городка.

— Это он? Небесный?

— Он. Нам по нему до первой площадки.

Мост начинался широким подъёмом между домами. Дальше его опоры становились всё выше; каменная дорога проходила над нижними кварталами и продолжалась к воротам верхней цитадели. От неё отходили площадки и улицы, прижатые к склону. Я пытался проследить весь путь до конца, но солнце попало в глаза, и пришлось отвернуться.

Ягель остановил Орлушу у начала подъёма, пока поперёк дороги везли тележку с бочками. Извозчик шёл сбоку и ругался с человеком, который считал, что успеет проскочить перед ним с корзиной. За ними торопилась девочка в слишком большом переднике; обеими руками она держала у груди завёрнутый хлеб.

— Помоги сесть выше, — попросил я.

— Нога?

— Если её не сгибать, нормально.

Он подтянул свёрток за моей спиной. Я упёрся локтями, приподнялся и сразу пожалел, что попросил: под повязкой резко потянуло, во рту набралась слюна. Ягель дождался, пока я кивну, потом подложил под бедро край одеяла. Сидеть прямо я не мог, зато теперь видел поверх переднего борта.

— До площадки останавливаться не стану, — сказал он. — Здесь Орлуше тяжело будет тронуться второй раз. Если совсем плохо — говори, найдём, куда свернуть.

— А люди как останавливаются?

— Люди пусть по краю ходят. Нас с ним туда не пустят.

Сбоку от колеи действительно шла приподнятая полоса для пеших. У нижних ступеней женщина перехватила корзину, подождала двух встречных и начала подниматься. Она двигалась быстро и на город не смотрела. Я следил за ней, пока Орлуша не потянул повозку вслед за остальными.

Камень под колёсами был иссечён поперечными бороздами. В них темнела грязь, оставленная утренними возами. Копыта не скользили, но мерин упирался сильнее, чем на ровной дороге, и Ягель шёл рядом с его головой, не садясь на передок. Через несколько шагов я уже смотрел не на основание ближайшей арки, а на её верхний край.

Дома по сторонам начали опускаться. Сначала исчезли двери, затем окна нижних этажей. На одной крыше мужчина стоял на коленях и перекладывал черепицу. Когда мы поравнялись с ним, он обернулся на стук колёс, провёл предплечьем по лбу и снова взялся за работу. Возле него спал рыжий кот, устроившись на сложенном плаще.

Я понял высоту, когда над бортом показалась чужая труба. Из неё тянуло дымом, пахнувшим жареным луком. Ещё немного — и внизу открылась целая улица. Две женщины держали поперёк неё длинное полотно и не могли разойтись с носильщиком. Он терпеливо ждал, подняв свою корзину над головой. Слова долетали обрывками; я слышал раздражение, но не мог разобрать, кто кому мешал.

От воды потянул свежий ветер. Я разжал руку на борту. Пальцы затекли, на ладони отпечатался край доски.

Внизу город расходился по обе стороны моста. Там, где к опорам близко подходил склон, между домами виднелись короткие переходы. Дальше крыши спускались к гавани: они теснились вокруг лестниц, на причалах темнели штабеля, и над ними стояли мачты. Одно судно

разворачивали канатами. С этой высоты я мог видеть, как люди на берегу разом подаются назад и как медленно, неохотно поворачивается тяжёлый нос.

Ягель обернулся.

— Видно воду?

— Видно. Там корабль почти как весь келленский двор.

Он посмотрел поверх ограждения.

— Который разворачивают? Ещё не самый большой.

Мне захотелось спросить, куда такие ходят и сколько людей помещается внутри. Я открыл рот, но повозку качнуло, и вопрос пропал за болью. Пришлось поправить ногу обеими руками. Ягель сбавил шаг; я махнул ему, чтобы не останавливался.

Через несколько вдохов стало легче. Корабль уже скрылся за каменным столбом ограждения, а над крышами появились мачты другого. Я смотрел на них и старался не думать, сколько ещё будет таких толчков до лавки у лекаря.

Навстречу вели ослика с двумя корзинами зелени. Его хозяин прижимался к ограждению, пропуская повозки, и всякий раз возмущённо дёргал повод, когда ослик пытался ухватить торчащий из корзины стебель. Позади шли двое мальчишек с пустыми вёдрами. Один показывал другому, как надо передразнивать взрослого, и успевал принять серьёзный вид перед каждым его поворотом.

Я едва заметно засмеялся. Смех неприятно отдался в ноге, но остановить его сразу не получилось. Мальчишка поймал мой взгляд, перестал кривляться и зачем-то спрятал ведро за спину. От этого стало ещё смешнее.

Ягель спросил, что там. Я рассказал. Он выслушал, качнул головой и заметил, что за двумя такими нужно приглядывать внимательнее, чем за ослом. Потом позвал Орлушу: мерин потянулся к той же зелени.

* * *

Выше часть ограждения разобрали. Двое каменщиков стояли на узких лесах с наружной стороны; над пустым местом натянули верёвку, а прохожих оттеснили к колее. Рабочий в белой от пыли куртке пропускал встречных по очереди. Он поднял ладонь, остановил спускавшийся воз с пустыми ящиками и махнул Ягелю подниматься.

— Держи к середине! Здесь камень снят!

Ягель провёл повозку по оставленной полосе. Один из каменщиков выпрямился. За его спиной не было ничего, кроме неба, а у пояса висела верёвка, уходившая к стойке лесов. Он попросил товарища подать молоток так спокойно, будто стоял на земле.

Я отвёл глаза. После двора с ульфуром мне всё время было важно видеть, за что можно ухватиться. Здесь я невольно искал руками борт, хотя повозка шла далеко от края. Каменщик взял молоток, наклонился к своему камню и больше на нас не смотрел.

За работами уклон стал положе. Орлуша перестал тянуть рывками, Ягель расправил плечи. Я подумал о его спине и о том, как он стоял возле колеса с хлебом в руке, пока я лежал под пологом.

— Сам-то сядешь, когда поднимемся?

— Сяду.

— Ты вчера тоже собирался.

Он оглянулся.

— Вчера надо было до двора добраться.

— А сейчас?

— Сейчас до лекарки. У неё и посижу.

Я посмотрел на его руку с поводом. Хотелось, чтобы хоть несколько минут ему не приходилось ничего держать.

На первой большой площадке движение разделялось. Прямо мост продолжал подниматься к цитадели; справа от колоды открывался широкий двор, а слева улица уходила вдоль склона. Здесь помещались несколько повозок сразу. Извозчики давали лошадям отдышаться, прохожие сворачивали к воде, и никто не кричал, чтобы мы двигались быстрее.

Выше, на следующем пролёте, показался всадник. Он спускался от цитадели на вороном коне, рядом с которым люди казались особенно низкими. Конь шёл спокойно, но встречные заранее прижимались к ограждению. Седок был весь в чёрном: закрытый шлем с двумя короткими выступами над висками, тяжёлые латы, длинный плащ, свисавший за седлом. Солнце скользило по граням стали, не высветляя её.

Ягель заметил, куда я смотрю, и остановился возле борта.

— Чёрный рыцарь, — сказал он. — Не часто его здесь увидишь.

— Королевский?

— Да. Тьма Севера. Лучший мечник королевства.

Я снова посмотрел на всадника. Тот придержал коня, пропуская носильщиков. Один из них зацепился за край плаща своим тюком и замер; рыцарь отодвинул ткань рукой, дав ему пройти.

— Почему Тьма? — спросил я.

— После северных войн прозвали. Когда конница отходила через переправу, он остался у въезда с пешими. Удержал дорогу, пока последние не выбрались. Против тех, кто идёт на королевство, его и теперь посылают. Мрачная тень королевства — слышал такое?

Я покачал головой.

— Вот это о нём. По трактирам ещё расскажут, что он спать не ложится и под шлемом у него лица нет. Не верь всему подряд.

— А ты его видел в бою?

— В бою не видел. На мосту видел. И людей, которые рядом с ним воевали, знаю. Про меч они между собой не спорили.

Всадник миновал носильщиков. На его боку качнулись длинные ножны. Я попробовал разглядеть лицо, но за тёмной щелью забрала ничего не было видно.

— Как его зовут?

— Не знаю. В городе его так и называют — Чёрный рыцарь. Мне никто другого имени не говорил.

У верхней арки двое стражников выпрямились. Рыцарь коротко повернул к ним голову и направил коня в боковой проход.

— У коня глаза алые, — добавил Ягель. — Вблизи увидишь — с другим не спутаешь. Только гладить не лезь.

— Я и обычных пока без тебя не глажу.

— Уже польза от дороги.

Всадник скрылся за каменной аркой. Прохожие вернулись к середине моста; женщина снова принялась вытаскивать застрявший тюк из чужой корзины. Я ещё смотрел на проход, куда ушёл рыцарь, когда Ягель потянул повод к колоде.

Я услышал музыку прежде, чем увидел музыкантов. У стены сидел человек с небольшой скрипкой; женщина рядом с ним перебирала струны плоского инструмента, лежавшего на коленях. Возле её башмака стояла миска с монетами. Они играли быстро, и я несколько раз сбивался, пытаясь угадать, когда повторится мелодия.

Ягель остановил повозку у колоды, ослабил повод и полез в кошель. Он положил медяк в миску, убрал кошель и пошёл набирать Орлуше воды. Женщина коротко кивнула ему, продолжая играть.

— Знакомые? — спросил я, когда он вернулся.

— Первый раз вижу.

— А песню знаешь?

— У нас под неё плясали. Только медленнее.

— Ты тоже?

Он поставил ведро перед мерином.

— Я тоже. Чего ты удивляешься?

Я попытался представить, как Ягель пляшет, и, должно быть, слишком долго об этом думал. Он заметил мой взгляд.

— Нагрудник снимал, если ты об этом.

— Я не об этом.

Он улыбнулся и поднял ведро повыше. Орлуша пил торопливо, роняя воду на камень. Музыканты начали ещё один круг; теперь я узнал начало, а Ягель некоторое время негромко насвистывал им вслед. Потом они перешли на другую мелодию, и он умолк.

Ягель сполоснул руки, умылся, затем повернул Орлушу к перевязочному двору.

Лекарка встретила нас у открытых дверей. Ягель ещё не закончил объяснять, когда она позвала помощника и велела принести носилки. Я сказал, что с доской смогу спуститься сам. Она посмотрела на ногу и ответила, что доску придётся искать, а носилки стоят за дверью.

Я не стал спорить. Попросил только не оставлять сумку в повозке. Ягель принёс её, когда меня уже уложили на лавку, потом вышел привязать Орлушу. Лекарка принесла таз. Из окна было слышно, как музыканты снова взяли знакомую мелодию.

Пока она снимала повязку, я смотрел на светлую стену. В самом начале попытался помочь, но пальцы только мешали. Лекарка отвела мою руку и спросила, давно ли начался озноб. Я рассказал про вчерашний вечер и про оба двора, где мы останавливались.

— Хорошо, что сразу сюда, — сказала она. — Дальше ходить сегодня не надо.

Она промыла рану, осмотрела проколы и осторожно ощупала бедро. Когда нажала сбоку от укуса, я невольно схватил её за рукав. Она остановилась и подождала, пока я отпущу. Потом объяснила, что вокруг раны началось воспаление и одной переменой полотна мы не обойдёмся. Кожу она стягивать не стала.

— Где остановитесь?

— В «Старом грифоне», — сказал Ягель от двери.

Он уже вернулся и сидел на свободной лавке. Обе руки лежали на коленях. Наконец-то.

— У Элоизы? Тогда скажите ей, чтобы позвала Сетти. Ему нужно посмотреть глубже. И скажите про озноб, не забудьте.

— Сегодня? — спросил я.

— Сегодня. Если он не сможет прийти, вернёшься сюда. До вечера ждать ухудшения не надо.

Она наложила новую повязку, укрыла мне ногу и дала воды. Я выпил медленно: руки дрожали после осмотра, хотелось поставить кружку, но наклоняться к полу было больно. Ягель взял её, когда я допил.

— До трактира далеко? — спросил я.

— Отсюда недалеко, — ответил он. — По левой улице, потом вниз к пекарням. Сейчас поедем.

Лекарка ещё раз велела держать ногу в покое и спросила, есть ли кому остаться со мной. Ягель ответил, что есть. Я достал свой кошелёк, пока он не полез за своим, и расплатился. Он ничего не сказал, только подал мне сумку, которую я отложил перед перевязкой.

В повозку меня вернули вдвоём. На чистом полотне боль не исчезла, однако перестало тянуть присохшую ткань, и я смог устроиться свободнее. Ягель проверил, не давит ли свёрток под коленом, потом постоял рядом, держась за борт.

— Нам теперь к Элоизе, — сказал я. — За головой потом сходишь?

— Потом. После лекаря. Да и за нас там никто не получит.

Он похлопал по карману с кошельком и распиской. Я закрыл глаза, пока он обходил повозку. Раньше мне хотелось самому выбрать улицу, первым спросить об архиве, войти в город на своих ногах. Теперь я радовался, что Ягель знает, куда повернуть, и не требует от меня помогать.

Мы съехали с площадки в боковую улицу. Цитадель осталась выше, за крышами, а мост ещё долго был виден между домами. Я различал на нём людей, которые продолжали подъём. Там, откуда мы только что приехали, снова пропускали повозку мимо каменщиков.

Улица шла по склону почти ровно, потом начала спускаться. Здесь дома стояли теснее. Над дорогой сохли рубахи, из открытой мастерской выносили длинную раму, пахло свежим хлебом. На повороте Ягель остановился, пропуская двух женщин с корзинами, и одна из них узнала его. Они обменялись несколькими словами; узнав, что у него раненый, она сразу отодвинула корзину к стене и показала, где мостовую разбирали вчера.

Я слушал их и впервые думал о том, как много в этом городе мест, где Ягеля ждут или хотя бы помнят. Мне пока некуда было идти, кроме трактира, о котором он рассказывал. Даже Северный архив оставался названием в записке: я не знал ни его двери, ни человека, которому смогу предъявить письмо.

У поворота показалась деревянная вывеска. Зверь с крыльями сидел на задних лапах, широко раскрыв клюв; под одной лапой у него была кружка. Краска на крыле облупилась, а само крыло недавно прикрепили заново — светлые головки гвоздей блестели даже в тени.

— «Старый грифон», — сказал Ягель.

Он не повёл нас к двери под вывеской, а свернул в ворота сбоку. Во дворе женщина вытряхивала половик. Увидев повозку, она прижала его к себе и отступила, освобождая место. Ягель спросил, дома ли Элоиза, и попросил сразу позвать её: человек ранен, нужен Сетти.

Женщина кивнула и скрылась за дверью. Ягель подвёл Орлушу к колоде. Я потянулся к борту, собираясь приподняться, но передумал и снова улёгся на свёрток. Во дворе было тихо; музыка осталась далеко наверху. Через открытую дверь кто-то позвал хозяйку.

Я услышал быстрые шаги и убрал сумку с груди, чтобы не мешала, когда меня будут снимать.

Часть вторая. Город, в котором остаются

Глава 8. Старый грифон

Элоиза вышла во двор, на ходу вытирая руки полотенцем. За ней спешила светловолосая девушка с ключами. Увидев Ягеля, хозяйка остановилась возле колоды.

— Всё-таки нашёл дорогу.

— Нашёл, — ответил он. — Элоиза, ему нужен Сетти. На мосту велели сразу позвать. Укус позавчера, вчера к вечеру начался озноб.

Она уже смотрела на меня. Полотенце перешло с одной руки на другую; на правой блеснуло кольцо с грифоном.

— Люси, пошли за ним. Скажи про озноб. Потом открой малую комнату внизу.

Девушка отдала ключи женщине с половиком и окликнула мальчика у кухни. Тот отставил корзину, выслушал её и выбежал за ворота.

— Руку дай, Арден, — сказал Ягель.

Я хотел сесть, но Элоиза придержала меня за плечо.

— Сначала скамью подставьте. Так вы его уроните.

Голос у неё был негромкий. Ягель сразу оглянулся, и Люси подвинула к повозке тяжёлую скамью. За её плечом появился повар с закатанными рукавами; она показала, с какой стороны взять. Меня пересадили на скамью, затем помогли встать на левую ногу. До двери оставалось четыре шага. Я прошёл их между Ягелем и поваром, при каждом шаге ощущая, как свежая повязка тянет кожу.

Комната оказалась за залом, возле кухни. В ней стояли кровать, стол и низкий сундук; окно выходило во двор. Кто-то поспешно убирал с постели стопку скатертей. Люси отнесла их в коридор, вернулась с чистой простынёй и застелила кровать, пока я сидел на сундуке.

— Лечь сможешь сам?

— Если кровать не уйдёт.

— Наши после полуночи на всякое способны. Сейчас ещё рано.

Она подставила плечо. Я устроился на спине, а Ягель поддержал правую ногу и осторожно опустил её на свёрнутое одеяло. Люси выглянула во двор: мальчик ещё не вернулся. Вернувшаяся служанка положила ключи на стол; Люси сняла с кольца один и положила возле моей сумки.

— Я Люси.

— Арден.

— Слышала. Воды принести?

Я попросил. Пока она выходила, Ягель отодвинул табурет от кровати, но садиться не стал.

— Орлушу устрою, — сказал он Элоизе. — Потом поговорим.

— Я помню, чем кончилось прошлое «потом».

Он опустил глаза. Хозяйка взяла из его рук мой плащ, повесила на дверь и добавила уже другим голосом:

— Конюх во дворе. Сам не таскай ничего, ты едва стоишь.

Ягель посмотрел на неё и кивнул. Я слышал, как он объясняет конюху, где натёрло у Орлуши, хотя та нога давно зажила. Потом шаги ушли к навесу.

Элоиза поставила рядом с кроватью таз, но повязку развязывать не стала. Узнав, что её только что сменили, она проверила, не проступает ли кровь, и попросила рассказать про нападение. Я начал со зверя за костром. На двери сбился: в голове снова возникла пасть у самого колена.

— Дальше можешь не рассказывать, — сказала она. — Мне нужно было знать, чем промывали и как давно перестало кровить.

Я ответил. Она выслушала, положила на стол чистое полотно и велела позвать её, если снова станет холодно.

В дверях пришлось разминуться с Люси. Дочь была почти одного с ней роста. У обеих светлые волосы и зелёные глаза, но мать собирала волосы низко на затылке, а Люси затянула их в высокий хвост. У Элоизы через правую бровь к щеке шёл тонкий шрам; у Люси на левой щеке

темнела маленькая родинка. Поверх кремовой рубахи она носила потёртый кожаный нагрудник, и когда поставила кружку, я заметил белые рубцы на костяшках.

— Ты всё время в нём работаешь? — спросил я.

Люси посмотрела на нагрудник.

— С утра у Бернара занималась. Потом привезли муку, пришлось идти принимать. Переодеться не успела.

— Он тебя учит?

— Да. Сегодня опять ставил мне ноги. Оказывается, за неделю я нашла новый способ упасть.

— Я свой уже проверил.

Она взглянула на одеяло и больше не улыбалась.

— Твой пока повторять не будем. Пей понемногу.

Она принесла ещё кружку и поставила на стол для Ягеля. Я выпил половину воды. За стеной стучал нож, из двора доносился голос конюха. Мне хотелось спать, но каждый раз, когда закрывал глаза, казалось, что повозка снова качнулась. Я приоткрывал их и смотрел на неподвижную оконную раму.

* * *

Сетти пришёл до полудня, вместе с посыльным. Смуглый лысый мужчина в сером балахоне нёс кожаную сумку за короткую ручку; два пальца у него были желтоватыми, словно он долго чистил лук. Он поставил сумку на стол, попросил воды и придвинул табурет к моей ноге.

— Кто перевязывал в дороге?

Я показал на Ягеля, вернувшегося с двора.

— Расскажи, что делал.

Ягель рассказал без прежних подробностей о звере. Сетти слушал, одновременно раскладывая инструменты на чистой ткани. Элоиза принесла второй таз и поставила возле первого. Люси осталась у двери.

Когда лекарь снял полотно, я увидел рану целиком. Бедро распухло; вокруг двух глубоких проколов кожа была красной и тугой. Ягель сел рядом с изголовьем. На самом неприятном месте Сетти остановился и дождался, пока я снова начну дышать.

— Внутри остались грязь и нитки от штанов. Их нужно убрать. Потом решим, что можно стянуть.

Он смочил сложенную ткань из маленького флакона и ненадолго приложил к коже. Запах был резкий, травяной. Боль притихла не сразу; я успел почувствовать первое движение щипцов. «Блядь», — выдохнул я, вцепившись в край простыни. Сетти отвёл руку.

— Ещё немного подождём.

Ягель предложил ладонь. Я ухватился за неё, и он повернул руку так, чтобы кольцо на пальце не впивалось мне в кожу.

Сетти работал долго. Несколько раз менял воду, доставал щипцами тёмные волоконца, подносил их к окну. Люси подала ему полотно, а потом вышла: в зале звали хозяйку, и Элоиза не могла оставить лекаря. Я слышал голос Люси за дверью, но слов уже не разбирал.

Когда Сетти закончил, он положил ладонь рядом с раной и тихо произнёс заклинание. Несколько коротких слов пришлось повторить, прежде чем между пальцами и кожей возникло золотистое свечение. От него стало тепло, затем жарко; я хотел отодвинуть ногу, но лекарь предупредил движение. Края разрыва перестали расходиться, и пульсация понемногу стихла. Глубокие проколы он оставил открытыми, прикрыв чистой повязкой.

— Разрыв я стянул. Глубокие проколы пока нельзя закрывать: внутри ещё воспаление. Завтра посмотрю, можно ли продолжать. А мышцу потом придётся постепенно приучать к нагрузке.

— Завтра выйти можно?

Он посмотрел на меня.

— Куда?

— В архив. Хотя бы спросить, куда подавать письмо.

— Завтра я снова посмотрю ногу. Если ночью жар не вернётся, довезут ко мне. По дороге можешь спросить. Пешком по вашим лестницам не пойдёшь.

— Я довезу, — сказал Ягель.

— В своей повозке ты до его калитки не доберёшься, — ответила Элоиза. — Переулок узкий, а у поворота ещё и камни сложили для ремонта. Закажу малую тележку.

Сетти объяснил ей, когда звать его снова, убрал инструменты и назвал плату. Я достал кошелёк из сумки. После нескольких монет, оставленных в перевязочном дворе, денег стало заметно меньше. Я пересчитал остаток уже после того, как лекарь отвернулся. Ягель видел, но лезть в свой кошель не стал.

— Поспи, — сказал он, когда мы остались вдвоём. — Я рядом посижу.

— Сам ложись. Здесь место есть.

Я показал на узкую лавку под окном. Он попробовал её ладонью, снял нагрудник и сел, прислонившись к стене. Через некоторое время голова у него опустилась. Я укрыл его ноги краем второго одеяла — насколько смог дотянуться, — и закрыл глаза.

* * *

Проснулся я от звона серебра. Ягель стоял у стола и выкладывал ложки из дорожного свёртка. Рядом сидела Элоиза. Люси прислонилась к косяку, держа в руках тарелку с хлебом.

— Семнадцать, — сказала Элоиза.

— Я знаю.

— В прошлый раз знал шестнадцать.

Ягель достал последнюю ложку из отдельной тряпицы. У неё почернел край.

— Эта у Сетти была. Заезжал к нему, прежде чем уходить из города. Забрал ещё тогда.

— Зачем ему моя ложка?

— Лекарство мешать. Деревянную разъело.

Элоиза посмотрела на ложку, потом на него. Ягель положил её рядом с остальными.

— Он сказал, отчистить можно.

— А я говорила, что вернёшь к вечеру.

— Я всего лишь спасал их от однообразной жизни, — пробормотал Ягель.

Люси фыркнула. Элоиза даже не повернулась к ней, и смех сразу стих.

— Ты забрал их, чтобы поменять на шесть одинаковых чаш. Ни чаш, ни ложек. Сама у рыночных спрашивала, куда ты делся.

— Покупатель за серебро не заплатил. Чаши я брать не стал.

— Тогда почему не принёс обратно?

Ягель некоторое время разглаживал тряпицу.

— Сначала думал, ещё договорюсь. Потом нашёл груз на юг и ушёл с обозом. Сказать было нечего, вот и не зашёл.

— Сказать можно было, что уезжаешь.

— Можно было.

Она взяла почерневшую ложку и провела ногтем по краю. Я лежал так тихо, будто мог этим перестать присутствовать при разговоре. Люси отставила хлеб и ушла в зал.

— Прости, — сказал Ягель.

Элоиза не сразу ответила.

— Я не за ложки сердилась. Хотя за них тоже.

Он кивнул. Она завернула серебро, но одну чистую ложку оставила на столе.

— Вечером поешь с нами. И когда в следующий раз соберёшься уходить, скажи мне сам.

— Скажу.

Элоиза поднялась. У дверей задержалась и посмотрела на снятый нагрудник: один ремешок держался на грубом тканевом узле.

— Люси тебе кожу принесёт. Почини, пока сидишь.

Когда она ушла, Ягель тяжело опустился на табурет.

— Давно вёз? — спросил я.

— Давно.

— Я думал, у тебя всё в повозке на продажу.

Он посмотрел на пустую тряпицу.

— Эти я и так слишком далеко увёз.

Я повернулся к окну. Во дворе конюх вёл кобылу с жеребёнком; тот упирался всеми четырьмя ногами и никак не хотел проходить мимо ведра. Ягель тоже стал смотреть. Мы сидели так, пока Люси не принесла кожу и не спросила, не видели ли мы её ножницы.

Ножницы обнаружились под нагрудником. Ягель отдал их рукоятями вперёд.

* * *

К ужину я мог сидеть, опустив левую ногу на пол, а правую вытянув на скамье. Люси принесла в комнату маленький стол из коридора: до общего зала Сетти ходить не велел. Ягель подвинул кровать на ладонь от стены, чтобы всем хватило места. Из кухни шёл пар; повар заглянул, поставил перед нами горшок и сразу ушёл обратно. Люси назвала его Арнольдом и велела оставить себе мяса. Из-за стены ответили, что он давно оставил.

Элоиза пришла последней, с хлебом и двумя мисками. Увидела, что к столу нельзя подойти, и попросила Ягеля подвинуть табурет к окну. Он молча поднялся и переставил его. Когда хозяйка села, оказалось, что места хватило всем.

В горшке тушилось мясо с луком и мелкой репой. Люси обернула ручку тряпицей, наклонила горшок над моей миской, придерживая ложкой куски. Первый достался мне, второй она вернула внутрь.

— Этот Арнольдов. Жила на полкоровы.

— А Ягелю? — спросил я.

— Ягелю нельзя. Он потом продаст как ремень.

— Хороший ремень лишним не бывает, — сказал тот.

— Ты один кожаный ремень уже ел, — напомнил я.

Люси замерла с горшком. Ягель посмотрел на меня без всякой благодарности.

— Половину.

— Это многое меняет, — сказала она и поставила горшок перед ним. — Тогда выбирай сам. Ты опытнее.

Я засмеялся и придержал ногу. Элоиза подвинула мне хлеб, дождалась, пока я возьму, и только после этого спросила, надолго ли я собираюсь остаться.

— Пока не найду Северный архив. А там не знаю, сколько займёт.

— Старого дома уже нет. Его разобрали после оползня, вместе с двумя соседними. Книги перенесли.

Ложка остановилась у меня в руке.

— Давно?

— Лет восемь назад. Приёмная теперь у верхнего водосборника, в бывшем доме сборщика пошлин. Тебе какая книга нужна?

Я достал записку. Сначала хотел положить её перед Элоизой, но вспомнил предупреждение наставника и оставил лист у себя. Прочитал только строки об архиве и печати с четырьмя надрезами.

— Остальное личное, — сказал я, складывая бумагу.

Она кивнула.

— Тогда эти строки перепишешь для служащего. Сам лист оставь себе. Я могу дать бумагу.

Люси поставила кружку.

— Четыре надреза на воске или на самом штампе?

— Он не уточнил. Я такой печати никогда не видел.

— Так и скажи. У них можно найти старый оттиск и сравнить.

— Ты там бывала?

— Маме помогала, когда исправляли границу двора. По прежнему плану наша конюшня стояла у соседа. Сосед очень обрадовался.

— Пока ему не предложили её кормить, — заметила Элоиза.

Я улыбнулся, но письмо всё ещё держал в руке. Дом успели разобрать, книги перевезти. Я ещё не добрался до архива, а уже боялся, что нужная запись затерялась при переезде.

— Это мой наставник написал, — объяснил я. — Он собирался в Скайдейл. До поездки его убили.

Люси перестала отламывать хлеб. Ягель смотрел в миску; он уже знал, что я собираюсь сказать.

— Я не видел, кто это сделал. Нашёл его дома. Остались вещи, по которым, может быть, получится выяснить, зачем к нему пришли. И это письмо.

Элоиза спросила, помогал ли мне кто-нибудь искать. Я ответил, что соседи обыскали со мной двор, но никто не видел нападавшего. В Скайдейле я пока ни к кому не обращался.

— С тканью тоже спрошу, — добавил я и коротко рассказал про девиз и торговцев Вальбрега.

— Начни с приёмной, — сказала она. — Там хотя бы объяснят, где искать книги снабжения. Заодно узнаешь, кому передать заявление об убийстве, если след приведёт сюда.

Мне хотелось, чтобы она назвала конкретного человека, который сразу узнает печать или шов. Но за весь путь никто такого человека не встретил, и обещать его Элоиза не стала.

Я убрал записку. Люси подала мне горшок поближе.

— Ещё положить?

— Положи. Только не ремень.

Ягель показал мне пустую ложку.

— Поздно. Лучшее разобрали.

Некоторое время мы ели. Из зала донёсся грохот, потом Арнольд громко спросил, целы ли пальцы. Люси обернулась к двери. Ей ответили, что уронили пустой поднос; она села обратно и отрезала хлеба себе.

— Сколько стоит эта комната? — спросил я Элоизу. — Я за неё ещё не платил.

— С едой — четыре медяка в день. Пока живёшь один. Когда сможешь подняться наверх, дам дешевле, там с другим постояльцем.

Я достал кошель, но она подняла ладонь.

— После ужина. Мне нужно понимать, на сколько дней её оставить за тобой.

— На два пока хватит. Потом могу работать. Мешки зашить, товар принять, посчитать. На речном дворе работал.

— Товар носить не будешь. У меня и без тебя трое уверены, что Сетти запрещает тяжёлое исключительно со злости. Мешки покажу, когда он разрешит сидеть подольше. Сначала договоримся о плате, потом возьмёшься.

Ягель потянулся за хлебом, оставшимся у моего локтя. Я подвинул тарелку. Наш келленский спор я помнил, но напоминать о нём при Элоизе не хотелось.

— Завтра мне к приёмной по дороге, — сказала Люси. — С утра забираю у бондаря кадки для кухни. Тележку всё равно нанимать, можно сначала довезти тебя, потом к Сетти. Только к открытию, пока не пришли все, кому за ночь понадобилась справка.

— Тебе ждать придётся.

— Если задержишься, съезжу за кадками и вернусь. Ты же не исчезнешь.

Я согласился. За месяцы дороги я столько раз представлял, как войду в архив, что не придумал, что сказать человеку, который просто предлагал показать дорогу. Поблагодарил, и Люси попросила передать соль.

Ягель спросил Элоизу о торговке, с которой они прежде возили товар с побережья. Та всё ещё ездила, теперь со старшим сыном. Люси сказала, что осенью хочет отправиться с ними. Элоиза попросила сначала закончить разговор с самой торговкой. Дочь ответила, что уже закончила, но при нас спор продолжать не стала.

После ужина Ягель собрал миски. Элоиза хотела забрать у него горшок, но он поднял его раньше.

— Этот можно, — сказал он. — Пустой.

Люси развернула одеяло у меня в ногах. Я попросил пока не укрывать: в комнате было тепло, хотелось ещё посидеть. Она оставила край на скамье, чтобы я мог дотянуться сам. Через открытую дверь я видел, как они расходятся по своим делам: Элоиза вернулась к стойке, Ягель забрал у кухни свою кружку и вышел во двор к повозке, где собирался ночевать, Люси забрала у работника связку ключей.

На столе осталась одна ложка. Я поднял её, собираясь позвать, но на ручке обнаружил вытертого грифона. Это была та, которую Элоиза оставила после разговора с Ягелем. Я положил её рядом с чистой миской для утра.

* * *

Ночью я дважды просыпался от шума в коридоре. Один раз кто-то перепутал дверь и стал осторожно примерять ключ к моему замку. Я окликнул его; человек извинился и ушёл на лестницу. Во второй раз разбудила боль. Я поправил одеяло под ногой и некоторое время лежал с открытыми глазами. Озноба не было. Ягель заглянул на рассвете, спросил, нужна ли вода, и велел не вставать, пока не придут с тележкой.

Люси появилась позже, уже с коротким мечом у пояса. Она повесила небольшой круглый щит возле двери, пока помогала мне надеть рубаху; на внутренней стороне щита кожа потемнела там, где лежала ладонь. Оружие выглядело рабочим и потёртым, как Ягелев топор.

— Для кадок столько нужно? — спросил я.

— Для кадок верёвка. А это после работы, к Бернару. Вчера мы не закончили.

— Он строгий?

— Когда побеждает, особенно. Я собираюсь со временем исправить ему характер.

Она подтянула ремень на плече.

— Вот увидишь, ещё услышишь про Люси Бесстрашную.

— Так тебя уже называют?

— Пока только я. Остальные упрямятся.

— Тогда я пока просто Арден.

— Хорошо, просто Арден. Сначала дойдём до порога.

Снаружи ждал возчик с узкой двухколёсной тележкой. Для меня он оставил сиденье спереди и поперёк укрепил доску, на которую можно было вытянуть ногу. Ягель проверил крепление, затем помог мне устроиться. Сам он собирался к дорожному посту за платой за голову, а после — разгружать товар. Я попросил передать привет возчикам с шерстью, если встретит их.

Люси поднялась рядом со мной. Щит поставила у борта, корзину с завтраком задвинула под сиденье. Возчик повёл небольшую серую лошадь, и мы выехали со двора. На этот раз я смог придержать сумку сам, не вцепляясь другой рукой в дерево на каждом толчке.

До приёмной ехали недолго. Улицы поднимались вдоль склона, выходили к площадкам с водопойными чашами и снова сужались между домами. Небесный мост появлялся над крышами отдельными пролётами. Я видел его уже снизу: на светлом камне двигались тёмные фигурки, а у одной опоры сушили бельё так близко к кладке, что простыню тёрло об угол.

У бондарного двора Люси попросила остановиться. Кадки стояли под навесом, стянутые свежими обручами. Она спустилась, оставив щит у моих ног, и подошла к хозяину с листком. Их разговор я сначала не слышал. Потом Люси показала на нижнюю строку счёта.

— За доставку уже взято. Мы сами забираем.

— Тележку я для вас держал.

— Позавчера я сказала, что доставка не нужна. Вы при мне вычеркнули её из своей книги.

Мастер ушёл внутрь и вернулся с книгой, заложив нужную страницу пальцем. Посмотрел, провёл рукой по бороде.

— В счёт старое перенёс. Сейчас поправлю.

Она дождалась, пока он исправит запись и отсчитает лишние монеты. Потом проверила внутренние стенки кадок и попросила пока оставить их под крышей: на обратном пути заберём. Вернулась к тележке с исправленным счётом и убрала его в кошель.

— Не люблю потом объяснять маме, за что заплатила дважды, — сказала она.

— Ты сразу заметила?

— Вчера вечером. Не стала посылать Арнольда. Он бы привёз ещё одну кадку, чтобы деньги зря не пропадали.

Мы свернули у водосборника. Приёмная стояла в длинном каменном доме с высокими окнами. Возчик подвёл тележку к боковой двери, где было всего две ступени, и помог мне спуститься. Люси придержала дверь, но в комнату я вошёл сам, опираясь на оставленную для меня палку.

За столом сидел пожилой служащий. Двое посетителей ждали на скамье у стены. Когда подошла наша очередь, он выслушал название архива и положил перо.

— Северным называли собрание. Здесь теперь принимаем запросы по всем городским хранилищам. Вы ищете книгу или человека?

Я передал ему переписанные строки. Он прочитал их, спросил, видел ли я печать, и, услышав ответ, выдвинул ящик.

На плотном листе были наклеены оттиски. Служащий показал один: на краю круглой печати четыре короткие выемки делили обод на равные части.

— Может быть такой знак?

— Может. Но я бы солгал, если бы сказал, что узнал его.

Он посмотрел на меня поверх листа и кивнул.

— Это знак одного из комплектов Северного свода. При перевозке ящики и связки помечали одинаково. Проверим по описанию. За вами полномочие владельца или его наследников?

— Нет. Наставник просил спросить об этих бумагах. Он погиб, и я не знаю, что именно искал.

Я показал письмо, закрыв ладонью нижние строки. Служащий прочитал начало и вернул его.

— Для поиска по описи хватит. Но выдать сами бумаги по такой записке я не могу. Сначала установим, какие это записи и где они лежат; тогда скажем, на каком основании можно получить доступ.

Я спросил и про книги выдачи синей служебной ткани. Он записал отдельно, затем объяснил, что нужны хотя бы приблизительные годы. Я назвал год смерти наставника и попросил проверить предыдущий. Запрос получался шире, чем мне хотелось, но выдумать недостающие сведения я не мог.

— Когда приходить?

— Через четыре дня спросите здесь. Если найдём раньше, передадим записку по адресу. Вы где остановились?

Я назвал «Старый грифон». Впервые с начала дороги этот вопрос не потребовал объяснять, где стоит повозка и когда мы уедем. Я подписал запрос своим именем. Люси всё это время сидела у двери, перебирая в кошельке монеты бондаря, и подошла только тогда, когда я встал.

— Ну что?

— Приняли. Теперь хотя бы будут искать конкретное собрание.

— Тогда к Сетти. Кадки на обратном пути, если он надолго тебя не оставит.

На улице я задержался возле ступеней, чтобы дать ноге отдохнуть. Возчик ждал, не торопя. Люси вышла следом и подставила локоть.

* * *

У следующей площади пришлось переждать обоз. Тележка стояла в тени стены, и Люси достала из корзины два куска хлеба с сыром. Один отдала мне. Я вспомнил вчерашний разговор и спросил, почему она хочет уехать из Скайдейла.

— Не из Скайдейла навсегда. Хочу хоть раз добраться туда, куда постоянно отправляю чужие вещи. Мамины знакомые осенью едут вдоль побережья. У них можно работать, я уже спрашивала.

— Мать против?

— Она против того, чтобы я ехала, пока не умею всё, что умеет она. Если её ждать, я прежде сама стану матерью.

Я откусил хлеб. На площади переругивались два возчика; одна повозка перекрыла проход, пока снимали свалившийся мешок.

— Я с Ягелем договорился за работу, — сказал я. — Может, тебе тоже…

— Я договорюсь. Ты лучше расскажи потом, что тебе в первый месяц больше всего мешало. Про это они обычно молчат.

— Сапоги. И то, что всё своё время я уже считал отданным за дорогу.

Она посмотрела на меня внимательнее. Я рассказал о речном дворе, о плате и нашем споре. Ягеля ругать не стал: важнее было то, как мы потом договорились. Люси слушала, положив хлеб на край корзины.

— Вот это мне пригодится, — сказала она. — Сразу спрошу, где кончается моя работа.

Обоз тронулся. Возчик обернулся убедиться, что я устроился, и повёл лошадь следом. Люси убрала корзину, взяла щит, чтобы тот не бил по борту. Я попросил её вечером рассказать, что сказал Бернар про новый способ падать.

— Лучше покажу. Когда Сетти разрешит.

— Мне пока старого хватает.

Она засмеялась и придержала щит коленом. За поворотом показался каменный дом с узкой калиткой. По ту сторону ограды стояли горшки с растениями; оттуда тянуло горькой зеленью. Люси окликнула возчика и поднялась, держась за борт.

— Здесь. Сиди, я позову.

Я остался ждать, положив сумку на здоровое колено. Внутри лежал листок с днём следующего приёма. Четыре дня предстояло провести в городе. Я впервые мог представить их не только как ожидание ответа: вечером будут ужинать внизу, Ягель расскажет про пост, Люси вернётся от Бернара. Если Сетти позволит, попрошу Элоизу принести мешки, которые нужно зашить.

Люси открыла калитку и обернулась ко мне. Я передвинул палку поближе и приготовился вставать.

Глава 9. Меч Бернара

Сетти отворил калитку сам. За его плечом я увидел стеклянную крышу, испещрённую белыми потёками, и верёвку с подвешенными связками трав. Лекарь посмотрел, как я выбираюсь из тележки, и принёс из дома стул. До него оказалось ближе, чем до скамьи у стены.

— Ночью знобило?

— Нет. Просыпался от боли.

— Меньше, чем вчера?

Я кивнул. Люси помогла мне сесть и поставила возле стула сумку. Сетти попросил её принести таз из комнаты за стеклянной дверью.

— Только тот, что на полке. На полу для корней.

— В прошлый раз на полке тоже были корни.

— Поэтому теперь я говорю заранее.

Он снял повязку. Краснота ещё держалась, но кожа перестала так туго блестеть; я уже мог смотреть на рану, не стискивая зубы. Сетти осторожно надавил рядом с проколами, велел согнуть стопу и немного подождал. Потом промыл бедро, положил пальцы возле проколов и тихо повторил лечебную формулу. Тепло прошло под кожу. Самый глубокий след зуба стянулся у меня на глазах, оставив неровную розовую полоску. Сетти дождался, пока погаснет свечение, и наложил свежее полотно. На этот раз всё закончилось прежде, чем я успел устать от неподвижности.

— Закрывается как надо. Дальше будешь прибавлять понемногу: сначала по комнате, потом по двору. Если к вечеру снова распухнет, на следующий день меньше. На лестницу пока не лезь.

— Сидя работать можно?

— Можно. Только не с утра до темноты. Встань, пройдись, снова сядь. Поешь нормально. Рану я тебе вчера очистил, новую ногу не приделал.

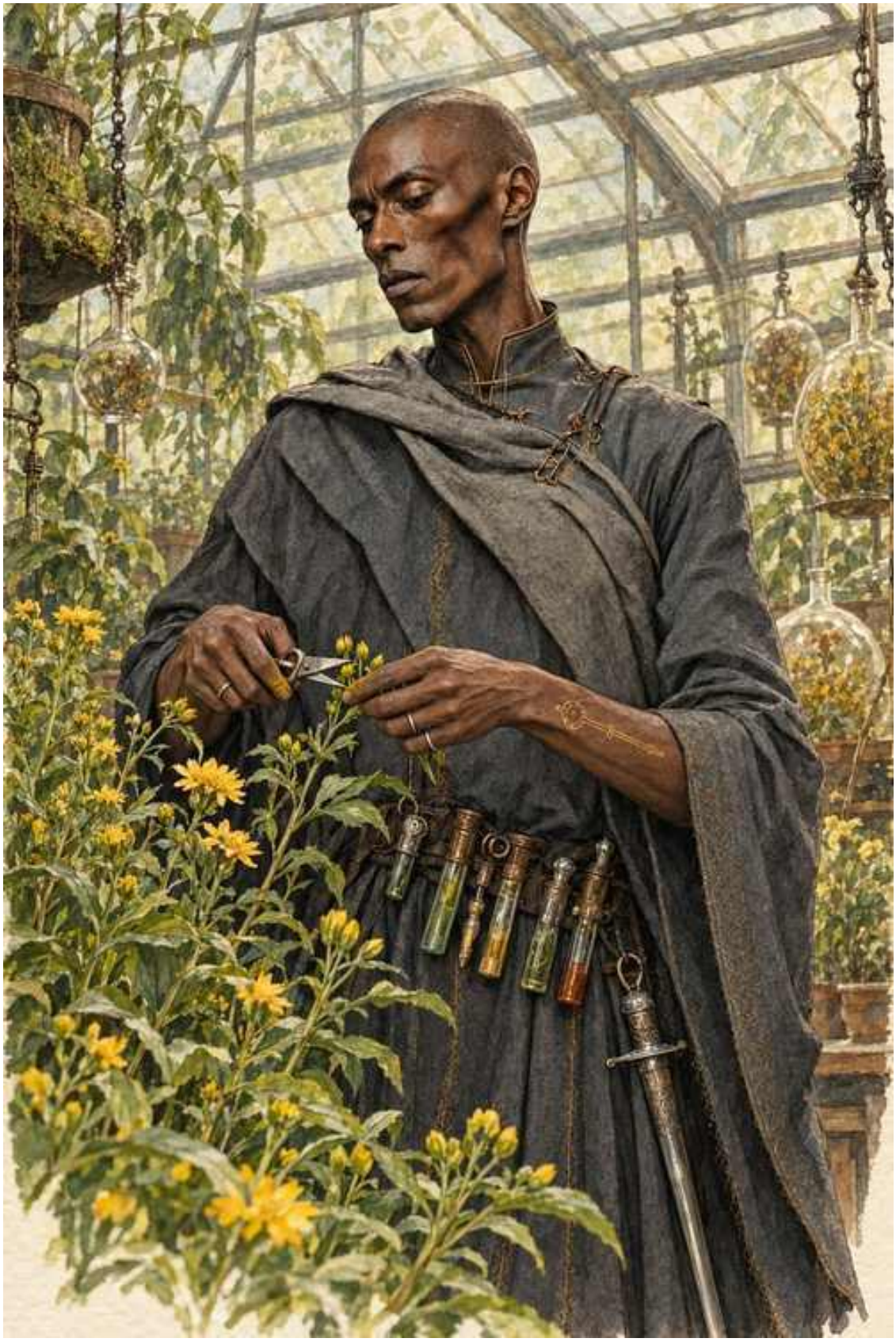
Люси стояла рядом с пустым тазом.

— Он вчера уже мешки зашивать собрался.

— Мешки, — подтвердил я. — Не таскать.

— Значит, мы поняли друг друга, — сказал Сетти.

За осмотр он второй раз не взял: вчерашняя плата включала сегодняшнюю перевязку. Мне стало легче спросить, сколько нужно оставить на полотно и мазь. Он назвал сумму и показал, сколько брать за один раз. Люси свернула чистые полосы, пока я убирал сдачу.

У стеклянной стены стоял низкий ящик с фиолетовыми цветами. Один повернул ко мне бутон. Я решил, что потянулся к свету, но Люси переступила в сторону, заслонила солнце, а цветок продолжал следить за моей сумкой.

— Это тоже для мази?

— Из корня делают вытяжку, — ответил Сетти. — Руками не трогай.

Бутон раскрылся. Внутри, между влажными фиолетовыми складками, белели мелкие зубы.

Я убрал руку, хотя и не собирался его трогать.

Люси поставила таз и нагнулась за сумкой. Свободный конец ремня качнулся над ящиком. Цветок выбросил стебель, ухватил кожу и повис на ней. Люси отдёрнула сумку; из рыхлой земли выскочил маленький ком с белёсыми корнями.

— Не тяни, — сказал Сетти.

Она застыла, держа сумку на вытянутой руке. Фиолетовая голова висела у бокового шва. Стебель обвился вокруг пряжки, будто нашёл наконец подходящую ветку.

— Теперь говоришь поздно, — заметила Люси.

Сетти принёс длинные щипцы и глиняный горшок. Подхватил ком корней, поставил в землю, но цветок ремня не выпустил. На коже появились две мокрые вмятины.

— Сильный, — сказал я.

— Отдай ему ещё сумку, похвали за настойчивость, — ответила Люси.

Лекарь достал из миски кусочек подсохшего мяса и зажал щипцами. Цветок разжал пасть, потянулся за угощением и с хрустом сомкнул зубы. Люси отнесла сумку к калитке.

— Кусака, — сказала она.

— Их здесь целый ящик, — возразил Сетти.

— Этот уже представился.

Он подсыпал земли в горшок. Цветок больше не двигался; только выпуклость на стебле медленно опускалась к корням. Я спросил, можно ли держать такой дома. Сетти посмотрел сначала на меня, затем на Люси.

— Можно, если дома никто не суёт пальцы в горшки. Но тащить его сегодня тебе не надо. Научись сперва ухаживать. Потом решишь.

Люси уже открыла рот, но я ответил раньше:

— Покажешь, когда приду на перевязку?

— Покажу. И принеси корзину с крышкой. Рядом с бельём его не возят.

У калитки Люси отдала мне сумку и провела ногтем по надкушенному ремню.

— Уже выбираешь себе хозяйство.

— Я пока спросил.

— А он теперь ждёт тебя с корзиной.

Мне нечего было возразить. Возчик помог усесться, Люси устроила ногу на доске, и мы поехали за кадками. Когда их погрузили, свободного места в тележке почти не осталось. До самого трактира я придерживал локтем тёплую гладкую клёпку, пахнувшую свежим деревом.

* * *

Ягель вернулся к вечеру. Положил на стол кошель, сел и долго разминал ладонь, прежде чем развязать шнурок.

— Продал, — сказал он. — Голову Перин забрал. Шестьдесят четыре медяка.

— Столько и обещали?

— На посту ничего не обещали. Перин с сорока начал: мол, шерсть уже никуда, только зубы да кость. Я ему говорю — так ты косторез, тебе шерсть и не нужна. Он ещё челюсть мерил, примерялся, сколько целых зубов выйдет. Хотел один клык сразу выломать. Я не дал, пока о цене не договорились.

Ягель высыпал деньги. Между монетами выпала узкая расписка с поста; поперёк неё стояла новая отметка. Он подвинул бумагу от мокрого края стола.

— Сначала деньги, потом зубы, — добавил он. — Я ему голову целиком продавал. Что он теперь из неё вырежет, пусть сам решает.

Он разделил монеты на две равные кучки и подвинул одну мне.

— Тридцать два. Пересчитай.

— Ты же его добил.

— А ты мне дверь открыл. Хочешь посчитать, что дороже?

Я покачал головой и пересчитал монеты. Ноги, несмотря на одеяло, вдруг замёрзли: вспомнилось, как лапа скребла с той стороны доски. Ягель заметил, что я перестал перекладывать деньги, и накрыл вторую кучку ладонью.

— Больше к этой голове не ходим. Всё.

Он рассказал, что встретил возчиков с шерстью и передал мой привет. Они уже разгрузились; к утру собирались в обратную сторону. Для Орлуши Ягель купил овса. Шкура осталась у хозяина первого постоялого двора за наш ночлег, еду и полотно; теперь вся плата за ульфура лежала перед нами.

— Из такой шкуры две куртки и шатёр можно сшить, — сказал я. — Дёшево отдали.

— Куртки подождут. Зато спал ты тогда на подушке. А шатёр сядет при выделке, будешь ноги наружу выставлять.

Я оставил Элоизе деньги ещё на неделю. В кошельке всё равно осталось больше, чем утром. Часть расходов я надеялся покрыть шитьём: хозяйка принесла мешки, у которых расходились швы возле горловины, назвала плату за починку каждого и села напротив с собственным шитьём. Первую работу я распустил — захватил слишком мало целой ткани. Элоиза ничего не сказала, только подвинула лампу.

Ягель жил во дворе, в своей крытой повозке. После ужина он собирал кружку, нож и недошитый ремешок, желал нам доброй ночи и уходил под полог. Утром я узнавал, что он проснулся, по короткому стуку: он обивал грязь с сапог о ступеньку. Иногда вместо него первым являлся Арнольд и просил вернуть миску, которую Ягель ещё вчера собирался занести на кухню.

Миску возвращали. Ложку Элоиза пересчитывала отдельно.

Через четыре дня после подачи запроса я снова поехал в приёмную. Люси в тот день принимала муку; дорогу я уже знал и нанял место у возчика, развозившего пустые корзины. Он высадил меня возле водосборника и согласился забрать на обратном пути.

Служащий достал мой лист из связки. На обороте появились две короткие приписки.

— Знак нашли, — сказал он. — Но под ним проходило несколько связок. После оползня их внесли в описи городского водного хозяйства. Туда передавали и книги, и имущество старого дома.

Он показал дату переноса. Я прочитал её дважды, стараясь понять, сколько лет тогда было мне и мог ли наставник уже знать об этих бумагах.

— Можно посмотреть описи?

Открытые описи можно было смотреть в читальной; на остальные книги требовалось разрешение смотрителя. Запрос уже передали ему. Я хотел найти его сам, но служащий посоветовал дождаться назначенного времени: смотритель ведёт несколько хранилищ.

С тканью вышло ещё хуже. В названные годы синее сукно с коронным девизом выдавали нескольким службам. По обрывку без сохранившейся метки мастерской нельзя было понять, из какой партии он взят. Служащий позволил переписать названия, которые удалось найти, и отметил, что часть книг ещё не проверили.

Я не получил ни имени, ни адреса убийцы. Зато Северный архив перестал быть исчезнувшим зданием из чужой записки. У бумаг нашлась запись о перевозке, и теперь я мог спрашивать о ней.

На выходе пришлось посидеть: бедро ныло после лестницы. Я сердился на ступени, на смотрителя, которого не видел, и на то, что уже выучил трещину в стене напротив скамьи. Потом приехал возчик. Я поднялся без его помощи, а в тележку всё-таки попросил подсадить.

Элоиза вечером спросила, как сходил. Я рассказал всё, включая то, как собирался искать смотрителя по городу.

— Хорошо, что вернулся, — сказала она. — Завтра будешь ходить по двору. Здесь хоть сердиться есть на кого.

* * *

В конце первой недели я перебрался наверх, в комнату с двумя кроватями. Вторую занимал пожилой писарь, который ложился рано, а перед сном долго вытряхивал песок из рукавов. Мы быстро договорились: он не ставил сапоги возле моей постели, я не зажигал лампу после того, как он засыпал. Жильё с едой обходилось теперь вдвое дешевле. Починкой мешков я покрывал большую часть платы, а когда смог дольше сидеть, Элоиза доверила сверять вес привезённых товаров с записью поставщика.

Сначала я уставал от одного спуска к завтраку. Несколько раз доходил до середины двора и возвращался, хотя у ворот уже виднелся кусок улицы. Потом стал выходить к булочнику за углом. На второй неделе смог принести хлеб сам. Люси приняла корзину, посмотрела, как я ставлю ногу, и отдала мне ещё тёплую горбушку.

— Арнольду скажем, что потерял по дороге.

— Он не поверит.

— Тогда что отбился от чаек. Они здесь очень разборчивые.

Она отломила себе второй край, и хлеб мы доели у ворот. Я впервые заметил, как часто она ест стоя, между одним поручением и другим.

Сетти вскоре оставил на бедре только лёгкую повязку. Я ходил к нему уже без тележки, хотя на обратном подъёме приходилось останавливаться. Кусаку он держал отдельно от остальных цветов, в том самом горшке. За несколько посещений я научился подносить корм щипцами, проверять землю палочкой и не держать лицо над закрытым бутоном: закрытым он бывал недолго.

Когда Сетти разрешил забрать его, я принёс небольшую плетёную корзину. Горшок укрепили внутри деревянными клинышками. За решёткой крышки цветок мог поворачиваться, но дотянуться до ручки не мог.

— На ночь закрывай внутреннюю заслонку. От холода и от твоего любопытства.

— Моего?

— Цветок не открывает крышку, чтобы посмотреть, спишь ли ты.

У «Грифона» Люси первой заметила корзину. Присела, заглянула сбоку и позвала мать.

— Он всё-таки взял.

Элоиза поставила руки на пояс.

— В комнаты с этим не пойдёшь.

— Можно у окна в сарае? Там светло. Я спрошу у конюха, не помешает ли.

— Спросишь. И сам будешь кормить. Арнольд никому добавочную пасть не обещал.

Я отнёс корзину во двор. Ягель сидел на ступеньке повозки и чинил завязку полога. При виде цветка он наклонился, но за решётку ничего не просунул.

— У Сетти?

— Да.

— Денег взял?

— Только за горшок. Цветок отдал.

Ягель некоторое время смотрел, как бутон поворачивается вслед за его бородой.

— На корме своё вернёт, — заключил он.

Конюх разрешил поставить корзину на пустую полку у окна, подальше от овса и сбруи. Я проверил крышку и ещё раз спросил Сетти при следующей встрече, сколько давать мяса. Пока остальные шли ужинать, мне нужно было сперва заглянуть в сарай. Я быстро перестал считать это забавой, но отдавать Кусаку не хотел.

* * *

К Бернару я собрался на исходе второй недели. Нож после ульфура всё ещё цеплял ткань зазубриной, а обломок наставникова меча протёр ещё одну дыру в обёртке. Оружие посерьёзнее ножа я тоже хотел купить: каждый раз, когда вспоминал дверь в развалинах, возвращалось ощущение пустой руки. На меч я отложил остаток платы за голову и то, что удалось сберечь из платы за починку мешков и работу в трактире.

Ягель объяснил, где кузница, и предложил подвезти после утреннего торга. Но Люси всё равно шла к Бернару заниматься. Я пошёл с ней, взяв палку для обратного подъёма. День был жарким; в канавках у мостовой плескалась чистая вода, и возле стоков дети пускали щепки, пытаясь догнать их ниже по улице.

Кузницу мы нашли по звуку водяного колеса. Оно медленно поворачивалось в узком рукаве реки, плескало на каменный желоб и приводило в движение ремень, уходивший под крышу. Внутри звенел молот. Люси остановилась у двери, чтобы дождаться, пока кузнец отложит раскалённую заготовку.

Бернар оказался невысоким, широким в плечах человеком с рыжеватой бородой, перехваченной медными кольцами. Справа, от виска к уху, кожа блестела старым ожогом; волосы над ним росли неровно. Два пальца левой руки почти не сгибались. Он держал клещи всей ладонью, под непривычным углом, и точно ставил железо под молот.

— Новый человек, — сказал он, заметив меня. — Хорошо. Старые знают мои цены и заходят реже.

— Я за ножом, — ответил я и выложил его на верстак. — И меч посмотреть, если хватит денег.

— Сколько есть на меч?

Я назвал сумму, которую мог потратить после платы за комнату. Бернар кивнул. Люси повесила щит на крюк и ушла во двор за тренировочными палками.

Кузнец провёл ногтем поперёк зазубрины, посмотрел клинок на свет и спросил, обо что я ударил. Я рассказал про дверь и ульфура.

— Ягель уже рассказывал. У него зверь был чуть крупнее.

— Он ещё не всем рассказал.

— Значит, подожду. Может, ворота придётся расширять.

Бернар взял мелкий камень. Снял заусенец, провёл лезвием по сложенной коже и вернул нож. На кромке осталась неглубокая выемка, но полотно она больше не цепляла.

— Так походишь. Если сточить до дна, слишком много железа потеряешь.

Я поблагодарил и развернул второй свёрток. Бернар отложил точильный камень. Подвинул к себе кусок стали, не берясь за острый край.

— Это откуда?

— Меч наставника. Я нашёл только переднюю часть.

— Переделывать хочешь?

— Сначала понять, можно ли будет соединить, если найдётся остальное.

Он долго рассматривал излом. Повернул клинок так, чтобы свет прошёл по сколам, затем положил обратно на тряпицу.

— По этому куску не обещаю. Нужно увидеть вторую часть. И знать, чего ты хочешь: сохранить его или снова драться. Это может оказаться разной работой.

— Пока сохранить.

— Тогда излом не трогаем. А носить так перестань. Прорежет сумку — потом по всей дороге будешь искать.

Бернар вынул из ящика два тонких обрезка дерева и приложил к стали. Я попросил сделать чехол, который поместится в ту же сумку. Он обвёл контур, оставив запас возле острия, и спросил, устроит ли простая кожа без украшений.

— Устроит. Лишь бы край не выходил.

— Для этого и дерево внутри.

Работу он оценил отдельно. Вместе с ней на новый клинок из его лучших запасов мне не хватало. Я уже собирался сказать, что вернусь позже, но Бернар отвёл меня к стойке возле стены.

— Подержанные смотреть будешь?

Первый меч оказался длинным и тяжёлым на конце. Я поднял его, попробовал повернуть одной кистью, но пришлось помогать себе движением плеча. Кузнец забрал клинок.

— Не твой. Следующий.

Второй сидел в руке удобно, но при движении что-то щёлкнуло в рукояти. Бернар пометил его мелом и отложил чинить.

Третий был простым дорожным мечом с прямым лезвием и короткой крестовиной. Сталь потемнела возле гарды; старую обмотку сняли, и под пальцами чувствовалось гладкое дерево. Клинок не тянул кисть вниз.

— Кто учил? — спросил Бернар.

— Наставник.

— Покажи, как держал. Только стой на месте.

Я поднял меч. Плечо по привычке напряглось, и Бернар коснулся его двумя пальцами.

— Отпусти. Так долго не простоишь.

Он показал на верстак, от которого я стоял слишком близко. Я отступил здоровой ногой, остановил себя прежде, чем резко перенести вес, и опустил клинок.

— Ногу долечи. Люси говорит, ты каждый день пробуешь, не прошло ли уже всё сразу.

— Не каждый.

Из двора донеслось:

— Сегодня ещё утро.

Бернар улыбнулся и назвал цену. С ножнами и чехлом для обломка получалось ровно столько, сколько я приготовил. Рукоять он обещал заново обтянуть простым ремнём. Царапины на гарде меня устраивали; главное, чтобы она держалась крепко. Мы договорились, что заберу всё через два дня. Половину я оставил сразу, вторую — при получении.

Пока он подбирал кожу, я спросил, давно ли он знает Элоизу. Он остановился возле шкафа, держа ремень в обеих руках.

— Достаточно давно, чтобы помнить её без этого шрама.

Я хотел спросить ещё, но Бернар сам кивнул на свою обожжённую сторону.

— Западная башня. Горело перекрытие. Я помогал выносить людей, потом на лестницу упала балка. Прижала меня у стены.

Он перевернул ладонь. Непослушные пальцы остались согнуты не до конца.

— Элоиза уже вывела двоих. Я слышал, как ей снаружи кричали, что назад нельзя. Она всё равно вернулась.

— Одна подняла балку?

— Нет. Подсунула рычаг, освободила мне плечо. Потом тянула за ворот, пока я помогал здоровой рукой. Я думал, задушит раньше, чем вытащит.

Он провёл большим пальцем по шву на ремне, проверяя кожу.

— Волосы на мне уже горели. Она накрыла меня своим плащом. Потом ещё ругалась, что я слишком тяжёлый.

За дверью Люси переставила стойку; дерево глухо ударило о камень. Бернар взглянул туда и продолжил тише:

— Ей самой тогда досталось. Вылечились не сразу. А я долго не мог удержать клещи. Приходилось учиться заново, этой рукой.

— Не знал.

— Она редко рассказывает. Мне тоже приятнее работать, чем показывать ожоги.

Я убрал оставшиеся деньги. Показалось неловким, что перед рассказом мы торговались, но Бернар уже снова спросил, с какой стороны пришить петлю на чехол.

— С этой. В сумке удобнее завязывать.

Он отметил мелом. Я поблагодарил за рассказ. Бернар пожал плечами и пошёл во двор к Люси.

* * *

У соседнего склада кто-то окликнул меня по имени. Я сперва посмотрел на людей возле ворот. Потом над бортом пустой телеги поднялась знакомая голова.

— Арден? Ты зачем палку завёл?

Освин спустился по короткой лестнице. На рубахе у него темнели пятна масла; из-за пояса торчал сложенный чертёж. Он пожал мне руку и посмотрел на ногу, которую я ставил осторожнее.

— Зверь на дороге, — сказал я. — Две недели уже здесь. Ягель тоже.

— Живой?

— Живой. Торгует.

— Значит, не до меня ему. Приведи его вечером. Только не говори, что мне сегодня заплатили.

Я засмеялся. Освин позвал парня со двора, велел не ставить груз на поднятую платформу и предложил присесть на край пустого настила. Над нами висела цепь грузовой лебёдки. Я проверил взглядом крюк; Освин заметил.

— Правильно. Только здесь уже закрепили. Ты с какой стороны пришёл?

Я показал на кузницу.

— Бернару заказал меч.

— Хороший мастер. Мне ось выправил, пока другие предлагали менять весь ворот.

Он рассказал, что первый городской подряд закончил и деньги получил. Теперь доделывал лебёдку, а вечерами составлял расчёт для западной переправы, о которой говорил ещё в Келлене. Там хотели заранее знать, сколько нужно железа, дерева и людей на постоянное обслуживание.

— Одному ехать неудобно. Один заболеет — всё встанет. Нужны двое, которые умеют работать, и ещё люди, которых можно учить. И платить придётся, пока заказчик думает, нужны ли ему лишние руки.

— Согласился?

— Пока считаю. Я же им не обещаю чудо за полцены.

Из склада попросили ключ. Освин снял его с пояса и бросил подошедшему парню, предупредив не оставлять в замке. Потом спросил про архив.

Я рассказал о водных описях и разрешении, которого ждал. Он знал служащих на двух грузовых дворах, но среди хранителей книг знакомых не было. Освин так и сказал: помочь с доступом к архиву он не сможет.

— А подработки у тебя здесь не найдётся? — спросил я.

Освин посмотрел на палку.

— Когда сможешь целый день ходить. По старой памяти на подъёмник не поставлю. Придёшь, посмотрим, что умеешь сейчас, и о плате договоримся.

— Хорошо.

— Где остановился?

Я назвал трактир и предложил зайти вечером. Освин спросил, кормят ли там после темноты.

— Кормят. Только Ягелю не давай выбирать тебе ложку.

— Уже что-то случилось?

— Расскажу за ужином.

Люси вышла от Бернара с раскрасневшимся лицом и щитом под мышкой. Освин поднялся, представился. Она ответила, что имя уже слышала от меня, и спросила, когда вернут на место телегу, загородившую половину прохода. Освин обещал до вечера. Прежде чем мы ушли, он велел работнику отодвинуть её хотя бы на ширину двери.

* * *

Через два дня я забрал меч. Бернар заменил обмотку, подтянул крепление гарды и нашёл простые ножны, в которых клинок не стучал. Я заплатил остаток, надел пояс и несколько раз попробовал вынуть оружие, не задевая локтем стену.

Чехол для обломка оказался жёстким, обшитым толстой кожей. Внутри дерево закрывало остриё и оба края, а у широкого конца откидывался клапан. Сам излом Бернар оставил нетронутым. Я уложил сталь, затянул две завязки и проверил ладонью: ничего не кололо.

— Теперь хоть рубаху рядом положишь, — сказал кузнец.

Я убрал чехол в сумку. Новым мечом собирался пользоваться; этот кусок всё ещё нужно было довезти до человека, который сможет ответить на мои вопросы.

Люси дождалась, пока Бернар закончит с заказчиком, и попросила посмотреть, как я двигаюсь. Он вынес во двор деревянный клинок. Первый поворот я сделал медленно. Правое бедро потянуло, и на этом Бернар остановил упражнение.

— Сегодня хватит. Возьми палку и дойди домой.

Мне хотелось попробовать ещё раз. Я посмотрел на его левую руку и отдал деревянный меч.

К концу третьей недели тот же поворот дался легче. Я уже мог пройти лестницу от трактира к водосборнику без остановки; к вечеру нога не распухала. Сетти разрешил обычную работу, но велел ещё поберечься от резких нагрузок. В кузнечном дворе я поднял учебный клинок, шагнул левой ногой и провёл удар по диагонали. Вернул оружие перед собой, отвёл удар Люси в сторону и отступил. Она не ускорялась. Когда я слишком широко раскрылся, коснулась моей рубахи концом палки.

— Здесь получил бы.

Я повторил движение, на этот раз оставив локоть ближе к боку. Её клинок скользнул по моему и прошёл мимо плеча. Нога выдержала. Бернар велел остановиться раньше, чем усталость заставит снова ошибаться.

Вечером в «Грифон» пришёл Освин. Мы с Ягелем подвинулись на лавке, Арнольд вынес ещё миску. Ягель начал историю про ложки с торговца чашами. Элоиза, проходя мимо, положила перед ним почерневшую семнадцатую.

— С начала рассказывай.

Освин придвинул хлеб и устроился удобнее. Люси села рядом со мной, сняла с пояса кошель и пересчитала плату за сегодняшний заказ. Когда смех за столом утих, она сказала, что у Веллеров ищут людей в сад.

— Дорожки расчистить и полив посмотреть. Канавы засорились, вода идёт мимо грядок. На день, расчёт вечером. Я могу пойти. Ты как?

Я спросил, придётся ли таскать камень или копать весь день. Люси ответила, что управляющий обещал дать людей для тяжёлого; нужны ещё двое, которые разберут заваленные проходы и проверят желоба. Ягель знал, где ворота, и предложил утром показать дорогу.

— Сначала посмотрим, — сказал я. — Если там одна земля с камнями, пока не возьмусь.

— Так и договоримся, — ответила Люси.

После ужина я отнёс Кусаке корм. Цветок тихо щёлкнул за решёткой и спрятал мясо между лепестками. Во дворе Ягель уже закрывал полог повозки. Я пожелал ему доброй ночи и поднялся в комнату. Поставил сумку с чехлом у изголовья, а новый меч повесил рядом с поясом, чтобы утром не искать под кроватью.

Глава 10. Старое дерево

Утром Ягель нашёл меня возле сарая. Я проверял, крепко ли держится задвижка на корзине. Кусака опустил бутон на землю, похожий на смятую фиолетовую тряпку, и даже не повернулся на шаги.

— Наелся? — спросил Ягель.

— Вчера. Сетти велел каждый день не пихать.

— С таким подходом трактир не откроешь.

Он наклонился к решётке. Цветок приподнял край бутона, показал зубы и снова опустил голову.

— Вот этого можно у двери держать. Кто не заплатил — пусть объясняется с ним.

— У тебя же трактир для людей.

— Пока да.

Я подвинул корзину из полосы прямого солнца и закрыл сарай. Обломок меча и бумаги остались наверху, в сумке у изголовья. Дорожный меч висел на поясе; я ещё привыкал придерживать ножны, проходя в узкую дверь.

Люси ждала у повозки. На ней были кремовая рубаха и кожаный нагрудник. Круглый щит висел за спиной на перевязи, короткий меч — в ножнах у левого бедра. Ягель спросил, с кем она собирается воевать в саду.

— После работы к Бернару. Если успеем.

— Понятно. Сначала прополка, потом чужие рёбра.

Он проверил Орлушину привязь, оставил коню сено и пошёл с нами. У рынка наши дороги расходились: Ягель собирался смотреть партию пряжек, а ворота Веллеров стояли выше, на улице вдоль подпорной стены.

Из-за стены торчало старое дерево. Самого ствола ещё не было видно; широкая крона закрывала часть верхнего дома и нависала над черепичной крышей сторожки. Несколько ветвей уже потеряли листья. Под одной висело что-то светлое. Когда подул ветер, я разглядел полоску ткани, зацепившуюся за сучок.

Ягель показал на небольшие ворота с колокольчиком.

— Здесь спрашивайте управляющего. Большие для телег. К вечеру зайду в «Грифон».

Он ушёл вниз, поправляя ремень сумки. Мы задержались у поворота, откуда между красными кронами был виден почти весь Скайдейл. С этой высоты Небесный мост перестал заслонять дома: теперь я различал улицы под его арками и повороты реки. Я показал Люси крышу, которую принял за архив. Она поправила меня — нужное здание стояло левее. Внизу у воды уже дымили мастерские.

Потом мы вернулись к воротам. Люси дёрнула за шнур.

Управляющий впустил нас через двор. На его жилете блестели плоские пуговицы; на сапогах не было земли. Он спросил, работали ли мы с поливом, и я ответил, что умею найти, где вода перестаёт идти по желобу. Чинить каменную кладку или ставить насос я не обещал.

— Насоса здесь нет. Вода сверху, из городского отвода. Нужно убрать мусор и открыть проход к решётке. Людей на землю дам.

Мы прошли под аркой. За ней сад спускался двумя широкими уступами. Слева вдоль стены тянулись остеклённая оранжерея и сарай. Посередине росло то самое дерево — старый орех с развилкой на высоте человеческого роста. Справа от него, шагах в десяти, находился неглубокий каменный водосборник. Оттуда вода уходила поперёк сада по открытому желобу. Через желоб лежал короткий деревянный мостик; за ним начиналась прямая дорожка к арке и двору.

Два участка пути были завалены: возле сарая лежали обрезанные ветви, у водосборника стояла тачка со снятыми плитами. Под орехом оставили вторую, пустую тачку и садовый инструмент. Решётку подводящего желоба затянуло листьями. Вода переливалась через край и уходила под грядки.

— Расчистить до решётки, проверить, где засор, — сказал управляющий. — По восемь медяков каждому. Если сегодня вода пойдёт по всем рядам — ещё по два.

— Плиты мы не поднимаем, — напомнил я.

— Для этого двое уже есть.

Он окликнул работников возле сарая. Первым подошёл широкоплечий рыжеволосый мужчина в выцветшей синей рубахе. На короткой бороде у него застряла стружка. Второй был моложе и тоньше, с такими же рыжими, только более кудрявыми волосами и узким белым рубцом возле подбородка. Рукава своей небелёной рубахи он закатал выше локтей.

— Кайр, — представился старший. — Это Бренн, брат. Вы по саду или тоже на одну работу позвали, а нашли шесть?

Управляющий посмотрел на него.

— Начните с плит.

Люси уточнила, кто ещё будет ходить по саду. Оказалось, в оранжерее работала женщина с рассадой, а мальчишка таскал ей воду и бегал с поручениями. Верхний дом был заперт. Управляющий велел не подходить к лестнице на его террасу и вернулся во двор.

Кайр снял стружку с бороды.

— Восемь сразу оговорили? Правильно.

— А вам сколько? — спросила Люси.

— Нам ещё за прошлую неделю должны.

Бренн взялся за ручки тачки.

— Отдадут при расчёте. Ты потом спросишь.

— Я вчера потом спрашивал.

Кайр всё же замолчал и помог брату переставить тачку. Я попробовал пройти между ветвями, выбрал место, где можно работать, не приседая каждые два шага, и снял плащ. Люси оставила свой рядом, на скамье возле арки. Щит прислонила к стене; меч с пояса не сняла.

* * *

До полудня мы успели освободить дорожку у сарая и половину решётки. Я вытаскивал листья крюком, Люси передавала их Кайру в плетёной корзине. Бренн выносил мелкие плиты. Когда понадобилось поднять большую, они с братом подсунули под неё жердь и позвали меня придержать край, чтобы не соскользнула. Нога выдерживала. Я всё равно останавливался, прежде чем начинало тянуть возле старых проколов.

Из оранжереи пахло влажной землёй и углём. Женщина подогревала воду для посадок в котелке над переносной жаровней. Мальчишка принёс нам кувшин и хлеб, оставленный управляющим. Кайр разрезал буханку садовым ножом, вытер лезвие о штанину, посмотрел на него и виновато взял чистую тряпку.

— Дома мать увидит — к столу с этим не пустит, — сказал Бренн.

— Дома у нас отдельный нож.

— Потому что этот она спрятала.

Они жили в деревне к востоку от города, за каменоломнями. Пришли на три дня, задержались почти на две недели. У матери начинал течь сарай; заработка должно было хватить на доски и подводу, чтобы довезти их домой. Кайр говорил о крыше так, будто уже разбирал её у себя перед глазами. Бренн поправил его: две балки ещё целые, менять всё не придётся.

— Ты каждый раз оставляешь, что можно оставить, — сказал Кайр.

— Поэтому нам пока есть где спать.

Я спросил, давно ли забился полив. Бренн оглянулся на орех.

— Как землю возле него вскрыли, так и потекло мимо.

— Что делали?

— Горшки закапывали. Шесть штук. Новая подкормка, как нам сказали. По кругу, под корни. За ту работу и не рассчитались.

— Кто сказал?

Кайр кивнул в сторону двора.

— Управляющий. Привезли закрытые, нам только ямы выкопать. Я спрашивал, почему не вылить. Велели ставить целиком.

Мы вернулись к желобу. Вода наконец потянула размокшие листья к решётке; Люси подцепила последний ком. Под ним обнаружился корень толщиной с мой большой палец. Он перегораживал сток, хотя до дерева было далеко.

Сначала я решил, что кора просто почернела от воды. Потом провёл крюком по поверхности. Чёрный слой содрался, и в порезе выступили тонкие белые нити.

— Не трогай рукой, — сказала Люси.

Я и без того отступил. Нити медленно вытянулись из надреза и легли на железо крюка. Я поднял его. Корень потянулся следом, хотя должен был остаться зажатым в щели между камнями.

Бренн шагнул ближе. Люси остановила его за локоть.

— Позови управляющего. И того мальчика.

Крюк я положил на край водосборника. Нити не отпустили железо. На сухом камне они задвигались медленнее, но продолжали ползти к деревянной рукояти.

Управляющий пришёл недовольный. Посмотрел из-за моего плеча и велел обрубить корень.

— Вы для этого здесь и стоите.

— Мы для желобов, — ответила Люси. — Это надо показать Сетти.

— За лекарем из-за дерева?

Я опустил конец крюка в воду. Белая прядь затянула на нём петлю. Управляющий перестал говорить.

Люси дала мальчишке монету, назвала улицу и объяснила, как найти калитку Сетти. Я добавил, что лекарю нужно сказать про шесть закопанных сосудов и корни, которые хватают железо. Мальчик повторил адрес и побежал.

Мы отошли за мостик. Женщина закрыла оранжерею и вынесла во двор только сумку. Люси сама проверила, не остался ли кто-нибудь за сараем. Управляющий хотел отправить братьев закончить работу на нижней грядке, но она указала на землю: тонкий чёрный отросток уже вышел между двумя плитами у их ног.

— Там те же корни. Пусть сначала посмотрит человек, который в этом понимает.

Сетти пришёл, запыхавшись от подъёма, с сумкой через плечо. Мальчишка тащил за ним свёрток полотна. Лекарь выслушал нас, попросил показать, где стоят сосуды, и долго смотрел на сток, не приближая пальцы к белым нитям.

— Что это? — спросил управляющий.

— Пока не знаю. Когда закопали?

Братья ответили. Сетти спросил, вскрывали ли сосуды, попадало ли содержимое на кожу, не кружилась ли голова после работы. Кайр покачал головой. Бренн показал зажившую царапину на ладони и сказал, что порезался о край плиты, ещё до ям.

Лекарь не стал объявлять, что царапина ни при чём. Осмотрел её, велел обоим держаться рядом, потом взял садовые щипцы и вытянул из воды короткую отделившуюся нить. Она обвилась вокруг конца щипцов.

— Жаровня ещё горит? — спросил он.

Женщина кивнула из-под арки. По его просьбе я вынес жаровню из оранжереи и поставил на дорожке возле мостика. Сетти сунул конец щипцов в угли. Нить свернулась и почернела. Когда он поднял щипцы, обуглившийся остаток отвалился на камень.

— Работу прекращаем, — сказал он. — Ничего здесь не рубить и не вытаскивать. Нужны городские служители, ограждение и люди, которые смогут взять землю на исследование.

— У меня вода не идёт, — возразил управляющий.

— Я вижу.

Сетти повернулся к мальчишке и объяснил, кого позвать с ближайшего поста. Люси пошла к арке за щитом. Я раздвинул ветви, ещё сужавшие проход к водосборнику: лекарю приходилось переступать через них с открытой сумкой в руках.

Кайр посмотрел на пустую тачку под деревом. За её колесом лежала лопата.

— Заберу, и всё. За неё с нас ещё вычтут.

— Оставь, — сказал Сетти.

Кайр уже шагнул на землю. От края дорожки до лопаты было всего три или четыре шага.

* * *

Он наклонился, взял черенок и дёрнул. Лопата не поднялась. Кайр упёрся ногой возле колеса, потянул сильнее — и вдруг сел на землю, выронив черенок.

Я увидел чёрную петлю на его голени. Она выходила из-под тачки. Вторая, тоньше, скользнула поверх ботинка и затянулась под коленом.

— Кайр!

Бренн прыгнул с дорожки раньше, чем Сетти успел его удержать. Схватил брата под мышки и потащил назад. Кайр помогал свободной ногой, сминая каблуком рыхлую землю. Тачка сдвинулась к ним на пол-оборота колеса.

Я выхватил меч. Между мной и братьями лежала толстая обрезанная ветвь; я зацепился носком, удержался за борт водосборника и ногой столкнул её в сторону. Люси бежала от арки, на ходу продевая левую руку под ремень щита.

— Не в землю! — крикнул Сетти. — С камня!

Я остановился на краю дорожки. До петли у Кайровой ноги не хватало длины клинка. Бренн пятился ко мне; из земли под его ступнёй вышли белые волокна и легли на щиколотку. Он наступил другой ногой, пытаясь стряхнуть их. Первая осталась на месте.

— Бренн, дай руку!

Он отпустил брата одной рукой и потянулся ко мне. Я перехватил его запястье левой рукой, отступил, упёрся пяткой в камень. Меч отвёл в сторону, чтобы не задеть Люси. Кайр закричал. На его голени натянулась ткань; под ней что-то двигалось вверх, к бедру.

— Стой! — Бренн вцепился в мой рукав. — Ты ему ногу оторвёшь!

Я перестал тянуть. Люси встала слева от меня, прикрыла щитом наши руки и рубанула коротким мечом по тонкому корню возле Бренновой стопы. Клинок прошёл насквозь. Белые нити остались на коже, а чёрный конец отпрянул под тачку.

— Назад, — сказала она. — По одному. Кайр, держись за него.

Кайр поднял голову. Борода была в земле, рот открыт. Он нашёл рукой братов пояс и сжал так, что костяшки побелели.

Я потянул Бренна к дорожке. Люси поддела кромкой щита корень, державший Кайра, приподняла его над землёй и ударила второй раз. Из среза брызнул мутный сок. Тонкую петлю под коленом она перерубила следующим ударом. Кайр освободился и всем весом навалился на брата.

Мы с Люси протащили братьев последние шаги до дорожки. Я чувствовал, как тянет правое бедро, и старался отступать коротко, не выворачивая ногу. Бренн упал коленями на камень. Кайр оказался рядом с ним, поперёк дорожки.

— К воде! — крикнул Сетти.

Он уже стоял у жаровни с длинной садовой мотыгой. На её железной части горела тряпица, смоченная маслом из небольшой бутылки. Лекарь опустил огонь к волокнам, выползавшим между плитами. Они съёжились. Из-под камня тут же вытянулись новые.

Я перехватил Бренна под правой рукой. Левая у него не сгибалась: от запястья к локтю проступили тонкие бугры. Он попытался подняться и посмотрел на собственную ладонь так, будто не понял, почему она его не слушается.

— Ногу на камень. Вот сюда, — сказал я. — На меня обопрись.

За спиной глухо ударило дерево. Кайр поднялся на четвереньки и врезался плечом в щит Люси. Она удержала его, поставив левую ногу назад.

— Лежи! Сейчас вытащим!

Кайр повернул голову к брату.

— Бренн.

Я услышал имя отчётливо. Бренн тоже услышал и рванулся обратно. Мне пришлось прижать его к себе, чтобы он не свалился с края дорожки.

По шее Кайра двигалась белая полоса. Она показалась из-под воротника, скрылась за ухом. Он поднялся, не убирая рук со щита. Люси отступила на шаг. Пальцы Кайра скользнули по ободу и сомкнулись на её правом предплечье.

Она выдернула руку. Рукав остался в его кулаке. На открытой коже выступила мокрая светлая полоса — там, где он её держал.

Кайр пошёл за нами.

Люси ударила щитом в его грудь. Он качнулся, наступил на собственный вывернутый ботинок и снова выпрямился. Из разорванной штанины свисали обрубки корней; на срезах шевелились белые волокна.

Поперёк пути к воде поднялся чёрный отросток. Я прижал Бренна к своему левому плечу, подождал, пока корень выгнется над камнем, и рубанул свободной рукой. Клинок прошёл наискось. Отсечённый конец хлестнул по воде; белые волокна на срезе вытянулись следом за железом. Я дёрнул меч к себе и отвёл его подальше от Бренна.

Я опустил Бренна на бортик водосборника. До мостика оставалось несколько шагов. Между нами и ним стояла тачка с плитами; её успели отодвинуть от решётки, но проход всё ещё был слишком узким для двоих. Я сунул меч в ножны, обеими руками навалился на ручки и сдвинул тачку к воде. Колесо застряло в шве. Пришлось приподнять его. Правую ногу пронзило знакомой болью, я выдохнул сквозь зубы и толкнул ещё раз. Тачка повернулась, освободив дорожку.

Сетти провёл огнём по камню за моими пятками. Я снова подхватил Бренна. Он дрожал и всё повторял братово имя.

— Смотри на мостик, — сказал я. — Дойдём до досок.

За нами Люси коротко вскрикнула. Я обернулся.

Её правая кисть покраснела от запястья до основания большого пальца. Она держала меч, сжав зубы; пальцы понемногу раскрывались. На щите появилась трещина от края к середине.

Кайр вцепился обеими руками в обод и давил сверху, навалившись грудью. Люси опустилась на одно колено, чтобы щит не выкрутил ей плечо.

— Сетти!

Лекарь шагнул к ней, прижёг волокна у Кайрового ботинка. Тот дёрнулся всем телом. Люси вывернулась из-под щита, но не смогла освободить левую руку: ремень перекосился и затянулся на предплечье.

Я не мог выпустить Бренна. Ноги у него уже подгибались; левая ступня волочилась по камню. Меч оставался в ножнах, зажатый между нами. Я попытался развернуться так, чтобы закрыть его собой.

Кайр отпустил щит. Люси качнулась назад. Он потянулся мимо неё, ухватил Бренна за ворот и дёрнул к себе. Ткань затянулась на горле. Бренн захрипел. Я подставил ладонь под ворот, рванул вниз, но не смог ослабить хватку.

На пальцах Кайра разошлась кожа. Белые нити скользнули по рубахе к братовой шее.

Люси подняла правую руку. Первый толчок меча остановился о его предплечье: Кайр отвёл локоть, и клинок скользнул по синему рукаву. Она переступила ближе, упёрла сломанный щит ему под плечо и снова подала меч вперёд, снизу, под рёбра.

Кайр выдохнул мне в лицо. Пальцы на вороте ослабли. Я выдернул Бренна из его руки и отступил.

Люси удерживала рукоять обеими руками. Щит повис на левом ремне. Кайр согнулся над ней, колени подломились; она опустила его на дорожку вместе с клинком. Потом отняла руки и села рядом, всё ещё глядя ему в лицо.

— Люси, уходи! — сказал Сетти.

Она не поднялась. Лекарь встал между ней и деревом, опустил горящую мотыгу на белые волокна возле её сапога.

— Люси!

Она вздрогнула и посмотрела на Бренна.

Я добрался до мостика. Доски под нами прогнулись, и я на мгновение остановился, боясь, что сейчас провалимся оба. С той стороны появился управляющий. За ним шли женщина из оранжереи и двое городских служителей; мальчишка успел их привести.

— Держите его! — крикнул я.

Один из служителей подхватил Бренна за здоровое плечо. Второй расстелил на дорожке принесённый холст. Мы уложили Бренна, и только тогда я смог выпрямиться. Правое бедро дрожало; под ладонью рубаха была мокрой от пота.

Сетти подвёл Люси к мостику. В её левой руке болталась половина щита, правая висела вдоль тела. Меч остался возле Кайра. Она оглянулась.

— Потом, — сказал лекарь. — Иди.

Он перешёл последним. Огонь на мотыге уже догорал. Служитель выдернул лёгкий мостик за дальний край и сдвинул в сторону. Под ним была вода и гладкий каменный желоб; несколько белых нитей свесились с противоположного борта, не достигая нашего.

В проходе под аркой Сетти разрезал Бреннов рукав. Я увидел кожу, натянутую над толстыми светлыми жгутами. Один шёл вдоль внутренней стороны локтя и уходил выше, под рубаху.

Бренн повернул голову.

— Кайр где?

Никто не ответил сразу. Люси опёрлась плечом о стену и закрыла глаза.

Сетти проверил Бренново дыхание, накрыл руку чистым полотном и велел нести его в лечебницу. Я взял край холста. Служитель посмотрел, как я стою, и заменил меня. Мне оставили лекарскую сумку. Второй служитель помог Люси снять сломанный щит и положил его на скамью под аркой, прежде чем взяться за другой край холста.

* * *

В лечебнице холст переложили на узкую кровать. Сетти попросил горячую воду, ножницы и человека, который будет следить за дыханием Бренна, пока он занимается рукой. Я поставил сумку, отошёл к стене и только там обнаружил, что продолжаю сжимать её ремень.

Люси усадили возле окна. Лекарь промыл ей кисть, убрал прилипшую ткань и осмотрел ожог. Она терпела молча, глядя на кровать.

Сетти положил её правую руку на сложенное полотно. Одной ладонью придержал предплечье, другую остановил над ожогом и негромко произнёс несколько слов. На последнем растянул гласную, пока между пальцами не проступил золотистый свет. Я уже видел его, когда он лечил моё бедро.

Свечение легло на повреждённую кожу. Припухлость возле большого пальца начала спадать; Люси перестала стискивать зубы. Сетти повторил заклинание, на этот раз короче. Мокрая красная полоса сузилась, покрылась тонкой розовой кожей. Он попросил согнуть пальцы. Люси осторожно сжала их и разжала, удивлённо посмотрела на ладонь.

— Лучше?

— Уже не жжёт.

— Кожу восстановил. В глубине ещё повреждение, на сгибе чувствуешь?

Она попробовала повернуть кисть и поморщилась.

— Чувствую.

Сетти наложил лёгкую повязку.

— Завтра продолжим. Сегодня этой рукой не работай и меч не трогай.

Когда он вернулся к Бренну, она попыталась расстегнуть левой рукой верхнюю пряжку нагрудника. Ремешок не выходил из узкой петли. Я помог. Она поблагодарила, не поднимая головы.

Сетти работал с другим лекарем, пожилым мужчиной в полотняном фартуке. Они убрали то, что ещё лежало поверх кожи, но к волокнам у локтя подошли иначе. Когда Сетти чуть приподнял одно щипцами, из небольшого надреза сразу пошла кровь. Второй лекарь прижал полотно. Сетти отпустил волокно, положил пальцы по обе стороны пореза и начал заклинание.

Кровь перестала пропитывать ткань. Я успел обрадоваться, но под золотистым светом белый жгут стал толще. Возле него приподнялись ещё два. Сетти оборвал слова, убрал ладонь и попросил помощника снова прижать рану.

— Вместе с сосудом растёт и это, — сказал он. — Полное сращение пока не делаем.

Он сменил положение пальцев и произнёс другую формулу, медленнее, с паузой после каждого слова. Свечение осталось у самого края пореза. Когда полотно осторожно сняли, кровь уже не текла. Белые жгуты не исчезли.

Мне прежде казалось, что лекарь либо может исцелить человека, либо не может. Теперь я видел, как Сетти останавливается после каждого короткого действия и проверяет, что оно сделало с Бренном.

Бренн пришёл в себя, когда меняли воду. Спросил, где брат. Сетти назвал его по имени, дождался, пока он посмотрит на него, и сказал, что Кайр умер.

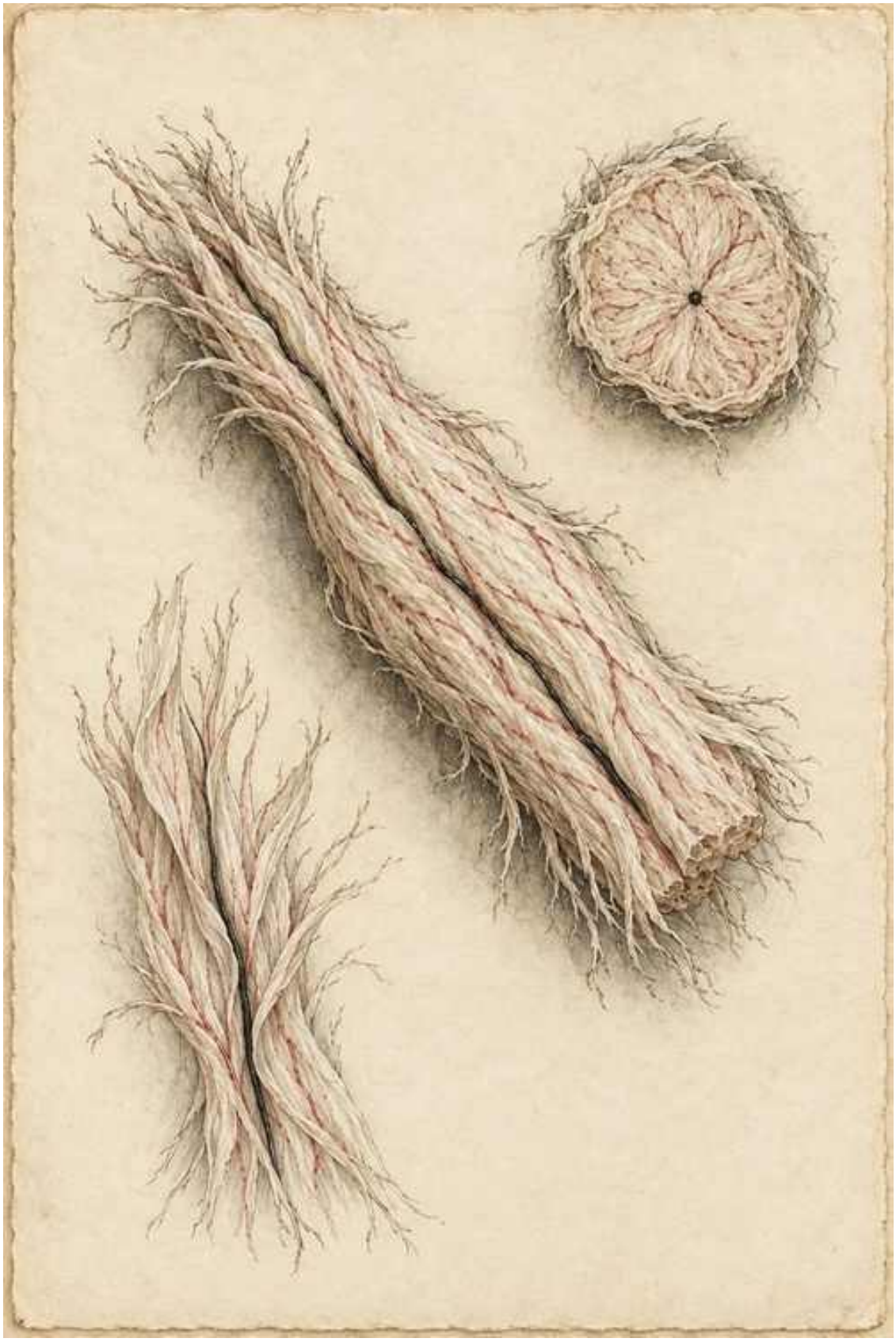
Бренн несколько раз моргнул.

— Он передо мной шёл.

— Я знаю.

— Я его держал.

Сетти остался у кровати. Мы с Люси вышли в коридор.

Под вечер пришёл Ягель. О случившемся ему рассказал мальчишка из сада: тот прибежал в «Грифон» искать знакомых Люси. Ягель принёс хлеб, сыр и плащи, которые забрал у садовых ворот. Элоиза шла следом, быстро, не успев как следует завязать волосы.

Она остановилась перед дочерью, посмотрела на повязку и обняла её за плечи. Люси сначала стояла неподвижно, потом уткнулась лицом в материнскую шею. Я отошёл к окну и взял у Ягеля свёрток с едой.

— Ты как? — спросил он.

— Нога тянет. Не разошлось вроде.

— Пусть посмотрят, пока ты здесь.

Сетти действительно осмотрел её позже. Шрамы остались закрытыми, но мышца болела после нагрузки. Он прижал ладонь к бедру и негромко выговорил знакомое окончание заклинания. Тепло прошло в глубину; судорожное напряжение отпустило, и я смог распрямить ногу. Сетти убрал руку и вытер лоб. На следующий день он всё равно велел обойтись без подъёмов с грузом.

— Бренн? — спросил я.

Лекарь остался.

— То, что вошло под кожу, держится за сосуды. Местами я уже не различаю, где кончается одно и начинается другое. Если вырезать всё сейчас, он истечёт кровью. А при обычном исцелении волокна тоже растут. Ты видел.

— Остановить можешь?

— Поддерживаю дыхание, останавливаю кровь. Пробую отделить эти волокна от его тканей, чтобы можно было убрать их и залечить рану. Пока не получается.

Он вернулся в палату. Я сел на лавку возле Люси. Элоиза принесла ей воду. Некоторое время мы слышали только шаги за дверью и скрип колеса: по коридору везли тележку с чистым бельём.

Ночью у Бренна остались два лекаря. Сетти снова повторял формулу; второй считал вдохи и менял полотно. Нас попросили уйти, чтобы не загромождали проход. Элоиза повела Люси домой. Ягель шёл рядом со мной и на крутых спусках подавал руку. На улице уже зажгли фонари; возле булочной человек спорил, почему вчера за ту же монету хлеб был тяжелее.

В «Грифоне» Арнольд снял для нас котелок с края плиты. Я съел половину миски и заставил себя доесть остальное. Ягель дождался, пока я поднимусь по лестнице, потом вышел к своей повозке.

Перед сном я вынул меч. На клинке засохла светлая корка. Я не стал соскребать её голыми пальцами: завернул оружие вместе с ножнами в старое полотно и положил отдельно от сумки. Обломок наставника остался в своём чехле. До утра я несколько раз просыпался от ощущения, что опять держу Бренна и не могу освободить руку.

* * *

Сетти встретил нас у лечебницы вскоре после рассвета.

— Ночь пережил. Дышит сам.

Люси придерживала перевязанную кисть здоровой рукой. Ягель, который пришёл с нами, спросил, что нужно принести.

— Пока полотно есть. Найдите его мать. Он назвал деревню и дом возле старого карьера. Не стоит ждать, пока станет хуже.

Я повторил то, что братья рассказали за хлебом. Бренн подтвердил название деревни, когда нас ненадолго пустили к нему. Он лежал с открытыми глазами. Левая рука была закрыта повязкой до плеча; под краем на шее виднелась тонкая светлая полоска. Бренн попросил сказать матери, чтобы шла не пешком.

Ягель пообещал отправить верхового. Люси стояла у изножья. Бренн посмотрел на неё, на перевязанную руку, потом отвернулся к стене. Она ничего не сказала.

Сетти проводил нас до двери.

— Два дня дороги, — сказал Ягель. — Верхом быстрее, если переправа открыта. Я заплачу и за место для неё на обратном пути.

— Скажите, что сын тяжело болен. И про Кайра скажите сразу, — попросил лекарь. — Не отправляйте её сюда с надеждой увидеть обоих.

Ягель кивнул и пошёл к двору почтовых возчиков. Мы с Люси остались на скамье у стены лечебницы. Я положил на колени завёрнутый меч. Сетти велел оставить его служителям для очистки вместе с одеждой из сада; они должны были выйти через заднюю дверь.

Люси долго смотрела на свою левую ладонь. Там остались красные полосы от щитового ремня.

— Я убила Кайра?

Я ответил не сразу. Она подняла глаза.

— Арден.

— Да.

Люси сжала губы. Я слышал, как во дворе набирают воду: цепь скрежетала по краю колодца.

— Я ведь могла ударить его по руке.

— Ты задела предплечье. Кайр отвёл руку, но Бренна не выпустил. Я не мог разжать его пальцы.

— Ты видел, куда я попала?

— Видел.

Она закрыла лицо здоровой рукой.

— Не говори, что там уже никого не было. Он Бренна позвал.

— Я тоже слышал.

Мне хотелось найти объяснение, после которого она сможет встать со скамьи и перестанет смотреть на повязку. Я не знал такого объяснения.

— Я не мог достать меч, — сказал я. — Бренн падал. Когда ты ударила, Кайр выпустил его. Мы успели донести его до мостика.

— А Кайр остался там.

— Да.

Мы сидели, пока из задней двери не вышел служитель с деревянным ящиком. Я отдал ему свёрток и спросил о саде. У ворот поставили караул. Кайра вынесли уже после нашего ухода; дерево пока не трогали. Вокруг шести мест, где братья закопали сосуды, поставили колья. Служитель записал моё имя для возврата меча, затем имя Люси: её оружие тоже нашли и забрали.

По дороге домой она попросила зайти позже за щитом.

— Он сломан, — сказал я.

— Я знаю. Там ещё моя перевязь. И перчатки в кармане плаща? Ты не смотрел?

Я проверил принесённый Ягелем плащ. Перчаток не было.

— На скамье оставила, — сказала Люси. — Если пойдёшь, забери. Я сегодня туда не хочу.

— Заберу.

В трактире было шумно: привезли муку, и мешки ставили прямо у кухонной двери. Элоиза отвела нас к свободному столу в дальнем углу. Перед Люси поставила тёплую воду и спросила, не тесно ли наложена повязка.

— Сетти утром проверил.

— Ты почти не спала.

— Знаю.

Элоиза села рядом. Некоторое время она молчала, разглядывая лицо дочери, потом сказала:

— Не надо было подходить к нему второй раз. Когда он уже держал брата…

Люси подняла голову.

Я не помнил, чтобы вчера кто-нибудь рассказывал Элоизе именно это. Ягель знал только, что произошло нападение и один из братьев погиб.

— Мама. Ты сейчас что делаешь?

Элоиза отвела глаза.

— Я хотела понять, что с тобой.

Люси отодвинулась. Задняя ножка стула стукнула о стену.

— Ты вошла?

— Только коснулась. Ты всё время возвращаешься к одному и тому же, я почувствовала…

— Я спрашиваю, ты полезла ко мне в голову?

Элоиза посмотрела на меня, потом снова на дочь.

— Да.

Я убрал руки со стола. Элоиза не произнесла ни одного слова заклинания. Не заметил я и жеста; даже теперь, после её признания, не мог понять, когда она успела коснуться чужих мыслей. Люси отодвигалась от матери так, будто та всё ещё держала её за больную руку.

— Без спроса, — сказала она.

— Я испугалась за тебя.

— Я тоже испугалась. Это не значит, что можно.

У кухонной двери Арнольд попросил работников поднять мешок вдвоём. Один засмеялся. Элоиза вздрогнула от этого смеха.

— Прости. Я не должна была.

Люси встала.

— Больше так не делай.

— Люси…

— Сейчас я не буду с тобой говорить.

Она ушла по лестнице, придерживая правую руку. Элоиза осталась у стола. Я хотел сказать что-нибудь про вчерашний день, но хозяйка первой покачала головой.

— Не надо её уговаривать.

Я кивнул. Допил остывшую воду и отнёс кружку на кухню.

* * *

До сада я дошёл медленно, выбирая улицы без крутых лестниц. У маленьких ворот стоял городской служитель. Он сверил моё имя с записью, выслушал, зачем я пришёл, и проводил только до двора.

Под аркой поперёк прохода натянули верёвку. С той стороны были видны водосборник и край старого ореха. У ствола лежало несколько длинных шестов. На землю я не сходил.

Перчатки и перевязь сложили на скамье. Там же лежал расколотый щит. Две доски разошлись у середины, кожаный ремень вытянулся; на внутренней стороне остались вмятины от Люсиной руки. Служитель сказал, что всё очистили и можно забрать. Мечи ещё держали отдельно, их обещали вернуть через лечебницу после осмотра Сетти.

Управляющий вышел из сторожки, когда я связывал половины щита.

— За инструмент расписались? — спросил он.

— За щит. И пришёл получить плату за вчерашнее. Мою и Люси.

Он посмотрел на проход под аркой.

— Работа не закончена. Вода перекрыта. Дорожку разобрали, дерево повредили. Я ещё не знаю, во сколько это обойдётся Веллерам.

— Дорожку у сарая мы расчистили. Решётку освободили наполовину. Потом из неё полезли корни.

— Я платил за работающий полив.

— За него вы обещали прибавить по два. За день — по восемь.

Управляющий снял с жилета прилипшую нитку.

— Целого дня не было.

Служитель стоял возле скамьи и не вмешивался. Я положил щит, чтобы не держать его на весу.

— Посчитайте до того часа, когда Сетти остановил работу. При вас. Мы после этого остались, потому что братья не могли выйти. За их спасение я счёт вам не выставляю.

— И не можете. Вы сами взялись.

— За выполненную работу можете заплатить вы. Или запишите сейчас, сколько признаёте, а с остальным разберёмся при свидетелях. Здесь была женщина из оранжереи.

Он долго смотрел на меня. Я не знал, пойдёт ли она спорить с управляющим, от которого зависел её заработок. Однако проходы оставались расчищенными, а куча вынесенных ветвей лежала за воротами. Этого он не мог не видеть.

Управляющий ушёл в сторожку. Вернулся с восемью медяками.

— По половине дня. Четыре вам, четыре ей. Никакой прибавки.

Я пересчитал деньги и попросил запись. Он принёс клочок бумаги, указал сумму и работу. Внизу я добавил, что получил за себя и Люси. Служитель проследил, как я поставил имя, и отдал мне копию, которую управляющий сделал с заметной неохотой.

— А братьям? — спросил я.

— С ними будем считать отдельно.

— Одного из них больше нет.

Он опустил взгляд на кошель.

— С родственниками, значит.

Я убрал монеты. Спорить за Бренна без его записей и без знания, о чём они договаривались, я сейчас не мог. Спросил только, записаны ли шесть сосудов в перечне работ.

— Это не ваше дело.

Служитель поднял голову.

— Это уже спросили. Передадите записи, как велено.

Управляющий повернулся к нему, но ничего не ответил. Я взял щит и пошёл к воротам.

В «Грифоне» Люси сидела у окна в своей комнате. Дверь была открыта. На коленях лежал блокнот, которым она пользовалась для рабочих записей; перевязанная рука покоилась на сложенном полотенце.

Я поставил щит у стены, положил перчатки, бумагу и четыре монеты на стол. Она прочла запись.

— Всю плату не отдал?

— Только за половину дня. Прибавку — нет.

— Я потом ещё спрошу. Когда смогу спокойно.

Она взяла левую перчатку, разгладила большим пальцем складку и положила обратно.

— В архиве нужны люди раскладывать связки по номерам. Я узнавала на прошлой неделе. Завтра зайду, если Сетти разрешит. Левой рукой справлюсь.

— А Бернар?

— Попрошу подождать с занятиями. Со щитом тоже. Пока кисть не заживёт, я никуда с оружием не пойду.

Я кивнул. Она посмотрела на меня внимательнее.

— Ты из-за денег туда пошёл? Сегодня.

— И за твоими вещами. Ты просила.

— Спасибо.

Я рассказал, что меч вернут через лечебницу. Про разговор с Элоизой она не спросила. Я тоже его не начинал.

К вечеру вернулся Ягель. Гонца он отправил ещё до полудня. Дал ему деньги на дорогу и на место в повозке для Бренновой матери, велел повторить название деревни и вручил короткое письмо, которое под его диктовку написал Арнольд.

— Всё сказал? — спросил я.

— Всё. И что торопиться надо, и про Кайра.

Он сложил расписку гонца и спрятал за обшлаг. Мы сидели у повозки. Орлуша жевал сено, время от времени толкая мордой край борта.

— К завтрашнему вечеру доберётся?

— До деревни — должен. Обратно с ней так быстро не выйдет. Он напишет, с какой повозкой поедут, и передаст с попутными.

Ягель посмотрел на мой пояс без меча, потом на правую ногу.

— Иди поешь. Я только Орлуше воды принесу и тоже зайду.

За ужином Арнольд поставил на стол горшок с тушёной репой. Люси спустилась позже, села с другой стороны от меня. Элоиза принесла ей ложку и осталась на расстоянии шага.

— Мясо порезать?

Люси посмотрела на неё.

— Да. Пожалуйста.

Элоиза взяла тарелку. Вернула, поставила рядом хлеб и ушла к стойке. Разговор не возобновился.

Поев, Ягель задержался у стойки. Элоиза положила перед ним почерневшую семнадцатую ложку и тряпицу с порошком. Он посмотрел на тёмный край, засучил рукав и принялся тереть. Элоиза забрала опустевшие миски.

Во дворе разгружали позднюю телегу. Кто-то звал конюха, на лестнице спорили о потерянном ключе. Я ел и прислушивался к двери, хотя знал: если из лечебницы пришлют за нами, стук услышат и без меня.

Перед сном я проверил Кусаку. Он потянулся к решётке, понюхал воздух и перестал двигаться. Я не стал открывать корзину. Постоял у окна сарая, пока во дворе Ягель расстилал постель под пологом, потом поднялся наверх.

На столе я оставил четыре медяка: утром нужно было снова идти к Бренну.

Глава 11. Мара Тилль

Ночью прошёл дождь. Я услышал его ещё до рассвета, когда вода застучала по наружному подоконнику, а утром во дворе уже вычерпывали лужу перед кухонной дверью. Ягель подставил под край полога таз. Пока я умывался, таз наполнился, и Ягель вылил воду на сапоги Арнольду.

Не нарочно. Арнольд, однако, долго объяснял, как мало его утешает эта подробность.

К завтраку они помирились. Ягель сел у окна, отломил хлеба и потянулся за ложкой. Элоиза поставила перед ним отдельную — ту самую, с тёмным краем. После вчерашней чистки пятно стало меньше.

— Уже шестнадцать с половиной, — сказал Ягель.

— Семнадцать. Продолжишь вечером.

— В своём трактире я заведу деревянные.

— И будешь вырезать новые каждый раз, как испортишь старые, — отозвался Арнольд.

Ягель посмотрел на него поверх миски.

— Ты ко мне поваром не пойдёшь. Слишком много считаешь.

Люси спустилась, когда я доедал. Вместо нагрудника на ней была свободная рубаха; правую кисть она держала поверх стола. Элоиза спросила, налить ли ей воды, дождалась ответа и только потом взяла кувшин. Обе говорили тихо. Я достал четыре медяка, отложенные для Бренна, и переложил из одного кармана в другой: первый промок у умывальника.

В дверь постучали, хотя она была открыта.

На пороге стояла невысокая женщина в мокром платке. Шаль обвисла на плечах; подол тёмной юбки прилип к башмакам. Одной рукой она прижимала к груди сложенную бумагу, другую держала под краем шали. Арнольд предложил пройти, но женщина сначала посмотрела на наши лица.

— Арден здесь?

Я поднял руку.

— Мне сказали, вы были в саду Веллеров. Вынесли оттуда живого.

— Мы с Люси. И Сетти помогал.

Женщина перевела взгляд на Люсину повязку, затем снова на меня.

— Мара Тилль. У меня сын там работал. Эдрик. Он домой не вернулся.

Арнольд подвинул стул. Мара села на самый край и сразу принялась разглаживать бумагу, хотя та ещё оставалась сложенной. Кожа на костяшках её пальцев растрескалась; в трещинах белело что-то похожее на мыло.

— Когда вы его видели в последний раз? — спросила Люси.

— Девять дней назад. Перед вечерним колоколом. Он за сухой рубахой пришёл. Сказал, завтра ещё разгрузка будет, потом рассчитаются. До сада пешком далеко, поэтому оставался у Гаррена, возле внешней стены. Они вместе нанимались.

Она развернула лист. Внизу стояла подпись десятника Браннека Вейра. Я прочитал ответ дважды: оснований для розыска нет, работник мог уйти добровольно.

— Вы говорили, что он обещал вернуться?

— Говорила. И что зимняя куртка у меня осталась. И деньги, которые он на жильё откладывал. Вейр сказал: взрослый человек имеет право переехать без разрешения матери.

Мара посмотрела на меня, ожидая возражения. Я не знал Эдрика. Мог только спросить, проверяла ли она его комнату.

— Хозяйка пустила. Постель убрана, сапоги запасные под ней. Гаррен тоже не пришёл. Я оставила слово в прачечной: он туда бельё носит. Ждала. Потом про ваш сад услышала.

— Мы видели двух братьев, — сказал я. — Кайра и Бренна. Других работников там не было, кроме женщины из оранжереи и мальчика.

— Рыжие?

Я кивнул.

— Эдрик тёмный. Худой. У него левый мизинец согнут на конце, до конца не распрямляется. С крыши упал, когда мальчишкой был. Спрятал от меня, пока боль не прошла. Скажет, что мешает, только если шнурок завязать не получается.

Она вынула из-под шали маленький медный образок на оборванном шнуре. На нём было вытиснено крыло, край которого кто-то надкусил.

— В детстве проверял, золотой ли. Отец сказал, золото мягкое. Вот он и проверил.

Мара чуть качнула головой. На мгновение лицо у неё стало другим: она как будто увидела мальчика с медью во рту и снова собиралась отругать.

— Это он мне чинить оставил. В тот вечер шнурок порвался. Я новый нашла, а продеть не успела.

Я осторожно взял образок. В углублениях темнела зелень, подвесное ушко истёрлось. Мара проследила, как я поворачиваю его к окну.

— Пусть у вас будет. Покажете, если найдёте. Он узнает.

— А что он ещё носил? — спросила Люси.

Мара назвала тёмный жилет, серую рубаху и сапоги с разными заплатами. Потом рассказала, что сын смеётся носом, когда старается не перебить собеседника, и ставит хлеб на самый край стола. Она сама остановилась.

— Простите. По хлебу его не найдёшь.

— Всё равно расскажите, — сказала Люси.

Я положил медь на ладонь. Бренн вчера просил не отправлять мать пешком. Этот человек оставил дома куртку и ждал, что ему починят шнурок. Я мог представить его входящим в эту дверь, хотя лица ещё не знал.

— Сегодня спрошу у людей из сада, — сказал я. — Потом найду, куда ходил Гаррен. И с этим листом пойдём ещё раз, если вы согласны.

Мара накрыла бумагу рукой.

— Вы будете искать?

— Да.

— Мне не надо сейчас говорить, что он вернётся.

Я кивнул. Она убрала ладонь с листа, и я впервые заметил, как сильно у неё дрожат пальцы.

* * *

До приёмной мы зашли в лечебницу. Мара осталась в передней; я объяснил, что хотел оставить денег на чистое полотно для Бренна, и отдал служителю четыре медяка. Люси прошла к Сетти.

Бренн не спал. На подушке за его головой лежало свёрнутое одеяло, чтобы ему было легче дышать. Левая рука оставалась под повязкой. Он спросил про гонца прежде, чем я успел поздороваться.

— Вчера выехал, — ответил я. — Сегодня должен добраться. Ягель заплатил за обратную дорогу для твоей матери.

Бренн закрыл глаза.

— Она чужих лошадей боится.

— Поедет в повозке. Гонец знает.

Он подумал, потом попросил воды. Я придержал кружку, пока он пил маленькими глотками. На вопрос об Эдрике Бренн ответил не сразу. Вспомнил худого работника, который помогал принимать груз, но дня назвать не смог.

— Ещё до той беды ушёл. Кайр с ним про оплату говорил.

Бренн посмотрел на дверь. Я поставил кружку и не стал спрашивать дальше.

У окна Сетти снял с Люси повязку. Розовая кожа уже не мокла. Он подложил под запястье свою ладонь, негромко произнёс заклинание и провёл большим пальцем над местом ожога. Свет держался под кожей, словно её подсветили снизу. Люси осторожно повернула кисть, затем согнула пальцы. На этот раз лицо у неё не дрогнуло.

— Так свободно?

— Да.

— Теперь вот так.

При другом движении она остановилась. Сетти повторил последние слова, дождался, пока уйдёт свечение, и попросил попробовать снова. Стало легче. Повязку он вернул тонкую, только чтобы новая кожа не тёрлась о рукав.

— Бумаги перебирать можно. Тяжёлые связки не поднимай. С мечом ещё подождёшь.

— Сколько?

— Несколько дней. Потом покажешь руку. Она заживает хорошо.

Служитель принёс наши клинки. Ножны моего пахли мылом и чем-то горьким; на стали светлой корки больше не было. Сетти сказал, что оружие очистили и осмотрели. Люси взяла свой меч левой рукой за середину ножен, не собираясь надевать пояс.

— Отнесу домой, потом в архив, — сказала она. — К вечеру расскажешь, что узнал?

Я пообещал. Она попрощалась с Марой, придержала для нас дверь и пошла вниз, выбирая край улицы, где было меньше луж.

У приёмщика жалоб пришлось ждать возле печи. Мара сушила платок, не снимая его с головы. Когда нас позвали, я положил перед писцом ответ Вейра и попросил записать, что за прошедшие дни Эдрик не вернулся, а на месте его работы погиб человек и ещё один попал в лечебницу.

— Вы родственник?

— Свидетель того, что было в саду. Родственница здесь.

Писец стал задавать вопросы Маре. Она отвечала чётко, только один раз сбилась на дате. Я дождался, пока он закончит, и попросил прочитать запись вслух. В строке о последнем известном месте работы не оказалось имени Веллеров. Писец добавил его после того, как Мара повторила, куда сын уходил.

Нам дали номер заявления и назвали день, когда можно спрашивать о ходе поиска. Дата была через три дня.

На крыльце Мара вложила новый лист в прежний и несколько раз прогладила сгиб.

— Я в прачечную должна, — сказала она. — Вчера за меня две корзины оставили.

— Я зайду вечером. Даже если ничего не узнаю.

Она объяснила дорогу и ушла, придерживая шаль у горла. Бумага осталась у неё. Медный образок лежал в боковом кармане моей сумки, завёрнутый в чистый лоскут.

* * *

У сада караул уже сменился. Я назвал своё имя, показал оставшуюся со вчерашнего дня запись об оплате и попросил позвать женщину из оранжереи. Стражник сказал ждать снаружи. Через несколько минут она вышла с корзиной, в которой побрякивали глиняные горшки.

Звали её Нэрра. Она несла домой горшки, которые не успела забрать в день нападения; в сад её пускали только через верхний двор, по каменным ступеням. Оранжерею со стороны ореха заперли.

— Эдрика помните? — спросил я.

— Который с Гарреном? Конечно. Он мне зимой стекло держал, пока раму меняли. Вечно без рукавиц. Где взялся теперь?

Я сказал, что его ищет мать. Нэрра перестала поправлять ручку корзины.

— Думала, ушёл с расчётом. Они за мешки спорили, я ещё слышала. Эдрик говорил, что ему за переноску обещали, а не жить здесь.

Она не знала, с кем он спорил: из оранжереи были слышны голоса, но двери во двор не видно. Когда это случилось, вспомнила по доставке угля. Получалось за два дня до последнего прихода Эдрика домой.

— А Гаррен?

— Вчера был. Два длинных ящика из верхней кладовой вывез. Накрыл вощёной тканью, ремнями стянул. Помощника просил, но у меня мальчик к тому времени домой ушёл.

— Куда вывез?

— К соляным. Сказал, управляющий велел освободить кладовую, пока служители всё не опечатали. Нижний склад, у старого водосброса. Там под навесом место есть.

Я посмотрел на закрытые ворота. Вчера управляющий говорил со мной о плате, будто ничего, кроме расчёта за полдня, уже не происходило.

— Вы в ящики заглядывали?

— Нет. Крышки уже были прибиты. Но те шесть горшков, что под деревом закопаны, при мне никто не выкапывал. Они там и остались.

Нэрра показала через решётку на дальнюю часть сада, хотя за стеной не было видно ни дерева, ни ограждения. Я поблагодарил её и спросил, где искать Гаррена. Она назвала ту же прачечную, что Мара.

До склада я сначала дошёл сам. Нижний ряд стоял вдоль воды; к стенам прилипла соль, побелевшая на стыках камня. Под навесом тянулись рельсы для небольших грузовых тележек. Железный путь уходил к широкому люку, закрытому двумя створками. Внизу, сквозь решётку сброса, шумела вода.

Привратник не знал, кто вчера привозил ящики. Посоветовал спрашивать у старшего грузчиков, но тот со сменой ушёл на другой причал и появиться обещал только завтра. Потом привратник попросил не загораживать проезд. Я отошёл. Из склада вышли двое с мешком на носилках; один отсчитывал шаги на незнакомом мне языке, второй отзывался на радайском. Через открытую дверь я увидел только штабеля и край спускавшейся под землю лестницы.

Идти туда вслед за носильщиками я не стал. Вернулся в прачечную и оставил для Гаррена короткую записку: меня зовут Арден, я был в саду, мать Эдрика просит помочь найти сына; поговорить можно в «Старом грифоне».

Мара работала у дальнего корыта. Вода дымилась у неё под локтями. Я дождался, пока она расправит на доске тяжёлую рубаху, и рассказал всё, что узнал. Про содержимое ящиков мне сказать было нечего.

— Гаррен мог просто работу делать, — произнесла она.

— Мог. Поэтому и хочу спросить его самого.

— Если он придёт сюда, я передам.

Она взяла следующую рубаху. Я остался ещё на минуту: помог поднять полную корзину на край стола, подставив здоровую ногу ближе к опоре. Мара велела не мочить рукав. На выходе я оглянулся. Она уже спорила с другой прачкой о потерявшейся завязке; руки продолжали работать, пока они говорили.

* * *

Люси вернулась перед ужином. На левом указательном пальце у неё расплылось чернильное пятно. Правой рукой она удерживала у груди лёгкую папку, не сгибая кисть до конца.

Я рассказал о складе. Она раскрыла папку, достала список, с которым работала днём, и нашла название нижнего ряда.

— Эти помещения есть в описи водного хозяйства. Я сегодня как раз раскладывала старые перечни. Сами склады у купцов, проход под ними обслуживает город. Зайдём завтра к смотрителю, спросим.

— Можно попасть через грузовой люк?

— На верхнюю площадку — с разрешения владельца. Ниже идёт служебный ход. Кто попало его открывать не должен: там воду спускают по часам. Я уточню, у кого ключи и кто знает дорогу.

Она перевернула лист. На обороте неровными буквами были записаны два номера.

— А это тебе. Пришёл ответ на твой старый запрос. Смотритель разрешил выдать две книги из перевезённого собрания. Одну уже нашли, вторую ещё ищут. Завтра первую принесут в читальную.

Я взял лист осторожнее, чем было нужно. Несколько недель назад я бы решил, что теперь в книге обязательно окажется нужное имя. После описи, синего сукна и одинаковых печатей на разных связках я уже не был в этом уверен. Всё равно перечитал номер и уточнил, с какого часа открывают.

— После утреннего колокола, — ответила Люси. — Арден, я не смотрела, что там внутри. Только разрешение видела.

— Знаю. Спасибо.

Мы договорились прийти утром. Я хотел успеть к Бернару и поговорить о соляном складе с людьми, которым уже случалось работать под городом. Люси сказала, что сначала спросит смотрителя о доступе.

После ужина я вышел к Ягелю. Он сидел у открытого борта повозки и чинил пряжку. Под пологом уже была расстелена его постель; на подушке лежал лоскут кожи для заплаты. Я переложил его на ступеньку и сел рядом. У моего правого сапога разошёлся шов. Я стянул его и поставил ногу в носке на сухую доску над мостовой.

— Кожу не потеряй, — сказал Ягель.

— Она у тебя на подушке лежала.

— Потому и не потерялась.

Я рассказал о Маре, Гаррене и люке. Ягель дослушал, затянул нить и проверил пряжку пальцами. Потом спросил:

— Где вода выходит?

— Под решёткой, со стороны реки. Дальше я не видел.

— А второй выход?

— Я ещё никуда не спускался.

— Вот и не соглашайся, пока не покажут.

Мне вдруг стало досадно. С утра я ходил по городу, добился записи в книге, узнал про два ящика — и всё равно не знал, где Эдрик. Теперь Ягель предлагал ещё до спуска искать людей,

которые знали подземный ход. Я понимал, зачем это нужно, но боялся потерять очередной день.

— У Мары сын девять дней не приходит, Ягель. Если там есть ход из сада…

— Если есть, его сперва надо найти сверху. И спросить человека, который по нему ходил.

— А если такого нет?

Ягель положил пряжку на борт.

— Тогда выяснить, чем крепить проход и как вас оттуда вытаскивать, если завалит вход. Не лезть наугад.

Он говорил негромко. От этого я разозлился сильнее, хотя понимал: он не сказал ничего неверного.

— Ты уже второй день смотришь на меня так, будто я ночью один туда уйду.

— Я всякий раз вспоминаю, как уже ходил людей из-под земли вытаскивать. Потому и пристаю к тебе с вопросами.

Ягель провёл ладонью по лицу, зацепил пальцами бороду и некоторое время молчал. Во дворе закрыли ворота. Орлуша стукнул копытом; конюх отозвался ему из сарая.

— В Лотских штольнях я был, — сказал Ягель. — Двадцать три года назад. Брат со мной. После обвала трое копателей не вышли, мы пошли с другими искать.

Я перестал крутить в руках сапог.

— Подпорки у дальней стены корнями затянуло. Я сначала подумал, вода древесину раздула. Потом корень шевельнулся. На нём лежал человек, живой ещё. Рукой нам показывал, чтобы подошли.

Ягель посмотрел на свои пальцы.

— Брат ногу ему освободил. Тонкий корень обмотал рукоять ножа вместе с двумя его пальцами. Он вместо того, чтобы сразу нож бросить, к себе потянул — петля затянулась. Корень втянул нож и пальцы в щель под упавшей плитой, а кисть упёрлась в край. До петли топором уже не достать. Я подсунул топорище под камень, попробовал приподнять — плита не поддалась. Брату уже выворачивало кисть. Пришлось отрубить оба зажатых пальца у самого края плиты.

Он сказал это без паузы, будто если бы остановился, дальше уже не смог бы говорить.

— Корень утащил нож и отрубленные пальцы глубже под плиту. Я схватил брата за ворот и дёрнул назад. Он пытался встать, а ноги скользили по мокрому камню. Другой мужик подхватил нас обоих. Потом я долго не мог вспомнить, как мы до лестницы дошли.

— Брат выжил?

— Выжил. Лекарь кровь остановил, ладонь закрыл. Повреждённое срастил, а пальцы заново вырастить не умел. Я брату тогда сказал, что главное — руку сохранили. Он послал меня на хуй.

Ягель криво улыбнулся. Я слышал, как он дышит через нос.

— Вы тех людей вытащили?

— Одного. Остальных после нашли. Я вниз больше не ходил. Мне возле лестницы велели брата держать, пока перевязывают. Так и сидел.

Он потянулся за пряжкой, но оставил её на месте.

— Я не знаю, то же ли это у Веллеров. По твоим словам похоже. Только и тогда я не узнал, откуда оно взялось. Штольни потом залили. Через полгода новый хозяин откачал воду, снова людей нанял. Брат об этом узнал уже много позже. Три дня ругался так, что жена детей на улицу отправляла.

— Он женился после этого?

— Через два года. Троих вырастили.

— А работал где?

— У бочара. Сперва обручи клепал, потом своим двором обзавёлся. Зажим под руку переделал, чтобы клёпку держать. Младший ему теперь помогает, только они каждый день спорят, кто неправильно дерево сушит.

Ягель забрал у меня сапог, примерил заплату к разошедшемуся шву и положил его рядом с постелью.

— В кости проиграет — до сих пор говорит, я удачу вместе с пальцами отрубил. Выиграет — никакого меня не помнит.

Я засмеялся. Ягель тоже, совсем коротко. Потом мы оба посмотрели на двор.

— Почему вчера не рассказал? — спросил я.

— Ты из лечебницы пришёл. Есть толком не мог. Я решил, расскажу позже. А сегодня ты заговорил о ходе под складом, и я опять вспомнил ту лестницу.

Он повернулся ко мне.

— Мне страшно, Арден. Я могу у входа стоять, верёвку держать, людей позвать. Но если ты с кем-то идёшь под землю, договорись заранее: увидели, что не пройти, — возвращаетесь. Чтобы никто там не объяснял тебе, сколько уже заплачено.

Я опустил глаза. Сапог оставил на ладони светлую полоску старого воска.

— Сначала посмотрим вход, — сказал я. — Узнаем про воду. И кто с нами пойдёт. Я не стану обещать, что найду Эдрика именно там.

— Ей ты что обещал?

— Искать. И приходить, даже когда сказать нечего.

Ягель кивнул.

— Тогда приходи. И к ней, и обратно.

Он поднял пряжку и показал мне, где держать ремень. Я придержал, пока он протягивал нить. С первого раза она не пошла; Ягель попросил шило, и ещё некоторое время мы занимались только кожей и тугим отверстием возле края. Потом Ягель зашил мой сапог и вернул его. Я натянул сапог на озябшую ногу, стараясь не потянуть свежий шов.

* * *

В сарае Кусака тёрся стеблем о решётку. Я перенёс корзину с окна на рабочий стол и сел рядом. Открыл крышку, поднёс щипцами мясо, но он отвёл бутон. Усик вытянулся к моей руке и отступил, когда я попробовал подцепить его палочкой.

— Да что тебе нужно? Вчера ел, сегодня не хочешь.

Я уже собирался закрыть корзину, когда в дверях остановилась Элоиза с лампой.

— Снизу посмотри.

Под горшком стояла вода. Ночью дождь забило в щель под окном; промокшая плетёнка была холодной на ощупь. Я вынул клинышки, осторожно поднял горшок и слил поддон. Кусака перестал скрести крышку, но стебель держал напряжённым. Когда я потянулся к торчавшему из нижнего отверстия корешку, он щёлкнул зубами.

— Оставь корень, — сказала Элоиза. — Он тебя останавливает.

— Я хотел освободить, чтобы не прищемить. Как ему объяснить?

Она поставила лампу на свободный край того же стола и села напротив меня, рядом с корзиной.

— Можно попробовать дать вам услышать друг друга. Не придётся каждый раз угадывать по зубам.

Я посмотрел на неё. Вспомнил Люси, отодвинувшуюся от стола, и убрал руку с горшка.

— Вы и мои мысли будете слушать?

Элоиза не стала делать вид, будто не поняла вопроса.

— Чтобы установить связь, мне нужно будет коснуться твоего разума. Сначала спрошу его, хочет ли он того же. Потом вы сможете обращаться друг к другу сами. Только тем, что захотите сказать. Остальные мысли останутся при вас.

— А если я передумаю?

— Скажешь, и я остановлюсь.

Она ждала. Из кухни её позвал Арнольд; Элоиза ответила, что придёт чуть позже. Я посмотрел на влажный бутон. Всё это время мне было достаточно считать, что цветок сыт и не достаёт до пальцев. Сегодня я даже этого не угадал.

— Я согласен, — сказал я. — Если он тоже.

Элоиза протянула раскрытую ладонь, остановив её перед решёткой. Ничего не произнесла. Некоторое время Кусака оставался неподвижным, затем вытянул усик и коснулся её пальца. Она слегка улыбнулась.

— Хочет, чтобы ты перестал трогать корни. И хочет говорить тебе об этом сам.

Кусака повернулся ко мне. Я поставил горшок на сухую доску, оставив нижнее отверстие свободным. Элоиза попросила дать ей руку. Её пальцы были тёплыми; большой палец остановился у моего запястья. Другую ладонь она держала возле стебля. От огня в лампе на стену ложились три тени, и ничего в сарае больше не изменилось.

Потом у меня в голове кто-то сказал: *«Снизу мокро»*.

Я вскинул глаза на хозяйку.

— Это вы?

— Я молчала. Посмотри на него.

Бутон был повёрнут ко мне. Ни звука из него не выходило. Я слышал, как во дворе Ягель прибивает доску, но эти слова пришли совсем иначе: я не мог указать, откуда они звучат.

Первый разговор.

«Снизу больше не мокро», — подумал я, стараясь сказать это именно Кусаке.

Он медленно провёл усиком по краю горшка.

«Не режь».

— Не буду, — ответил я вслух. — Я хотел вынуть корень из дырки. Давай сперва поверну горшок, а ты уберёшь его сам.

Корешок втянулся не сразу. Я придержал горшок наклонённым, подождал и только потом вернул на доску. Элоиза уже отпустила мою руку.

«Так?» — спросил я мысленно.

«Так. Свет сюда».

Я подвинул лампу. Бутон отвернулся от горячего стекла.

«Другой. Который уходит».

— Ему солнце нужно, — догадался я.

— Теперь темно. Завтра переставишь, — сказала Элоиза. — И про дождь не забудь.

Я попробовал спросить у Кусаки, давно ли он живёт у Сетти. Ответа не получил. Когда спросил про мясо, он коснулся щипцов и сообщил, что это сейчас не нужно. Он понимал не всё, что занимало меня; я тоже пока едва разбирался в его желаниях. Но уже мог переспросить.

Ягель заглянул в сарай, увидел нас вокруг горшка и остановился.

— Опять кусается?

— Разговаривает.

— Со мной пока не разговаривал.

«Шуршит», — сообщил Кусака.

Я посмотрел на Ягелеву бороду и рассмеялся. Пришлось объяснять. Ягель пощупал бороду, потом сообщил, что в следующий раз за кормом цветок пойдёт сам, раз научился обсуждать хозяев повозки.

— Не обижайся, — сказал я. — Он ещё не знает, что такое борода.

«Знаю. Шуршит».

Элоиза попросила проверить, далеко ли мы слышим друг друга. Я оставил корзину у Ягеля и прошёл через кухню в зал. Через стену Кусака отвечал так же ясно. Я вернулся к корзине и от неё начал считать шаги: через двор, за ворота, дальше по переулку. Около пятидесятого ответ пропал. Позвал ещё два раза, затем повернул обратно; прежде чем дошёл до калитки, услышал сердитое: *«Ты куда?»*

— До водостока, — ответил я уже в сарае. — Дальше не слышал.

Элоиза кивнула.

— Это предел вашей связи. Из другого конца города не докричишься. Но меня для разговора больше не нужно.

Я думал спросить, что она теперь слышит от нас, и не решался. Она заметила, как я смотрю на её руку.

— Я больше не касаюсь ни тебя, ни его. Можешь спросить у меня, можешь не спрашивать. Самого вопроса я не знаю.

Я всё-таки спросил. Она повторила ответ, потом забрала лампу: Арнольд уже дважды звал её к счёту за муку. У кухонной двери Люси подала матери лист. Элоиза спросила, можно ли сесть рядом, и только после кивка придвинула стул. Разговор вчерашнего дня ещё оставался между ними; от того, что мне помогли, он не исчез.

Я закрепил горшок в сухой корзине и перенёс её к другому краю окна, куда не текло сверху. В уме промелькнуло, как глупо я выглядел, предлагая мясо вместо сухого поддона. Кусака ничего на это не ответил. Зато, когда я мысленно пожелал ему спокойной ночи, потребовал оставить решётку открытой.

— Внутреннюю заслонку оставлю, пока тепло. Саму крышку закрою, — сказал я. — Конюх утром сюда руками полезет.

Он потрогал усиком прут и убрал его. Я ещё немного постоял рядом. Потом Кусака свернул бутон и перестал отвечать; будить его ради новой попытки мне уже не хотелось.

* * *

Утром я успел в читальную до очереди. Книгу вынесли на плоской дощечке: нижний угол переплёта распух от давней сырости. В ней перечисляли имущество, перевезённое из старого Северного архива после оползня. Нужный знак стоял возле четырёх связок. Две оказались счетами на дрова и кровельное железо; у третьей был указан другой номер хранилища. Я переписал его вместе с датой. Четвёртая числилась утраченной при перевозке.

Имени наставника на этих страницах не было. Я заказал опись третьей связки и вышел, когда служитель начал менять на столах воду для мытья рук. Впервые у меня был номер нужного хранилища, а не только знак, который узнавали через раз.

Ягель ждал возле кузницы. Бернар взял мой меч, провёл пальцем по обмотке и спросил, как он послужил. Я ответил. Кузнец долго смотрел на сталь, затем положил оружие на верстак и попросил показать ножны на поясе.

— Ремень вытянулся, — сказал он. — Вот здесь пряжка съезжает. Когда обе руки заняты, ножны будут бить по колену.

Он сделал новое отверстие, добавил короткую кожаную петлю и велел пройти по двору. Я шагнул, присел, повернулся. Ножны остались у бедра. Бернар вернул мне меч. Я убрал его в ножны и попробовал вынуть, но рукоять зацепилась за край куртки.

— Теперь не дёргай клинок поперёк себя. Сначала открой ему место.

Я повторил. Бернар один раз поправил мне локоть и вернулся к работе. Ягель тем временем осматривал рабочие крюки на стене. Самый большой снял, взвесил на ладони и повесил обратно.

— Этим, если что, сам склад подтянешь, — заметил кузнец.

— Я цену ещё не видел.

Бернар назвал.

— За такую цену он должен сам за грузом ходить.

Мы выбрали простой короткий крюк без лишнего железа. Я заплатил за крепление ножен; крюк Ягель велел оставить до вечера. Покупать верёвку, не зная глубины и веса груза, он не собирался.

Люси нашла нас у выхода. На этот раз на ней не было ни меча, ни щита. Правую кисть прикрывал свободный рукав, и она уже не придерживала её левой рукой.

— Смотритель знает, кто ходит под складами, — сказала она. — Нола. Работает с водоводами. Её можно найти через «Синий кит».

Название Ягель узнал.

— А кто у них сейчас за людей отвечает?

— Рыцарь, который служит при дворе. Сейчас он работает через гильдию и ищет людей после неудачной разведки. В управлении сказали: если хотите про нижний ход узнать, идите к нему. Я велела передать, что придёт Арден из «Грифона», который был в саду.

— Людей обратно не вывел? — спросил Ягель.

— Не знаю подробностей. Смотритель при мне о них не говорил.

Ягель посмотрел на меня. Я помнил наш вчерашний разговор.

— Узнаем, — сказал я.

Люси назвала улицу. Сама она возвращалась к работе: до полудня нужно было разобрать связки, которые принесли из нижнего помещения. Я спросил, помочь ли донести папку. Она показала пустую левую руку и улыбнулась.

— Я её уже оставила. Скажи потом, что рыцарь ответил.

* * *

«Синий кит» оказался длинным домом с двором, выходившим к складскому переулку. Над воротами висела деревянная вывеска. С краски на брюхе кита стекала вчерашняя вода, а на хвосте сидел воробей и сердито дёргал клювом прилипшую нитку.

Внутри стучало дерево. Я сперва решил, что чинят телегу, но за навесом увидел двух бойцов с учебными клинками. Один был коротко стриженный, черноволосый, в потёртой тёмной кожаной куртке. Рукава были стянуты простыми наручами; ни лат, ни герба на нём не было. Учебный меч он держал в левой руке. Против него стояла фурсатка с узкими ушами и короткой серой шерстью у висков, как у Тевны. Длинная тёмная коса лежала у неё на плече. На левой руке у неё сидел маленький щит, правой она держала деревянный меч.

Мы остановились у стены, не заходя на утоптанную площадку.

— С того же удара, — сказал черноволосый. — Я начинаю, ты закрываешь плечо и выходишь мне под руку.

Черноволосый ударил справа налево, на уровне её плеча. Фурсатка приняла клинок краем щита, отвела и шагнула к его открывшемуся боку. Он успел отступить, но конец её меча всё-таки коснулся куртки. Оба разошлись без разговоров.

Перед следующим сближением она негромко произнесла три коротких слова. Воздух над щитом дрогнул. Когда мужчина снова ударил, дерево ещё не дошло до обода, а его клинок уже отбросило наружу. Фурсатка тут же подала свой меч ему под правую руку. Он согнул локоть, уходя от касания, и отступил на два шага.

Ягель перестал возиться с завязкой кошеля.

На третий раз мужчина показал удар сверху. Она подняла щит; он оборвал движение и ткнул снизу, в бедро. Фурсатка повернула корпус, отводя удар своим клинком, но сапог попал на мокрый край площадки. Она качнулась и размахнулась щитом, стараясь удержать равновесие.

Мужчина раскрыл правую ладонь. Между ними на миг появилась тусклая голубая плоскость. Щит глухо стукнул о неё и остановился возле его плеча. Ни слова я не услышал. Пока она возвращала ногу под себя, мужчина убрал защиту и коснулся концом деревянного меча её куртки под рёбрами. Сразу отвёл оружие.

— Скользко, — сказала фурсатка.

— Вижу. Ещё раз отсюда?

Она посмотрела на мокрую землю, встала на полшага правее и кивнула. На этот раз удержалась. Мужчина попробовал повторить обман, но она не подняла щит раньше времени и успела остановить нижний удар.

Я смотрел на её ноги. Теперь, когда первый порыв воздуха перестал удивлять глаз, было видно, сколько работы оставалось после заклинания. Щит нужно было вернуть к корпусу, клинок убрать с чужой линии, следить, чтобы при отступлении ноги не мешали друг другу. Один раз она слишком рано заговорила — и мужчина сблизился прежде, чем воздух успел дрогнуть. Она бросила формулу на середине и отбила его меч обычным движением руки.

— На сегодня хватит, — сказал он. — Левое плечо устало?

Фурсатка покрутила им, поморщилась и сняла щит.

— К вечеру пройдёт. Ты опять ногами запутал.

— Ты второй раз не подняла щит. Я заметил.

Она коротко улыбнулась, забрала оба учебных меча и отнесла под навес. Черноволосый вытер лицо полотенцем. На лбу у него пересекались старые светлые рубцы. Он заметил нас, глянул на мой пояс, затем на лицо и подошёл.

— Арден?

— Да. Мне сказали, здесь рыцарь из королевского двора.

— Рогорн, — представился он. — Служу при дворе. Сейчас разбираюсь с пропавшими людьми.

Ягель назвал себя. Рогорн кивнул, снял с крюка тёмный плащ и предложил войти.

В комнате за двором пахло кожей и горячим маслом. На столе лежали несколько листов, прижатых железной чашей. У окна стоял открытый шкаф с книгами и скрученными чертежами. Рогорн отодвинул чашу, расправил большой план и повернулся к нам.

— Люси передала, вы спрашивали о соляном складе. Мне нужен человек, который видел сад до того, как оттуда начали вывозить ящики. Поэтому я тоже хотел с вами поговорить. Что вам нужно?

Я поставил сумку возле стула. В боковом кармане тихо стукнул медный образок; я придержал его через ткань.

— Найти Эдрика Тилля. Его мать уже десять дней ждёт. Он работал у Веллеров, а после нападения из сада вывезли ящики на нижний склад. Я хочу понять, куда оттуда можно попасть.

Рогорн выслушал, не двигая пальцем по плану.

— А о моих людях вам что сказали?

— Что разведка не удалась.

Он придвинул нам стулья.

— Тогда начнём с этого.

Глава 12. Перечёркнутый пункт

Рогорн сел напротив нас. Стул под ним скрипнул, и он машинально подвинул его подальше от стены, чтобы не тёрся плащ.

— Из служебного прохода вернулся один Тарек. Остальные остались внизу. Где именно, я не знаю.

— Ты посылал? — спросил Ягель.

— Я.

— Сколько их было?

— Трое.

Рогорн расправил загнувшийся край плана. Возле северного конца складов чернел маленький прямоугольник, перечёркнутый двумя косыми линиями.

— Они входили здесь, через старую насосную. Проверяли путь до внутренней решётки. Дальше я им идти не велел. Тарек выбрался в ту же дверь уже после того, как мы начали искать возможность спуститься следом. Его увидел человек на лестнице.

— Остальных искали? — спросил я.

— Сразу. Ниже первого поворота стояла вода. Мы опустили багор, у дна он за что-то цеплялся. Двое пробовали пройти вдоль стены, их пришлось вытаскивать. С тех пор у насосной дежурят. Вода там ещё не ушла.

Я посмотрел на перечёркнутое место. Оно находилось выше по течению, чем склад, возле которого я стоял вчера.

— А Тарек что рассказал?

Рогорн потянул к себе железную чашу и переставил на другой угол, хотя лист уже не сворачивался.

— Что решётку закрыли у них за спиной. Кто — не сказал. Как прошёл обратно, объяснить не смог. Ещё просил снять пояс. У него живот был разорван, и он сам стянул края раны ремнём. Когда его подняли, пряжка ушла внутрь. Лекарю пришлось разрезать кожу, чтобы её достать.

За открытым окном кто-то громко позвал ученика. Тот ответил со двора, и Рогорн подождал, пока они договорят.

— Кровь остановили чарами. Привели ещё одного лекаря, который умеет работать с внутренними ранами. К вечеру Тарек узнал меня, попросил воды. Ночью умер.

Я вспомнил, как Бренн придерживал кружку здоровой рукой. Вчера утром, выходя из лечебницы, я оставил его живым и на несколько часов позволил себе думать, что самое страшное с ним уже случилось.

— Его семье сообщили?

— Сестре. Я был у неё вчера. Вещи отдал. Плату за выход выдали за всех троих; те, кто не вернулся, пока числятся пропавшими. Их доли оставлены семьям.

— Она тебя пустила?

Рогорн посмотрел на Ягеля.

— На порог. Этого хватило.

Он не стал рассказывать, что говорила сестра. Я был ему за это благодарен: мы пришли спрашивать о работе, а чужое горе не давало нам права выслушивать всё.

Ягель сдвинул стул. Я решил, что он сейчас предложит уйти, но он только освободил мне место перед планом.

— Покажи, откуда предлагаешь войти теперь.

Рогорн провёл пальцем вниз по чертежу, к знакомому мне ряду складов.

— Через грузовой люк. Там сухая площадка под настилом, а за ней ход вдоль сбросного канала. Я получил разрешение осмотреть верхнюю часть. Что осталось ниже, нужно проверить. Владелец уверяет, что проход пустует; позавчера туда привезли груз из сада. Поэтому я и хотел услышать тебя.

Я рассказал про Нэрру, два ящика и вощёную ткань. Про слова Гаррена тоже: управляющий велел освободить кладовую. Рогорн уточнил, видела ли Нэрра погрузку сама, затем спросил, как выглядели корни возле дерева. Я показал толщину самых мелких двумя пальцами.

— Они обхватывали ноги, — сказал я. — Один я перерубил мечом, когда нёс Бренна к воде. Из среза полезли белые нити, потянулись за клинком.

— Если увидишь такое внизу, близко не подходи. Нам нужно понять, что там, и выйти с ответом.

— Если там Эдрик?

— Если сможете вывести — выводите. Если для этого придётся ломать стену или драться с тем, чего вы не понимаете, возвращайтесь за людьми. Снаряжение для подъёма раненого я приготовлю здесь.

Ягель постучал ногтем по краю стола.

— А зачем тебе именно он? У вас во дворе люди умеют мечом работать.

— Арден видел сад изнутри. Может узнать то, мимо чего мой человек пройдёт. И у него есть причина искать Тилля, а не только проверять кладовую.

— Причина не сделает его сильнее.

— Не сделает. Поэтому один он не пойдёт.

Ягель оглянулся на двор, где ученики убирали щиты.

— При дворе людей мало? Почему ты через гильдию работаешь?

— Мне нужны те, кто знает нижние ходы. У дворцовых ворот они сами не появятся. А если я приеду к хозяину склада с караулом, говорить со мной будет поверенный, пока со двора убирают всё лишнее.

— И потому ходишь без знаков?

— Потому и хожу. Свидетелям проще говорить с человеком, который сел рядом. Они и без коронного герба боятся лишнее слово сказать.

Рогорн повернулся ко мне.

— Это предложение. Откажешься — я всё равно буду проверять склад. Твоих сведений уже достаточно, чтобы заняться им.

У меня немного отпустило плечи. Я не замечал, что сижу, подняв их почти к ушам. Мне не нужно было спасать ещё и всю эту работу своим согласием. Можно было встать, вернуться к Маре, сказать, что нашлись другие люди, и всё равно выполнить часть обещанного.

— Я хочу увидеть ход, — сказал я. — Но сначала нужно понять, как из него выходить.

Рогорн кивнул и позвал Нолу.

* * *

Она вошла с деревянным футляром под правой мышкой. Ей было около тридцати; короткие чёрные волосы ещё не высохли после улицы, на подбородке белел след старого ожога.

Левый рукав её куртки был сложен и закреплён у бока. Чтобы открыть футляр, Нола положила его на стол, прижала краем тела и большим пальцем сдвинула задвижку. Рогорн убрал чашу, освобождая место. Она выложила узкую дощечку с нанесёнными на неё отметками и собственный лист, заметно новее того, что лежал перед нами.

— Нола Вереск, — представилась она. — Ты вчера у соляных привратника расспрашивал?

— Я. Арден.

— Он подумал, что ты наниматься пришёл. Старший грузчиков тоже. Сказал, сегодня может взять на полдня.

Ягель коротко хмыкнул.

— Вот и готово. Ищем человека, получаем работу. Потом работаем, чтобы нас тоже начали искать.

Нола сняла мокрый шнурок с футляра и повесила сушиться на спинку стула.

— Гаррена там помнят. Я сегодня успела спросить. Два ящика приняли, дальше их увезли на тележке вниз. Привратник видел у ворот только крытую телегу. Гаррена опознали те, кто принимал ящики.

Она придвинула лист ко мне. На нём складской ряд был обведён целиком, а рядом с некоторыми дверями стояли даты.

— По водоводам я хожу для городского смотрителя. Под этим складом последний раз была зимой, до смены арендатора. Низкую галерею тогда ещё не запирали. От люка до неё около сорока шагов. Здесь вода уходит под пол. Здесь проход делится.

Нола показала место торцом дощечки. Я повернул план так, как смотрел на склад с улицы, и она без раздражения дождалась, пока я найду вчерашнюю дверь.

— Значит, лестница слева от люка ведёт на ту же площадку?

— Да. Только нижние ступени сняли. Лестница обрывается над площадкой, до пола по ней не спуститься. Груз опускают прямо через настил.

— Зачем ступени сняли?

— Грузчики сказали, нижнюю кладку разбило водой. Я в неё ещё не заглядывала.

У насосной на старом плане Рогорна была нарисована толстая поперечная черта. На Нолином листе рядом с ней значился второй затвор.

— Вход Тарека выше этой заслонки, — объяснила она. — Наш ниже. Там может стоять вода, а под соляным складом будет сухо. Но если заслонку поднимут, сюда пойдёт всё, что успело скопиться.

— Когда её поднимают?

— После второго дневного колокола. Завтра утром смотритель пообещал малый сброс до рассвета и полный после полудня. Я должна увидеть, что утренний закончился. По одному обещанию вас туда не поведу.

Ягель подвинул к себе дощечку с отметками.

— А если кто-то раньше захочет?

— У затвора будет человек от нас. Он увидит подъём и пошлёт вестового. Но прежде, чем тот добежит, вода уже окажется под складом. Поэтому этот выход знать нужно заранее.

Она указала на узкую ветвь, уходившую под соседнюю улицу.

— Старый подъём в пекарню. Я видела крышку зимой. Она находится выше нашего люка; вода туда добирается позже. На стене перед ответвлением три зарубки. Увидишь их — сворачивай к лестнице.

— Хозяин пекарни знает?

— Пока нет. После осмотра зайду к нему. И проверю с его стороны, можно ли открыть.

— Ты пойдёшь со мной?

— Если верхняя опора годится и утром вода спадёт. А ты можешь по верёвочной лестнице подняться? Мне сказали, тебя волк за ногу брал.

Я рассказал про бедро: рана закрылась, после сада мышца снова тянула, но по лестницам я ходил. Нола выслушала без попытки заглянуть под стол.

— На каменных ступенях вес иначе держишь. Проверим у люка. Если нога подведёт, я возьму другого.

Мне не понравилось, как легко она это сказала. Потом я посмотрел на её сложенный рукав и сообразил, что ей тоже придётся выбираться из прохода вместе со мной. Если нога подведёт внизу, я задержу нас обоих.

— Проверим, — согласился я.

— Опору надо показать Освину, — сказал я Рогорну. — Он ремонтирует подъёмники. Я с ним в Келлене работал, потом здесь встретил. Если крепление плохое, он скажет.

— Где его найти?

Я объяснил, на каком дворе видел мастера. Рогорн записал адрес на отдельном клочке и передал человеку из соседней комнаты. Просил назвать работу и плату за осмотр, чтобы Освин мог решить, оставлять ли свою.

Когда дверь закрылась, Нола собрала листы, но схему нижнего хода оставила передо мной.

— Схему дам с собой. Только не рассчитывай, что внизу всё осталось так, как я нарисовала зимой.

Я ещё раз провёл взглядом от грузового люка к пекарне. Вчера я хотел узнать, есть ли под складом дорога. Теперь дорога появилась, и мне уже не нравилось, сколько в ней мест, которых никто не видел после зимы.

* * *

Освин пришёл к складу прямо с работы, с тёмной полосой смазки на щеке. При нём была кожаная сумка с инструментами. Он поздоровался со мной, оглядел Ягеля и спросил, не мы ли опять сломали колесо.

— На этот раз чужое, — ответил Ягель. — И ещё не сломали.

— Уже лучше.

Рогорн представил ему Нолу. Старший грузчиков открыл створки люка, отступил и велел своему помощнику освободить проход. Из отверстия пахнуло холодом. Внизу блестела узкая полоса воды, а сбоку, под стеной, темнела каменная площадка. От неё влево уходила галерея; прямо под нами лежали две снятые ступени.

Нола опустилась на одно колено. Правой рукой взялась за неподвижный край настила, посмотрела вниз, затем попросила перенести лампу к другой створке. На мокром камне обнаружилась свежая полоса, выше зимней отметки на её дощечке.

Освин тем временем ощупывал брус над люком. Он прошёл вдоль него, проверил концы в стенах и попросил освободить верхнюю площадку от мешков. Я потянул ближайший, но мастер остановил меня:

— Пусть грузчики уберут. Ты сейчас ногой займёшься.

Через несколько минут короткая верёвочная лестница уже висела внутри люка. Я спустился всего на три перекладины. Пришлось держаться ближе к боковой верёвке: если тянуть себя сразу обеими руками, лестница уходила из-под ступней. Нола стояла наверху и смотрела, куда я ставлю правую ногу. На обратном пути бедро потянуло, но вес удержало. Я повторил подъём, теперь медленнее, и выбрался на настил без чужой руки.

— Болит? — спросила она.

— Тянет. Сильнее, чем на ступенях.

— Завтра скажешь, если станет хуже. До спуска.

Я кивнул, стараясь отдышаться так, чтобы этого не было слышно. Нола сделала вид, что не заметила. Стянула лестницу и сложила возле стены: до воды оставалось слишком мало места, чтобы испытывать её дальше.

Освин позвал Рогорна к поднятой верёвке подъёмника. Раздвинул пряди, и из них посыпалась серая труха.

— Снаружи просмолили, внутри сгнило. Мешки ещё держит. Человека на ней не повезу.
Старший грузчиков шагнул ближе.
— Мы вчера две полные тележки опустили.
— А я сегодня раздвинул верёвку. Новую ставьте.

Ягель взял конец, попробовал растереть его пальцами и выругался.

— Блядь, её только на растопку. И то вонять будет.

Рогорн спросил, сколько потребуется. Освин назвал длину, показал, какой толщины должна быть верёвка, и объяснил, где нужен второй блок. На подъём — один взрослый за раз, с вещами. Раненого можно уложить в подвесную сетку. Двоих вместе старая опора не выдержит, даже если сама верёвка останется целой.

— На каждый подъём четверых поставлю, — сказал Освин. — Двоих к лебёдке, одного принимать, ещё один на смену. К первому колоколу соберу. После проверки сразу начнёте, незачем до полудня возиться.

— Начнём, когда я разрешу, — сказала Нола.

Он повернулся к ней.

— Я этих людей на весь день не сниму. У них работа.

— А я не полезу под затвор, пока из него течёт. После ночного дождя воды больше. Смотритель обещал сбросить до рассвета, но наверху может принести ветки. Чистить будут дольше — мы спустимся позже. Или вовсе не спустимся.

Освин посмотрел в люк. Некоторое время слушал плеск, затем присел рядом с Нолой.

— Насколько поднимется?

Она показала свежую полосу на стене. До неё было почти в человеческий рост от нижней площадки.

— Тогда помощников возьму с оплатой за утро, — сказал Освин Рогорну. — Чтобы не бежали на другой двор, если придётся ждать. Нола скажет время, мы подстроимся.

Освин перечеркнул что-то на дощечке, которую вынул из сумки, и пересчитал стоимость. Рогорн согласился. На новую верёвку и блок деньги выдал сразу, осмотр оплатил отдельно.

Пока они договаривались о доставке, я отошёл к стене. Оттуда были видны река и край моста между крышами. Там двигались люди, слишком мелкие, чтобы различить лица. Я вдруг позавидовал человеку, которому сегодня нужно было только донести свою корзину на другой берег.

Ягель встал рядом.

— Передумал?

— Нет. Но уже не так спешу.

— Это мне нравится больше.

Он посмотрел на склад, где Освин объяснял грузчикам, куда убирать сгнившую верёвку, чтобы её не поставили обратно.

— Я останусь здесь. Орлушу привяжу на верхнем дворе, мешать не будет. Если вытянут кого-то, повезём к Сетти. Внизу от меня толку меньше.

— Я понял вчера.

— Хорошо. Не заставляй меня повторять.

Ягель отвернулся к реке и провёл ладонями по бороде. Разговор о брате был закончен; я не стал возвращать его туда ради ещё одного обещания.

* * *

К «Грифону» я пришёл уже после обеда. Люси сидела у кухонного окна и левой рукой отрывала хвостики у зелени. Правую положила на сухую тряпицу. Арнольд поставил перед ней ещё миску, посмотрел на меня и спросил, могу ли я заняться ножом, раз уж всё равно стою без дела.

Я сел. Он дал мне лук.

Люси выслушала рассказ о Тареке и больше не трогала зелень, пока я не закончил. Потом спросила, видел ли я Бренна сегодня. Я ответил, что ещё нет. Она утром заходила: он спал, Сетти не позволил будить. Гонец пока не вернулся.

— А ты к Ноле пойдёшь? — спросил я.

— В архив. Она попросила сравнить пропуска на нижний склад с учётом вывоза из сада. У неё есть разрешение смотреть записи. Меня туда пустят вместе со служителем.

— Рогорн тебе платит?

— За эту работу — да. С Элоизой договорились: вернусь до вечерней подачи. Здесь за меня постоянно Арнольд бегает.

— Постоянно, — подтвердил он от очага. — И с каждым разом старею.

Люси улыбнулась, но потом снова посмотрела на повязку.

— Я думала пойти с вами хотя бы до люка. Вроде бы рукой уже могу двигать. Потом попробовала поднять ведро. Хорошо, что не оторвала от пола.

Я отодвинул очищенную луковицу и взял следующую.

— Вчера у тебя уже меньше болело.

— И сегодня меньше. Поэтому и решила, что могу. Сетти сказал, кожа зажила быстрее, чем то, что под ней.

Она потянула к себе миску здоровой рукой.

— Я буду в архиве. Если работников выводили по разрешению, у кого-то должно быть записано, кто его дал. С этим я могу помочь сейчас.

— Сможешь посмотреть, не было ли имени Гаррена?

— Смогу. Но обещаю только посмотреть.

Я засмеялся; она тоже. Мне понравилось, что она не стала обещать больше лишь потому, что я пришёл встревоженный.

Элоиза заглянула в кухню, спросила Люси, когда её ждать, и предложила оставить еду. Дочь ответила: до вечернего колокола. Они договорились о ключе от боковой двери, и Элоиза ушла, не спрашивая, что именно мы обсуждали. Люси ещё некоторое время перебирала зелень, прежде чем подняла глаза на меня.

— Ты вечером зайдёшь к Маре?

— Да. Не знаю, что сказать про завтра.

— Скажи, куда идёшь. И что там ещё никто не видел её сына.

После кухни я зашёл в прачечную. Мара встретила меня у двери, держа в обеих руках выжатую рубаху. Я рассказал о спуске, о Ноле и людях наверху. Про Эдрика сказал отдельно: новых сведений о нём самом нет. Гаррен на записку не ответил.

— Я утром могу у склада быть, — сказала она.

Я представил её возле открытого люка. Каждое движение верёвки она будет принимать за возвращение сына, а мне придётся спускаться мимо неё, не зная даже, туда ли я иду.

— Мы можем весь день проверять крепление и не войти. Лучше ждите здесь. Как вернусь, приду к вам.

Она посмотрела на рубаху в своих руках.

— До какого времени?

— Если получится спуститься утром, к полудню уже должны выйти. Потом дойду сюда. Если что-то изменится, Ягель передаст.

Мара кивнула. Теперь она будет ждать меня к полудню и тревожиться, если я задержусь. Я пожалел, что назвал такой точный срок, не зная, что нас ждёт под складом. Но оставлять её вообще без срока тоже не хотел.

* * *

В «Синем ките» Нола уже вернулась из пекарни. Хозяин, Иво, пустил её в подвал и убрал мешки с крышки. Старая задвижка двигалась; завтра утром он обещал снова освободить это место.

— Ему туда муку привозят, — сказала Нола. — Я попросила хотя бы до полудня не заставлять. Он сердится, но согласился.

Она положила на стол короткий крюк Бернара. Ягель, пришедший чуть раньше меня, успел его забрать. На рукояти была просверлена дырка, сквозь которую он продел кожаную петлю.

— Петлю на запястье не надевай, — предупредила Нола. — К поясу привяжи так, чтобы быстро снять. У аварийного подъёма верхняя перекладина высоко, крюком удобно дотянуться до кольца под крышкой.

Я проверил хват и убрал крюк. Рогорн придвинул мне договор.

Один лист, исписанный с обеих сторон. Первые строки я прочитал быстро, потом вернулся к началу. Мне предлагалось проверить служебный путь от нижнего соляного склада, сообщить о найденных людях и, если возможно, помочь им выйти. Внизу стояла плата за выполненное поручение. Что считалось выполнением, я не понял.

— Если мы пройдём до развилки, найдём завал и вернёмся, — спросил я, — это выполненное поручение?

— Да, — ответил Рогорн.

— А если уйдём из-за воды, прежде чем доберёмся до неё?

— Тогда вы правильно уйдёте из-за воды.

— А заплатят нам за что?

Ягель перестал крутить монету на столе. Рогорн взял перо.

— Двенадцать медяков каждому за выход. Ещё двенадцать, если проверите путь до развилки и сможете сказать, что дальше. За каждого человека, которого выведете живым, по восемь вам обоим. Расходы на помощь раненому беру отдельно.

— По восемь на каждого из нас или на двоих?

— На каждого.

— Тогда напиши. И что двенадцать за выход остаются, даже если Нола велит вернуться.

Рогорн внёс суммы. Я прочитал следующую строку и положил лист ровнее.

Всё найденное в пределах порученного участка переходило в собственность гильдии.

В моей сумке, в отдельном чехле, лежал обломок наставникова клинка. Он был моей вещью, я принёс его сам. Но если бы когда-нибудь нашёл вторую часть под этим складом, по такой строке она уже принадлежала бы человеку за столом. Мне даже не понадобилось знать, сколько за неё заплатят.

— Это убираем, — сказал я.

Рогорн прочитал то место, на котором лежал мой палец.

— В старых ходах остаётся имущество. Инструмент, деньги, груз. Обычно долю за находки назначают отдельно.

— Здесь никакой доли нет. Здесь написано: всё.

— Ты идёшь искать Тилля или склад обирать?

Я почувствовал, как нагрелось лицо. Ягель чуть повернулся ко мне, но не вмешался.

— У меня убили наставника. Часть его вещей я нашёл. Остальных ищу. Если там окажется что-то его, я не собираюсь отдавать это вам лишь потому, что вы дали мне верёвку.

Я не доставал ни обломка, ни полоски ткани. Рогорну было достаточно того, что я сказал.

— А если вещь чужая?

— Вернём владельцу, если найдём его. Бумаги о пропавших покажем. Ты же можешь написать именно это.

Рогорн некоторое время смотрел на строку.

— Могу, — сказал он. — Перо возьми.

Я провёл черту через весь пункт. Чернила зацепились за шероховатость бумаги; последнее слово пришлось перечеркнуть ещё раз.

Рядом Рогорн вписал, что находки объявляются после выхода, вещи с известным владельцем возвращаются ему, а бумаги, нужные для розыска, передаются на проверку с записью, у кого они останутся. Права гильдии забирать всё подряд больше не было.

Я дочитал лист до конца. Нола наклонилась ближе и указала на строку о завершении выхода.

— Добавь, что разворачиваемся по требованию любого из нас. Если Арден увидит то, что было в саду, мне незачем заставлять его доказывать это на месте.

Рогорн дописал и это. Потом спросил, осталось ли что-нибудь ещё.

— Почему ты сам наверху? — сказал я.

Он положил перо.

— Потому что, если придётся вытаскивать вас, кто-то должен иметь право снять людей с другого поста, открыть двор и отправить за лекарями. В прошлый раз, пока я добрался от насосной до управителя, служитель ждал разрешения выдать вторую лестницу. Теперь разрешение и лестница уже здесь. У затвора будет мой человек. Я останусь между ним и этим складом.

— А если вниз понадобится больше людей?

— Пойду с ними. После того, как узнаю, куда. Этот спуск нужен, чтобы нас не пришлось вытаскивать по одному из неизвестной дыры.

Я снова посмотрел на план. Рогорн видел, как я медлю, и не подталкивал лист к моей руке.

В саду я тоже сначала думал, что нужно только посмотреть на повреждённый полив. Теперь под землёй могло оказаться что угодно. Я не знал, смогу ли помочь, но знал, почему хочу туда пойти: Мара всё ещё ждала сына, а по этому пути вывезли груз с места, где едва не погиб Бренн. Рогорн продолжил бы поиски и без меня. Я всё-таки хотел быть там: после сада мне было трудно ждать чужого рассказа о том, кого успели спасти.

Я подписал договор. Нола расписалась ниже, удерживая лист правым предплечьем. Рогорн заверил наши исправления и попросил переписать второй экземпляр. Пока писец работал, мы сверили время: утром собираемся у склада; ниже площадки идём только после осмотра воды. Если к полудню не вернёмся, люди наверху начинают искать нас и у люка, и у пекарни. Ждать полного дневного сброса никто не станет.

Когда принесли копию, я сравнил обе стороны. Вычеркнутый пункт в неё не переписывали. Мы расписались под новыми условиями ещё раз. Один лист Рогорн убрал в шкаф, второй отдал мне.

Во дворе уже зажигали лампы. Ягель вытащил у меня из сумки крюк, обмотал железный конец ветошью и вернул обратно: тот цеплялся за ткань кармана, в котором лежал Марин образок.

— Теперь хоть сумку не продырявишь, — сказал он.

— Заботишься о товаре?

— О медяках, которые потом заплатишь за починку. Ты их ещё не заработал, а уже пристроил.

За воротами он пошёл рядом со мной. До «Грифона» было недалеко; из открытых окон пахло ужином, на мокрой мостовой скрипели колёса. Дома я оставил Марин образок при себе. Утром он должен был пойти со мной.

Кусаку я нашёл у сухого края окна. На этот раз не стал сразу предлагать корм.

«Завтра меня долго не будет. Люси переставит тебя к солнцу».

Он повернул бутон к моей руке. *«Ты понесёшь?»*

«Завтра не могу. Я пойду под землю, там вода».

Кусака подобрал нижние усики. Я объяснил, что горшок останется здесь, и попросил не хватать Люси за рукав. Он согласился, но потребовал, чтобы она бралась за корзину. Я передал ей просьбу, когда вернулся в кухню. Люси посмотрела на меня, потом на щипцы, которые я всё ещё держал в руке, и сказала, что прежде ей редко приходилось договариваться с чужим цветком.

— Ему тоже, — ответил я. — Он пока не знает, что я чужой.

Глава 13. Под соляными складами

Утром Ягель встретил меня у ворот с краюхой хлеба. Сам он уже ел вторую и, пока я затягивал пояс, следил, чтобы я не убрал свою в сумку.

— Внизу завтракать не станешь. Ешь сейчас.

Я откусил. Хлеб ещё был тёплым; Люси передала его через кухню вместе с просьбой зайти после возвращения. Вчера в архиве ей дали только книгу поступлений. Чтобы проверить выход людей со склада, требовался другой перечень, за которым служитель обещал сходить утром.

Ягель поправил ремень у меня на плече.

— Крюк?

— Здесь.

— А ложка?

Я посмотрел на него.

— Свою взял. Зачем она мне под складом?

— Вернёшься — обедать будешь. Надо, чтобы и после работы у человека было дело.

Он сказал это, глядя на застёжку. Я дожевал хлеб. Из сарая пришло короткое: *«Вернёшься?»*

«Вернусь. Люси сейчас вынесет тебя во двор».

Я дождался её у задней двери, помог переставить корзину на сухую скамью и только тогда пошёл к Орлуше. Кусака держал бутон раскрытым в сторону просвета между крышами. За поворотом его голос уже не доходил до меня.

У грузового люка пахло свежей пенькой. Освин стоял на верхней балке и протягивал верёвку через новый блок. Внизу двое его помощников придерживали подвесную сетку, третий крутил лебёдку, четвёртый убирал с настила обрезки старой снасти. Никто не торопил Нолу. Она лежала на животе у отверстия, опираясь правым локтем на доску, и смотрела, как вода уходит с нижней площадки.

Рогорн подвёл к нам женщину с убранными в тугой узел волосами. На её тёмном рукаве белела полоса мела; маленькие песочные часы она держала за деревянную перемычку, а под мышкой прижимала книгу.

— Тара Кельм. Она будет знать, кто спустился и кто поднялся.

Тара назвала наши имена, дождалась ответа каждого и сверила их с листом. Потом показала на дверь в соседний двор.

— Я здесь, у Освина. Если выйдете через пекарню, передайте сюда. В «Ките» утром вас никто ждать не будет.

Ягель спросил, где взять вторые часы, и устроился с ними на ящике. Повозка стояла у ворот, развёрнутая к улице. От этого пустого места на ней, приготовленного для раненого, я старался отводить глаза.

Нола поднялась, вытерла правую ладонь о штанину и позвала меня к краю. Нижний камень больше не блестел. В канале сбоку вода ещё текла, но под прежней отметкой.

— Можно. До развилки идём вместе. Дальше без меня не сворачиваешь.

Мне выдали маленький фонарь в медной оправе. Внутри вместо фитиля лежал белый камень. Рогорн накрыл его пальцами; когда убрал руку, камень светился. Ни слова я от него не услышал.

— До вечера хватит, если не расколешь, — сказал он. — В воде не гаснет.

Нола свой такой же фонарь закрепила на ремне у груди. Я попробовал повторить и обнаружил, что застёжка попадает точно под ремень сумки. Освин, спустившийся с балки, молча переставил её на ладонь ниже.

Первой опустили Нолу. Она села в сетку, правой рукой держалась за боковой канат и на площадке сама освободилась от петли. Я спустился следом по верёвочной лестнице. Новая пенька резала ладони; последнюю перекладину пришлось нащупать носком. Бедро потянуло, когда я переносил вес, но через два шага по камню отпустило.

Сверху спросили, всё ли в порядке. Я поднял руку. Освин велел не снимать лестницу с крюка: она останется здесь до нашего возвращения.

Нола подождала, пока я огляжусь.

Над нами чернел прямоугольник люка. Под ним лежали две снятые ступени; по краям у них сохранились ровные следы инструмента. Каменная лестница у стены обрывалась выше моей головы. От площадки налево тянулся проход, вдоль правого края которого бежал узкий поток. Мы пошли по сухой полосе возле стены.

Голоса наверху перестали различаться почти сразу. Ещё немного — и остались только наши шаги, шорох куртки Нолы и вода под каменным сводом.

* * *

Я думал, под соляным складом будет пахнуть солью. Пахло мокрым деревом, стоялой водой и чем-то сладким, неприятным, что я сначала принял за сгнивший лук. Белые корки на стенах осыпались от прикосновения. Местами в них виднелись широкие потёртости на высоте человеческого плеча.

— Здесь носили мешки? — спросил я.

— Носили. И катили.

Нола остановилась у поперечного шва в полу. В глине, набившейся между плитами, отпечатались два колеса. Один след был ровным, во втором через одинаковые промежутки повторялась глубокая выемка.

Я снял фонарь и опустил ниже. Нола присела, упёрлась правой ладонью в колено, потом показала пальцем место, где колесо раздавило соляную корку.

— После последней большой воды, — сказала она. — Иначе края уже расплылись бы.

Рядом шли следы сапог. На одном повороте носки смотрели к складу, а каблуки были смазаны длинными полосами: человек пятился, таща что-то за собой. Позади оставались две неровные борозды, шире колёсных. На выступе зацепилась нитка.

Я посветил дальше. Борозды пересекали колею и уходили под низкую арку.

— Может, мешок волокли.

— Может.

Нола не стала соглашаться со мной из вежливости. Она посмотрела на стену, где белая корка была сбита двумя параллельными полосами, и пошла дальше.

Я вернул фонарь на грудной ремень. Под аркой пришлось пригнуться. Канал здесь уходил под плиты; над водой оставалась только низкая перемычка, потемневшая от прежних затоплений. На ней лежал клочок соломы. Я переступил через него и заметил, как близко под подошвой плещется вода.

За аркой проход расширялся. Направо уходила служебная галерея, а слева начинался более высокий ход с тремя зарубками на стене. Нола провела по ним пальцем.

— К пекарне. Запомнил?

Я обернулся, посмотрел на арку, из которой мы вышли, и снова на зарубки.

— Слева от развилки. Вверх.

— Хорошо.

Она ещё раз проверила воду и повернула направо. Я успел пройти за ней всего несколько шагов, когда увидел в нише сапог.

Он лежал носком к стене. Выше торчала голая щиколотка, синеватая в свете камня. Остальное закрывала опрокинутая решётчатая тележка.

— Нола.

Она остановилась рядом, направила фонарь в нишу и выругалась себе под нос.

Я опустился на корточки. Одно колесо тележки было сломано; рама опиралась на камень, не касаясь человека. Сладкий запах здесь стал гуще. Я попытался вдохнуть через рот и почувствовал его на языке.

— Помоги край приподнять, — сказал я.

— Сначала посмотри, что держит раму.

Под второй стороной лежала доска. Я нажал на неё сапогом, убедился, что она не уходит, затем сдвинул тележку ровно настолько, чтобы увидеть лицо.

Мужчина лежал на боку, поджав колени. Губы оттянулись от зубов, одна щека распухла, и в ней темнела рваная дыра. Седина у виска слиплась с грязью. Я смотрел на неё и всё равно не мог сразу сказать себе, что это не Эдрик. Мара говорила про молодое лицо и тёмные волосы; сейчас мне хотелось любой ценой закончить проверку раньше, чем свет доберётся до глаз.

Нола ничего не спрашивала. Она отодвинулась, чтобы не загораживать мне нишу.

Я нашёл левую руку. Она была зажата под грудью; пришлось повернуть плечо, придерживая ткань на спине. Пальцы не разгибались. Я не стал их ломать, только поднял кисть к свету.

Мизинец был прямым. У Эдрика кончик должен был заворачиваться внутрь после старого перелома. На этом человеке была плотная синяя куртка с латкой на локте, под ней — полосатая рубаха. Мара называла серую, тёмный жилет и сапоги с разными заплатами. Здесь сапоги были одинаковыми, с широкими гвоздями в каблуках.

— Не он, — сказал я.

Нола подождала.

— Рука другая. И одежда. Он старше.

Я осторожно положил кисть обратно. Облегчение пришло раньше стыда, и я не сумел ни задержать его, ни прогнать. У этого человека тоже кто-то мог ждать шагов за дверью. Я поправил куртку на его плече, хотя от этого уже ничего не менялось.

— Из тех двоих? Которых Рогорн потерял?

— Не знаю. Надо будет показать его людям, которые их знали.

На запястье осталась тёмная полоса, местами содранная до мяса. Такая же виднелась над вторым рукавом. Ни имени, ни знака, который я мог бы узнать, на одежде не было.

Нола не давала мне предполагать больше, чем мы видели. Она попросила описать куртку и лицо, выслушала, повторила приметы вслух и отметила нишу на своей дощечке. Дощечку прижала к бедру; короткий карандаш держала правой рукой.

— До люка его вдвоём не донесём, — сказала она. — Вернёмся с сеткой и людьми, когда проверят воду.

Я кивнул. Мне всё ещё хотелось сделать для него что-нибудь сразу, и от этого простое согласие далось тяжело.

За тележкой обнаружилась дверь. Нижнюю часть обили свежим железом, а под ней в щели лежала сложенная бумага. Я поддел её кончиком крюка. Нола взяла лист за сухой угол и развернула на раме.

Это был пропуск. Край размок, но середина сохранилась: сегодняшняя дата, разрешение провести шестерых через служебный ход, росчерк и круглая печать. Там, где должны были стоять имена, оставили пустое место.

— Так можно? — спросил я.

— Вести ремонтную бригаду — можно по общему разрешению. Но тогда должен быть список у старшего. Здесь даже его не назвали.

Она прочла адрес, потом поднесла лист ближе к фонарю.

— Выход у нижнего водосбора. В обычной книге склада этих людей не будет.

Я посмотрел на следы перед дверью. К ней вели те самые две неровные борозды. Вблизи на одной нашёлся отпечаток каблука, обращённый поперёк движения, будто нога зацепилась за камень.

— Шестеро ещё могут быть там.

Я взялся за скобу. Дверь не сдвинулась. Тогда я постучал и позвал. Из-за железа никто не ответил.

Нола убрала пропуск в вощёный чехол. Я ударил в дверь ещё раз, сильнее, и в тишине после удара услышал, как изменился звук воды.

До этого она журчала в канале. Теперь за спиной негромко стукнуло, словно кто-то опрокинул пустой ящик, и сразу за этим под сводом протянулся тяжёлый шум.

Нола обернулась раньше меня.

— К развилке. Сейчас.

* * *

Мы прошли мимо ниши. Я задел тележку сумкой, придержал её и на мгновение задержал свет на неподвижном лице. Нола схватила меня правой рукой за плечо.

— Арден, идём.

У развилки вода уже переливалась через низкую перемычку под аркой. По ней несло солому, щепки и длинный кусок верёвки. Я увидел знакомый клочок, через который переступил совсем недавно; он покрутился у стены и исчез в тёмном проходе.

— До люка сорок шагов, — сказал я. — Если быстро…

— Посмотри на середину.

Там, где мы шли по плитам, поток бил в выступ кладки и разворачивался белым валиком. За ним пола не было видно. Нола указала на обломок бруса: его прижало поперёк арки, развернуло и с глухим ударом втянуло под перемычку.

— Нас положит под аркой. Налево, к Иво.

Я повернул. Первые ступени уже покрылись водой. На второй подошва поехала; я ударился коленом, успел поставить ладонь и встал, не разбирая, что болит. За спиной Нола коротко втянула воздух.

Она шла боком, правой рукой держась за железную полосу на стене. Вода поднимала пустой рукав; ткань цеплялась за пояс и мешала переставить ногу. Нола прижала её плечом, поднялась ещё на ступень и потребовала, чтобы я смотрел вперёд.

Ход к пекарне оказался теснее, чем на плане. В нём можно было стоять, только нагнув голову. Сверху пахло мукой и тёплой золой. Этот запах заставил меня ускориться, и я едва не врезался в последнюю перекладину.

Надо мной была деревянная крышка. Под ней, в каменном ребре стены, темнело кольцо. Рукой до него я не доставал.

Я вынул крюк Бернара, сорвал ветошь с загнутого конца и дважды промахнулся, прежде чем зацепил кольцо. Железо звякнуло о железо. Я потянул, проверяя, держится ли крепление,

поставил левую ногу на последнюю ступень и подтянулся. Правой нашёл выступ сбоку. Теперь можно было упереться плечом в крышку.

Она поднялась на ширину пальца и остановилась.

— Иво! — крикнула Нола снизу. — Люк!

Я ударил по доскам кулаком. Что-то тяжёлое зашуршало сверху. В щель просыпалась мука, забила мне рот и ресницы.

— Отойдите от крышки! — ответил мужской голос.

Отойти было некуда. Я только прижался к стене и снова взялся обеими руками за рукоять крюка. Нола стояла ниже; вода уже лизала ступень под её пяткой. Свет на груди дрожал вместе с её дыханием.

Сверху выругались. Мешок протащили по доскам, потом второй; один зацепился за край, ткань лопнула с сухим треском. Через щель потянулась белая пыль.

Крышка дёрнулась и открылась. Я увидел широкие плечи в мучном фартуке, худое лицо и белёсый ожог на левой щеке. Человек отвёл створку к стене и наклонился ко мне.

— Руку.

Я отцепил крюк, перекинул его через край и ухватился за протянутое предплечье. Другой рукой упёрся в пол. Иво потянул, я нашёл коленом край отверстия и перевалился на доски вместе с сумкой. От резкого движения правое бедро свело, но опора уже была подо мной.

Я развернулся на живот. Нола поставила правую ногу на выступ и подняла ко мне единственную руку. Я взял её за предплечье, Иво рядом подхватил ремень у спины. Она сама оттолкнулась ногой от камня; нам осталось поднять плечи выше края. Я отодвинулся, не выпуская руки, и Нола вылезла на пол.

Никто несколько мгновений не двигался. Я лежал щекой в муке и слышал, как под нами хлопает вода. У самого края она появилась позже, когда Иво уже опустил крышку. Из щели вытекла тонкая коричневая струя.

— От печи доску! — бросил он кому-то за моей спиной. — Под мешки, живо!

Я поднялся на колени и оттащил ближайший целый мешок к стене. Нола сидела рядом, освобождая застёжку фонаря. С него капало на пол. Камень продолжал светиться, будто ничего не случилось.

— Крышку же освободили, — сказала она.

— Я освободил! — Иво обернулся к двери. — Доставщик положил сюда два последних, пока я хлеб вытаскивал. Ему сказали: не на люк. Он сказал: я сейчас уберу. И ушёл за платой к переднему окну.

Из-за дверного косяка показался худой мальчик. Одну бровь у него будто подстригли слишком коротко. Он прижимал к животу длинную доску.

— Я сказал ему, — проговорил он. — Два раза.

Иво взял доску, положил перед мешками и подложил под край деревянные клинья.

— Знаю, Лорн. Ведро принеси.

Вода больше не прибывала. Она растеклась по низкому месту под крышкой, намочив дно лопнувшего мешка. Остальное успели поднять. Иво посмотрел на муку, которую уже нельзя было собрать, и с силой втёр ладони в фартук.

— До полудня, говорили. Ещё первый колокол толком не отзвучал.

— Сброс должен был быть после второго дневного, — ответила Нола. — Кто поднял затвор, выясним.

— А печь мне кто выяснит? Я из-за вас одну закладку передержал.

— Муку я оплачу, — сказал я. — И хлеб посчитайте.

Иво посмотрел на мой мокрый пояс, на сумку, из которой текло.

— Сначала встань. Мне второй человек на полу сейчас совсем не нужен.

* * *

Через переднюю дверь было видно складской двор за перекрёстком. Я вышел на порог, поднял обе руки и окликнул Освина. Тот стоял у ворот, рядом с ним Ягель спорил с человеком в мокрой куртке. Все трое повернулись.

— Мы здесь! Нола со мной!

Освин сразу развернулся к своим людям. Ягель пошёл через улицу; человек в куртке побежал в другую сторону. Позже, уже у двери, Ягель сказал, что это был вестовой от затвора. Он добежал, когда в грузовом люке уже поднялась вода.

Ягель взял меня за плечи и развернул к свету.

— Кровь чья?

Я посмотрел на ладонь. На каменной ступени я содрал кожу; в мучной корке тянулись красные полосы.

— Моя. Только ладонь.

Он проверил, не порвана ли штанина на бедре, отпустил и сел прямо на порог. Пришлось переступать через его сапоги, когда Иво вышел за пустой бочкой.

— Нога?

— Держит.

Ягель кивнул. Он хотел ещё что-то спросить, но вместо этого провёл ладонью по волосам и остался сидеть. Я впервые заметил, как сильно у него дрожит большой палец.

Нола вышла следом. Она велела передать Таре, что вернулись оба, и попросила Освина удержать людей у склада: спускать кого-нибудь до проверки затвора нельзя. Одного помощника Освин отправил за Рогорном, остальных оставил возле снастей. Ягель поднялся и пошёл к повозке за сухим одеялом.

— Маре надо сказать, — напомнил я.

— Скажем. Сначала Рогорна дождёмся, чтобы тебя здесь одного не оставить.

В пекарне Иво снова работал у печи. Лопата скребла по кирпичу; на стол ложились тёмные караваи, слишком сильно запёкшиеся с одного края. Лорн пытался отскоблить горелую корку ножом, но Иво велел оставить: продадут дешевле, если кто возьмёт.

Я попросил пока не спускаться в подвал и держать заднюю дверь закрытой.

— Мне там муку брать, — ответил Иво. — И дрова. Ты мне на целый день пекарню закрыть предлагаешь?

— До осмотра. Мы нашли человека под складом. Мёртвого. И следы, ведущие дальше за запертую дверь.

Лопата остановилась у печного зева.

— Нашли того, кого искали?

— Нет. Другого.

Иво посмотрел на Нолу. Она подтвердила. Он поставил очередной хлеб на стол и попросил Лорна посидеть у переднего окна. Мальчик послушался, но прежде подошёл к Ноле.

— Там после вас ещё один вылез.

Я повернулся слишком быстро, задел чашку. Иво поймал её у края стола.

— Где?

— Сзади. Я ведро вылил и увидел. Из двери, где пустые мешки. Весь мокрый. Я сказал: лавка с другой стороны. Он не ответил.

— Когда это было? — спросила Нола.

— Вы тогда кричали через улицу. А Иво хлеб вытаскивал.

У пекарни было две кладовые. В первую мы выбрались из нижнего хода; через короткий коридор она соединялась со второй, откуда можно было выйти во двор. Иво оставил ту дверь открытой для доставщика. Всё время, пока мы стояли у переднего порога, подвал никто не видел.

Лорн достал из кармана лоскут синей ткани с медной пуговицей.

— На гвозде осталось. Тут, у косяка. Я подумал, хозяину надо отдать.

Я взял чистую бумагу со стола. Нола попросила положить находку на неё и больше не теребить обрывки. В уголке ткани шёл тёмный шов; ничего, что позволило бы назвать владельца, я не увидел.

— Он тебя заметил?

Лорн кивнул.

— Спросил, один ли я.

— Ты что сказал?

— Что Иво здесь. И двое из гильдии.

Нола посмотрела на пекаря.

— Покажешь заднюю дверь? Лорн останется с нами, ему самому туда больше не надо.

Иво повёл нас по коридору. В муке у порога сохранился след правого сапога. На каблуке отпечатались пять круглых шляпок и металлическая подковка с выломанным краем. Я присел возле него, держа фонарь сбоку, пока Нола срисовывала форму на обороте листа Ивовых заказов. Иво принёс пустую корзину и накрыл след, чтобы никто не затоптал.

Из подвала доносилось обычное плесканье. Крышка лежала на месте; кольцо на её верхней стороне было мокрым. Я потянулся к нему, но остановился.

— Он мог прийти из того ответвления, — сказал я. — Там, за дверью.

— Мог, — ответила Нола. — И мог пройти другим ходом. Сейчас мы знаем, что кто-то вышел следом за нами.

Я не поднял крышку. Если под водой оставалась дорога, проверять её наугад второй раз я уже не хотел.

Мы вернулись в лавку. Иво положил рядом со мной хлебный нож и чистую тряпку, показал на ладонь. Я вымыл её у рукомойника. Ссадина оказалась неглубокой, но в ней сидели мелкие крупинки камня, и от первого прикосновения я невольно отдёрнул руку.

— Не мажь мукой, — сказал Иво. — У меня мать так делала. Потом две недели палец не гнулся.

— Она тоже здесь пекла?

— Здесь. Всё здесь.

Он помолчал, разглаживая тряпку на столе.

— Второй год сам держу. Пока она была жива, я думал, главное — тесто поставить. Теперь ещё уголь, доставка, долг за крышу. И хлеб надо продать сегодня. Завтра за него сегодня не заплатят.

Я хотел спросить, сколько ему было, когда она умерла, но он уже смотрел на темнеющие караваи. Я спросил другое:

— Сколько за муку и испорченное?

Иво назвал цену муки, пересчитал хлеб, вычел то, что надеялся продать. Я повторил сумму, чтобы он знал: услышал. В кошеле было меньше; я положил перед ним шесть медяков и сказал, что остаток принесу после расчёта за выход.

— Рогорн придёт, остальное с ним решим, — сказала Нола. — Закрыть рабочий проход просили мы.

Иво убрал монеты. Ни благодарить меня, ни делать вид, будто потери неважны, он не стал.

* * *

У переднего окна уже стояли покупатели. Иво вернулся к прилавку, а Лорн начал складывать в корзину мелкие булки. Я сидел у стены, пытаясь завязать чистую тряпку на ладони. Нола помогла затянуть узел: прижала свободный конец правым большим пальцем и подождала, пока я протяну другой.

Мужчина в серой куртке вошёл, когда Иво отвернулся к полкам. На поясе у него висел короткий меч. Он не стал в очередь, только скользнул взглядом по людям и поманил Лорна.

— Пойдём. В гильдии хотят услышать, что ты видел.

Мальчик прижал корзину к животу.

— Мне Иво сказал здесь быть.

— Я с ним договорюсь. Пошли, пока не забыли, куда тебя вести.

Он взял Лорна за плечо левой рукой. Я поднялся. Нола уже стояла у края прилавка.

— Кто прислал? — спросила она.

Мужчина посмотрел на её пустой рукав, потом на лицо.

— Из «Синего кита». Рогорн велел привести свидетеля.

— К кому именно?

— К счётчику. В красную комнату.

— Как зовут счётчика?

Он чуть сильнее сжал плечо мальчика.

— Тебе отчёт нужен или чтобы дело сделали?

— Мне нужно имя человека, которому ты собираешься отдать ребёнка.

Иво вышел из-за прилавка. Хлебную лопату он оставил у печи, руки вытер о фартук.

— Убери, блядь, руку, — сказал он.

Мужчина потянул Лорна к двери. Корзина выскользнула, две булки упали на пол. Мальчик попытался наклониться за ними, но его удержали за ворот.

Я шагнул ближе и поставил левую ногу между незнакомцем и порогом. Правой рукой взял его запястье, левой упёрся в предплечье, не позволяя потянуть ещё раз. Он оказался сильнее, чем выглядел: повернул плечо, и меня дёрнуло следом. Боль прошла через содранную

ладонь. Я не стал тянуть в другую сторону вместе с ребёнком между нами; приблизился вплотную и прижал его кисть к своему боку. Иво в это время подхватил Лорна под руки и отвёл назад.

Ворот натянулся. Пальцы незнакомца разжались прежде, чем лопнула ткань.

Я отпустил запястье и отступил на шаг. Его другая рука легла на рукоять меча. Мой меч оставался в ножнах; между нами было слишком мало места, а за спиной у него стояла женщина с девочкой.

Нола сдвинулась так, чтобы видеть его правый бок. Нож она пока не вынула.

— Тара Кельм у соляного склада, — сказала она. — Отмечает выход у Освина. Я только что отправила к ней человека. Если тебя послали оттуда, почему ведёшь мальчика в пустую комнату?

— Порядок успел измениться.

— Тогда дождись здесь Рогорна. Он идёт.

Мужчина посмотрел на дверь. На этот раз я не перекрывал проход. Иво держал Лорна за спиной; мальчик вцепился в его фартук обеими руками.

— Из-за тебя теперь объясняться придётся, — сказал незнакомец пекарю.

— Приходи с тем, кто тебя послал.

Он не ответил. Переступая порог, поднял правый сапог, и я увидел снизу край подковки: кусок был выломан, рядом торчали круглые шляпки гвоздей.

Я успел сделать полшага за ним. Потом Лорн за моей спиной спросил, не надо ли всё-таки идти, раз человека послал Рогорн.

Я остался.

Незнакомец свернул к соляным рядам. Торговец с соседнего прилавка, державший в руке весовую гирю, проводил его взглядом.

— Ты видел его лицо? — спросил я.

— Видел. И как пацана хватал, тоже.

Я попросил подождать Рогорна. Торговец убрал гирю под прилавок и сказал, что до обеда никуда не денется.

Внутри Иво поднял булки и положил отдельно. Лорн стоял там же, где его оставили.

— Я не хотел ничего плохого, — сказал он. — Я только нашёл.

Нола опустилась на корточки перед ним.

— Ты правильно сделал, что рассказал. Он не имел права тебя хватать.

— Это тот, из подвала? — спросил я.

Мальчик посмотрел на дверь, долго думал и покачал головой.

— У того лицо было в вороте. Не знаю.

Я кивнул и больше не спрашивал.

* * *

Рогорн пришёл вместе с Ягелем и двумя людьми из гильдии. Выслушал нас у закрытого прилавка, потом попросил соседнего торговца рассказать всё с того места, когда он заметил чужого человека. Тот показал направление и отдельно повторил слова про приказ Рогорна.

— Я никого за мальчиком не посылал, — сказал Рогорн.

Одного из своих он отправил к соляным рядам с приметами. Второй остался у задней двери пекарни. Нола передала пропуск в вощёном чехле и рассказала о теле. Когда назвала нишу за развилкой, Рогорн попросил повторить, как лежала тележка.

— Похож на кого-то из твоих? — спросил я.

— По куртке не решу. Нужно поднять и опознать.

— Вода уже уходит.

Я услышал собственную спешку и замолчал. Рогорн посмотрел на мокрые ступени за дверью.

— Сначала затвор. Моего человека оттуда отослали с распоряжением явиться к смотрителю. Пока ходил, подняли заслонку. Вернулся, увидел воду, отправил вестового и остался у подъёмника.

— Кто отослал? — спросила Нола.

— Посыльный с печатью водного ведомства. Смотритель говорит, никого не звал. Бумагу мой человек сохранил.

Нола положила рядом завёрнутый лоскут и лист со следом каблука.

— Тогда нужен учёт разрешений на служебный выход. На этом пропуске шесть человек без имён. Люси сравнивает складские записи, но здесь их могли вообще не провести через склад.

Рогорн кивнул. Сказал, что поговорит со смотрителем лично и до этого спусков не будет. Я показал ему место, где видел сломанную подковку у посланца, и предупредил, что самого выхода того человека из подвала не видел. Лорн тоже не был уверен в лице. Рогорн повторил это Таре, когда она пришла от Освина с нашими сухими вещами и книгой выходов.

Тара устроилась за освобождённым столом. Записала возвращение через пекарню, приняла фонари, потом выдала нам с Нолой по двадцать четыре медяка: за спуск и проверенный путь до развилки. Монеты я пересчитал. Впервые за утро руки делали что-то настолько простое, что им можно было доверить работу без моего внимания.

Свою долю я разделил, приготовив остаток для Иво. Рогорн остановил меня и попросил пекаря назвать убыток целиком. Выслушал, добавил плату за закрытую лавку до вечера и отдал деньги при мне. Иво вычел шесть медяков, которые уже получил. Я не спорил: часть обещанного я оплатил, остальное взяла на себя гильдия, и перед Иво долга больше не оставалось.

Для Лорна Рогорн предложил свободную комнату во внутреннем дворе «Кита». С ним поедет знакомая Иво соседка, у которой мальчик иногда ужинал; к вечеру, после печи, пекарь зайдёт сам. Иво сперва хотел увести его домой, но Рогорн спросил, кто останется там до конца работы. После этого Иво пошёл договариваться с соседкой.

Лорн сел на ящик возле Ягеля. Тот дал ему яблоко из дорожной сумки, выслушал вопрос о топоре и позволил подержать рукоять, придерживая железо сам. Когда мальчик наконец начал есть, Ягель убрал топор и принялся объяснять, почему Орлуше нельзя скармливать огрызок вместе с пальцами.

Я стоял у двери, заворачивая крюк Бернара в новую тряпицу. На загнутом конце осталась светлая царапина. Я провёл по ней большим пальцем, убрал крюк отдельно от образка и проверил чехол с обломком клинка. Внутри было сухо.

Нола подошла попрощаться. Ей нужно было к водному смотрителю вместе с Рогорном.

— Под склад сегодня больше не пойдём, — сказала она.

— Я понял.

— Завтра тоже, пока не разберёмся с затвором.

Я посмотрел на закрытую дверь подвала и кивнул ещё раз. За ней остался человек, которого мы не вынесли. Дальше была запертая дверь и следы, к которым хотелось вернуться. Но теперь я знал хотя бы, о какой бумаге спросить и чей учёт искать.

Из города донёсся полуденный звон.

Ягель поднял голову. Я показал ему на улицу, и он понял без объяснений. Лорн оставался с Иво и людьми Рогорна; нам пора было к Маре.

Она ждала на крыльце прачечной. Увидев нас, сначала посмотрела за наши спины, потом на мои мокрые сапоги.

— Живой? — спросила она.

Мне пришлось остановиться перед самой ступенькой.

— Мы его ещё не нашли. Внизу был другой человек. Я проверил руку и одежду — это не Эдрик.

Мара взялась за косяк. Я рассказал про служебный ход и пропуск на шестерых. Сказал, что имён там нет и что среди них могло не быть её сына. Она выслушала до конца, не перебивая.

— Но людей оттуда уводили?

— Следы ведут к закрытой двери. Теперь Нола проверит, куда выдавали разрешения.

Я достал медный образок. Шнурок за ночь так и не починил; обрывок лежал на ладони рядом с потёртым крылом.

— Он всё ещё нужен мне, если вы позволите.

Мара коснулась его пальцем и убрала руку.

— Оставь пока. Только не отдавай никому.

— Не отдам.

Она спросила, поели ли мы. Ягель ответил, что с утра, и Мара велела подождать: у прачек оставался суп. Я хотел отказаться, но она уже пошла внутрь.

Я сел на нижнюю ступеньку. Ягель опустился рядом, достал из сумки две ложки, выбрал ту, у которой не была треснута ручка, и протянул мне.

— Свою-то я взял, — сказал я.

— Мокрая.

— Железная.

— Всё равно мокрая. Держи, пока я добрый.

Я взял ложку. За дверью Мара попросила налить две миски погуще; другая женщина спросила, есть ли вести об Эдрике. Мара ответила не сразу.

Потом сказала, что сегодня ещё рано убирать сынову миску.

Глава 14. Чужой ордер

К утру сапоги просохли, а куртка ещё пахла нижним ходом. Я повесил её во дворе на жердь и вернулся в зал в одной рубахе. Когда Арнольд вылил под окно ведро воды, я оглянулся раньше, чем понял, что за звук услышал.

Элоиза это заметила. Ничего не сказала, только подвинула мне чашку подальше от края стола.

«Воды нет», — отозвался Кусака из открытого сарая.

Вчера я долго стоял возле его корзины в мокрой одежде. Он всё спрашивал, откуда капает, и требовал показать руки, прежде чем позволить поднять горшок. Теперь я невольно ответил вслух:

— Знаю. Арнольд ведро вылил.

Люси оглянулась на двор и снова повернулась ко мне. Я подвинулся, освобождая место для её бумаг.

Люси сидела напротив с двумя листами из архива. Разрешения на служебный выход там не нашлось: такие книги оставались у водного ведомства. На её запрос обещали ответить после сверки со складом. Мы собирались отнести эту весть Ноле, а сперва ждали Сетти. Он велел показать ему мою ладонь и хотел ещё раз проверить Люсину кисть.

— Сегодня можно без подвалов? — спросил Арнольд, ставя хлеб.

— Сегодня в хранилище, — ответил я.

Он посмотрел на Люси.

— Это у них так подвалы теперь называются?

Она успела улыбнуться. Потом в дверь постучали железом.

Я поднял глаза. На пороге стоял широколицый мужчина с короткой бородой, подстриженной ровно по краю челюсти. На нём была тёмная служебная куртка, на поясе — меч и кожаная петля с короткой дубинкой. За его плечом виднелись ещё двое: худой человек в синем суконном плаще и молодой писец с дощечкой под мышкой.

Элоиза вышла из-за стойки.

— Вы поесть?

— Арден здесь живёт?

— Я здесь, — сказал я.

Мужчина посмотрел на меня, потом на перевязанную ладонь.

— Весс. Встать и собраться. Пройдёшь с нами на осмотр.

Он двинулся между столами. Элоиза осталась у него на пути, и Вессу пришлось остановиться, чтобы не толкнуть её плечом.

— К какому лекарю?

Человек в синем плаще вытащил из папки сложенный лист.

— Нерн, водное ведомство. После неразрешённого доступа в нижнюю галерею требуется проверить состояние участников. Есть распоряжение.

— Доступ был разрешён, — сказал я. — Договор у Рогорна. И смотритель знал, что мы спускаемся.

— Вот это там и объяснишь, — ответил Весс. — Возьми верхнюю одежду. Оружие оставь.

Мне сперва захотелось пойти. Чем скорее закончится очередная проверка, тем раньше мы доберёмся до Нолы. Я уже отодвинул чашку и только тогда вспомнил, как вчера незнакомец обещал отвести Лорна в пустую красную комнату.

— Прочтите распоряжение, — попросил я. — Полностью.

Нерн взглянул на Весса. Тот не ответил, и служащий развернул бумагу.

В ней говорилось о возможном заражении после соприкосновения с водой и останками. Моё имя было вписано крупнее остального текста. Ни Нолы, ни людей, стоявших над люком, не называли. Меня предписывалось доставить в осмотровую при нижнем переходе Святого Элма; принявший больного лекарь должен был расписаться на обороте.

— Как его зовут? — спросила Элоиза.

— Дежурный лекарь.

— Имя.

Нерн перевернул лист. На обороте не было ничего, кроме пустых строк.

— Назначается по месту.

За соседним столом перестал жевать старый писарь, с которым я делил комнату. Он поставил кружку и повернулся к двери.

Элоиза попросила Нерна повторить адрес. Тот повторил, уже с раздражением.

— Нижнего перехода нет четвёртый год, — сказала она. — Я каменщикам обеды носила, когда остатки разбирали. Там теперь открытый сброс. Где вы лекаря посадили?

— Временное помещение, — ответил Нерн.

— С какой стороны воды?

— Хозяйка, — вмешался Весс, — тебя никто не спрашивает. Отойди.

У кухонной двери стоял Арнольд. Элоиза посмотрела на Весса; пальцы у неё замерли на краю стойки. Потом она велела Арнольду оставить дверь открытой, сходить к соседу и позвать ещё двух человек, которые смогут выслушать распоряжение. Писец поднял голову от дощечки.

— Для чего?

— Чтобы потом не спорить, что у меня здесь происходило.

Весс шагнул вбок. Элоиза отступила к стойке, освобождая ему дорогу ко мне, но из зала не ушла. Я встал. Стол оказался между нами; справа оставался проход к кухне, слева Люси сидела возле окна.

— Я не отказываюсь от осмотра, — сказал я. — Меня лечит Сетти. Он сейчас придёт. Если нужно, пойдём к нему вместе.

— Место выбрано не тобой.

— А кем?

Нерн показал нижний край бумаги, где стояла печать. Я попросил положить лист на стол, чтобы прочитать подпись. Он помедлил, затем положил, придерживая угол двумя пальцами.

Люси наклонилась к строке. Правую руку она держала возле груди, левой отодвинула чашку, чтобы не залить бумагу.

— Здесь написано «по поручению смотрителя», — сказала она. — Кто поручение получил?

— Ты в этом деле кто? — спросил Весс.

— Я была в саду. И в архиве работаю с этими записями.

— Значит, тоже проверим.

Элоиза выпрямилась. Я увидел, как она взялась за край стойки, и успел заговорить прежде неё:

— Проверьте. При лекаре. Но сперва назовите того, кто нас примет.

Весс обошёл стол. Я не отступил к окну: там была Люси. Сделал шаг к кухне и остановился возле торца скамьи. Меч висел на моём поясе; я убрал от него правую руку и положил обе ладони на стол так, чтобы их видели.

— Сядь, — сказал Весс. — Я велел собираться, а не ходить.

Он схватил меня за рукав выше локтя. Я повернулся к нему всем корпусом, чтобы он не выкрутил руку, и упёрся свободной ладонью в край стола. Скамья под коленом скрипнула. Весс потянул второй раз, сильнее, но я уже стоял устойчиво.

— Отпустите, — сказал я. — Я никуда не бегу.

Говорил я громче, чем собирался. В зале вдруг стало слышно, как писец царапает доску кончиком пера, хотя чернильницу ещё не открыл.

Люси встала. Ягеля во дворе не было: с рассвета он отвозил Освину сухую снасть. Я с досадой подумал о его плечах, которые сейчас пригодились бы у меня за спиной, и тут же увидел вернувшегося Арнольда. С ним пришли сосед-переплётчик и женщина из лавки напротив. Дверь осталась открыта.

— Рукав отпусти, — сказал Арнольд. — Все слышали, он лекаря ждёт.

Весс посмотрел на новых людей. Его пальцы разжались не сразу. Я опустил руку, не потирая её при нём.

— У тебя опасный постоялец, — сказал он Элоизе. — Если окажется заразным, зал опечатают. Вместе с кухней. Людей на улицу выведут, а убыток с тебя спросят.

Женщина из лавки посмотрела на мою повязку и чуть отодвинулась от стола. Я понял, что угроза уже подействовала, хотя подтверждения болезни нам так и не предъявили.

— Тогда дождёмся лекаря, — ответила Элоиза. — Арнольд, убери хлеб. Никого больше пока не сажай.

Она не могла знать, чем кончится проверка. Всё же сама остановила торговлю, и возражать ей после этого стало труднее.

Сетти пришёл через несколько минут. Он сперва увидел людей в дверях, потом меня у скамьи и попросил освободить ему место. Весс представился заново. На этот раз не велел никому вставать.

Лекарь выслушал распоряжение. Спросил Нерна, на каком основании меня назвали заражённым, и получил ответ о контакте с нижней водой.

— Я его осмотрю, — сказал Сетти. — Здесь. Если понадобится отдельная комната, у меня она есть.

— Приказом названо другое место.

— Тогда назовите врача, которому я передам своего больного.

Нерн снова посмотрел на оборот листа, словно за это время там могло появиться имя.

Сетти снял с моей ладони тряпицу. Промыл ссадину, ощупал запястье, велел показать язык и расстегнуть ворот. Я ненавидел стоять так перед всем залом, но ещё меньше хотел, чтобы страх передо мной остался после ухода Весса.

— Жара нет. Подвижность обычная, — сказал Сетти писцу. — Рана поверхностная. Запиши это, если записываешь осмотр.

Писец открыл чернильницу.

Лекарь произнёс несколько негромких слов, удерживая мою ладонь между своими. Под содранной кожей разлилось тепло. Края ссадины стянулись, и боль, которая мешала сжать пальцы, ослабла. Я согнул их и разогнул. На ладони осталась розовая полоса.

— До вечера не три. Повязка нужна от грязи.

Он обмотал кисть свежим полотном и повернулся к Нерну.

— Осмотрел. Оснований увозить его отсюда я не вижу. Своё заключение оставлю. Если ваш лекарь думает иначе, пусть придёт и скажет мне сам.

Весс потребовал отметить отказ от исполнения. Я поправил писца: от осмотра я не отказывался, а указанного в бумаге перехода больше не существовало. Старый сосед по комнате попросил прочесть запись вслух. Писец прочёл, запнулся на слове «отказ» и после короткого спора дописал мои слова.

Уведомление Нерн хотел забрать. Элоиза прижала его к столу.

— Вы его вручили. На основании этой бумаги у меня остановлена кухня. Оставьте.

Нерн посмотрел на писца. Тот подтвердил, что вручение уже записано. Весс велел выходить.

У двери он обернулся ко мне.

— Сегодня тебе повезло с публикой.

Я не ответил. Только после того, как дверь закрылась, заметил, что всё ещё стою, упираясь коленом в скамью.

* * *

Сетти проверил Люсину руку у окна. Она уже могла свободно сгибать пальцы, но от предложенного Арнольдом тяжёлого кувшина отказалась сама. Я спросил о Бренне. Лекарь ответил, что ночью тот спал после лекарства, а утром немного поел. Про мать новых вестей не было.

— Я зайду, — сказал я.

— После дневного колокола. Сейчас ему нужен покой.

Когда Сетти ушёл, Элоиза снова велела подавать еду. Переплётчик вернулся к работе. Женщина из лавки задержалась у моего стола, сказала, что ей самой приходилось закрываться из-за чужой жалобы, и спросила, надо ли её имя оставить. Элоиза принесла чистый лист.

Я стоял рядом, пока они подписывали показания. На рукаве осталось четыре вмятины от пальцев Весса; ткань медленно расправлялась.

— Я тебе за утро должен, — сказал я хозяйке.

— За еду должен. Остальное пока не считала.

Она складывала уведомление, стараясь не переломить печать.

— Если он вернётся из-за меня…

— Арден, я слышала его. Не надо повторять.

Я замолчал.

Элоиза убрала бумагу в сухую папку и посмотрела мне в лицо.

— Мне есть что терять. Именно поэтому я хочу знать, кто входит в мой дом и кого собирается из него увести. В следующий раз сперва спроси, куда идёшь. Ты уже почти согласился.

Это было правдой. Я кивнул.

— Вы его мысли слышали? — спросил я тише.

— Когда он решил закрыть дверь. Тогда коснулась. Дальше у меня уже был Арнольд на пороге.

— Кто его прислал?

— Этого я не увидела. Он думал о тебе и о выходе. Не о том, что делал вчера.

Она поправила край папки.

— И Руску я передам бумагу и слова свидетелей. Пусть их проверяет. Я не могу заставить тебя увидеть то, что услышала сама.

Люси подошла с моим поясом: я снял его для осмотра и оставил на скамье.

— У мамы руки тряслись, когда она хлеб убирала, — сказала она тихо.

Я оглянулся. Элоиза уже спорила с Арнольдом, сколько каши они успели испортить.

— Видел?

— Нет.

— Я тоже сперва не увидела.

Люси положила пояс рядом со мной и пошла помочь на кухне.

Олвен Руск появился после полудня. Назвал имя, показал знак городского дознания и остался у входа, пока Элоиза не разрешила ему пройти. Он был сухощавый, с короткими тёмными волосами, поседевшими у висков, и глубокой складкой между бровями. Перчатку с левой руки снимал медленно: шов возле большого пальца разошёлся, и он боялся порвать дальше.

— Приказа на обыск у меня нет, — сказал он. — Пришёл спросить о посещении. Смотритель получил жалобу вашего лекаря.

— А если я отвечать не хочу? — спросила Элоиза.

— Уйду. Тогда вашу сторону услышу позже и, вероятно, не от вас.

Она подумала и указала на стол.

Руск выслушал нас, посмотрел собранные Элоизой подписи соседей и сравнил уведомление со своей выпиской. Нерну поручили только собрать сведения о вчерашнем сбросе и участниках спуска. Поручения увозить меня не было, а Весса в списке сопровождающих не оказалось. По словам Руска, прежде Весс служил в портовом карауле, а теперь нанимался сопровождать грузы.

Руск не обещал, что найдёт обоих сегодня: у него было двое людей на весь нижний ряд, а распоряжения приходилось подтверждать у начальника, которому жаловались те же торговые дома.

— Но бумагу вы у меня заберёте? — спросила Элоиза.

— Оставлю вам расписку. Сперва хочу понять, откуда взялся бланк.

У нижнего края проступали в толще листа цифры. Я принял их за номер самого приказа. Руск объяснил, что это отметка партии: такие пачки получают ведомства вместе с записью в Доме весов. По цифрам можно узнать, кому выдали бумагу; кто написал на ней распоряжение, придётся выяснять отдельно.

Элоиза сказала, что пойдёт с нами. Мы договорились выйти через час: ей нужно было передать Арнольду кухню, мне — зайти к Бренну. Я отнёс ему мягкий хлеб и немного посидел возле кровати. Он спал, открыв рот; на столике лежало письмо матери, доставленное уже после утреннего обхода. Служитель прочёл мне две строки: она выехала и просила беречь сына до её приезда. Я оставил хлеб и вернулся к «Грифону».

* * *

В Доме весов пахло сургучом и мокрой шерстью. У весовой чаши спорили двое возчиков; низкорослая фурсатка за решёткой приёмной велела им поставить мешок на пол и ругаться тише. Одно её ухо было надрезано по краю. Она держала счётную книгу открытой локтем, пока освобождала место для нашего листа.

Нола ждала у окна. Люси успела передать ей, куда мы пошли, и она принесла ответ на свой запрос. Водный учёт хранился в том же доме, что и часть вывезенных книг Северного архива, но входы и смотрители у них были разные.

Руск попросил проверить партию бумаги. Служащая нашла расходную книгу, провела ногтем по столбцу и назвала хранилище водного ведомства на Соляной улице. Пачку получил Нерн под расписку. Она показала подпись; внизу нашего уведомления стоял похожий росчерк.

Элоиза наклонилась, чтобы лучше разглядеть, и в этот момент у меня за спиной заговорили:

— Этот лист нужно вернуть.

Нерн подошёл так близко, что край его плаща задел Нолин пустой рукав. Весса с ним не было. Я не понял, видел ли он нас с улицы или ждал здесь, и спросить не успел.

— В распоряжении обнаружена ошибка, — сказал он. — Бумага отозвана.

— Кем? — спросил Руск.

Нерн узнал его и остановился.

— Старшим по ведомству. Отметку получите позже.

Он потянулся к уведомлению. Лист лежал на открытой книге, и служащая прижала его ладонью прежде, чем я успел двинуться.

— Не тянитесь через решётку. Я ещё не закончила проверку.

Нерн ухватил свободный угол. Бумага хрустнула. Элоиза взяла его за запястье и сказала:

— Ты мне это утром вручил. Теперь при людях скажи, зачем забираешь.

Руск поднялся со скамьи. Не схватил Нерна, только встал рядом, вынув знак из-под куртки.

— Руку уберите. Отзыв покажете. Лист приобщён к жалобе.

— Ещё не приобщён.

— Тогда успели вовремя. Приобщим здесь.

Возчики у весов замолчали. Нерн выпустил угол. На листе осталась белая складка, но цифры и подпись уцелели.

Служащая позвала старшего. При нём Руск принял бумагу по описи, Элоиза получила расписку, а Нола приложила копию своего запроса о пропусках. Нерну велели дождаться распоряжения начальника. Он сел у двери и больше на нас не смотрел.

К вечеру разрешили осмотр водного хранилища на следующее утро. Нерна оставили в управе, за Вессом послали людей. Водный двор продолжал работать, но у комнат с бумагами уже стоял караульный.

— Завтра принеси свои архивные номера, — сказала Нола. — Обе проверки будут в одном доме. Смотреть станут разные книги.

Вечером я зашёл к Маре. Рассказал про разрешение, не обещая, что завтра найдётся её сын. Она спросила, не задержит ли нас ожидание бумаг ещё на неделю. Я показал записанное время утреннего осмотра. Мара провела пальцем под строкой, потом протянула мне новый шнурок для образка.

— Старый выброси. Он ещё до работы лопался.

* * *

Хранилище стояло выше складов, на сухой стороне Соляной улицы. Под его окнами разгружали водопроводные трубы. Я придержал для Нолы калитку; она прошла боком, чтобы не зацепить папкой железо, и остановилась рядом с Рогорном.

Тот пришёл раньше нас. Под глазами у него темнели круги.

— Подняли человека? — спросил я.

— Вчера к вечеру. Теперь в лечебнице, ждут тех, кто может опознать. Из моих двоих — ни один. Их ещё ищем.

Я не знал, радоваться ли этому за него. Рогорн добавил, что Лорн ночевал спокойно; Иво принёс мальчику хлеб и посидел с ним после закрытия пекарни. Сказал это прежде, чем я успел спросить.

Нас провели во двор. Элоиза вошла следом, держа на локте пустую корзину. Руск уже разговаривал с представителем ведомства — женщиной в сером дорожном плаще, на который она надела чистые нарукавники. Та проверила список присутствующих и предупредила, что подлинники останутся в хранилище. Выдавать будут заверенные выписки.

Ключи принёс старик по прозвищу Пескарь. Он оказался кладовщиком: держал здесь инструмент, выдавал масло подъёмщикам и знал, какой замок зимой заедает. На кольце у него висело шесть ключей. Пять были светлыми от рук, шестой — длинный, чёрный, с плоской головкой.

Старик отделил его ногтем.

— Этот с чужой связки мне приписали. После оползня вещи разбирали, нашли в ящике со складскими замками. Говорю: у меня таких дверей нет. А в новой описи — есть. Комнату передали на наш счёт, вместе с ключом.

— Пользовались? — спросила Нола.

— До прошлого лета. Потом Нерн велел не открывать без его записки. Я и не открывал. Там бумаги, мне оттуда ничего не нужно.

Представительница ведомства сверила знак на головке с описью. Номер относился к старой архивной комнате в глубине первого этажа. Она велела Пескарю отпереть.

Ключ сначала не поворачивался. Старик потянул дверь на себя, и засов вышел с сухим скрежетом. Из щели пахнуло пылью. Под потолком светлели два окна; у стола с продавленной серединой стояли полки, заставленные свёртками и книгами. По корешкам можно было прочесть, что здесь хранят: выдачу масла, наём телег, плату за ремонт затворов. На краю стола кто-то оставил кружку с засохшим чайным налётом. Я отодвинул её, освобождая место для книг, и назвал Ноле дату, когда Эдрик не вернулся домой.

Люси пришла со служителем из читальной. Он нёс мой прежний запрос и деревянные распорки, чтобы не ломать переплёты. Она показала мне место на скамье, но сама села к другому столу: помогать разбирать книги выдачи. Правую кисть ещё берегла, тяжёлые тома поднимал служитель.

Нола нашла запись о той же партии бланков и показала Пескарю. Старик наклонился, щурясь.

— Я выдавал. Пачку сам вскрыл. Нерн просил ещё чистую, без отметок, но такой у нас не было.

Руск попросил его повторить это для записи. Нола достала копию найденного под дверью пропуска. В книге его выдачи стояла подпись Нерна; разрешение на шестерых действительно оформили в день нашего спуска. А распоряжения, которым отозвали наблюдателя от затвора, в учёте не оказалось. Его сохранившийся подлинник Рогорн принёс с собой.

— Человека, который поднимал заслонку, нашли? — спросил Руск.

— Нет, — ответил Рогорн. — Служитель видел только посыльного с этим листом.

С распоряжения сняли копию для сравнения с другими бумагами; подлинник Руск принял у Рогорна по расписке. Я тем временем перешёл к расходной книге и нашёл знакомую дату: день, после которого Эдрик перестал приходить домой.

В расходной книге значилась плата за перевозку шести работников от сада Веллеров к нижнему ряду. Ниже шла выдача хлеба на четыре дня. Имена должны были находиться на отдельном списке; возле строки остался обрывок нити, на которой его когда-то пришили.

Я провёл пальцем рядом, не касаясь бумаги.

— Списка нет.

— Вижу, — сказала Нола.

Мне хотелось найти хотя бы начало фамилии. Я поднял край следующего листа, посмотрел оборот. Пусто. Люси придвинула светильник, и я увидел проколы от иглы: список действительно был, его не забыли приложить.

— Значит, они жили там, — сказал я. — Четыре дня их кормили.

— Здесь оплачено четыре дня, — ответила Нола. — Кто получил хлеб, спросим отдельно.

От её точности стало тошно. Я вспомнил Марину миску, оставленную для сына, и всё-таки переписал строку так, как она стояла в книге.

Дальше обнаружилось распоряжение, составленное после нападения в саду. Оставшихся работников следовало перевести во временное помещение подрядчика; адрес заменяли номер двора и подпись Гаррена о получении телеги. Нола знала этот номер. На городской схеме он относился к старой площадке за нижним водосбором, где теперь не было жилья.

— Я там проходила в прошлом месяце, — сказала она. — Остались столбы от навеса. Если кого-то привезли, то дальше везли в другое место.

Рогорн спросил, кому принадлежала телега. Пескарь принёс книгу наёмных перевозок, и нам пришлось освободить для неё ещё один стол.

К полудню нашлось второе указание: оплата двух железных клетей и доставки к лесному хозяйству у Кра’мала. Получатель был записан как доверенный Веллеров. На полях кто-то велел не ставить клетки рядом с помещением рабочих. Подписавшего приписку ни Нола, ни Руск не знали.

К записи о клетях был подшит узкий лист с заголовком «Из журнала смотрителя. К перевозке». Ниже стояли три даты. В первый день отмечали, что шов сухой и зверь снова принимает корм. Через три дня, после лечебного стягивания, под швом появилась новая ткань, а края раны разошлись. Против этой строки было написано: «Стягивание прекратить». Последняя запись велела держать клеть в тени: на свету зверь бился о прутья и снова разрывал себе кожу. Корм предписывалось подавать через наружный лоток, не открывая дверцы.

Я прочёл лист ещё раз. Названия зверя не было; не было и объяснения, какую рану ему зашивали. Внизу повторялись те же начальные буквы, что возле распоряжения держать клетки подальше от рабочих.

— Сделайте с этого отдельную копию для Сетти, — попросил Руск служителя. — С датами и обеими приписками.

Я вспомнил, как под лекарским светом утолщались жгуты на Бренновой руке. Не знал, было ли здесь то же самое, но теперь Сетти сможет сравнить свой случай с чужими наблюдениями. Сам лист Руск оставил возле расходной книги, чтобы внести в опись вместе с записью о клетях.

— Эти ящики Нэрра видела? — спросил я.

— Она говорила о деревянных, — ответил Рогорн. — Надо показать ей размеры и спросить.

Я убрал палец с даты. На ней уже осталось влажное пятнышко от руки.

Служитель подал чистую тряпку и велел сначала вытереть ладони. Потом Руск прочитал вслух найденные распоряжения, чтобы Пескарь подтвердил, какие записи видел сам. Старик подтвердил выдачу бланков и получение телеги Гарреном. Перевозку людей он не видел и этого за себя записывать не позволил.

За Нерном послали в управу. Его привели без Весса, между двумя караульными. Когда Руск показал книгу, служащий сказал, что переписывал чужие указания и не отвечал за содержание грузов. На вопрос, кто разрешил назначить мне осмотр в разрушенном переходе, он ответил, что адрес взял из старого перечня.

— А лекаря откуда взяли? — спросила Элоиза.

Нерн промолчал. Элоиза стояла у окна. До сих пор она не вмешивалась, но этот вопрос уже задавала Нерну накануне в трактире.

Представительница ведомства велела проверить бумаги Нерна. Среди них оказался второй экземпляр распоряжения о переводе работников, с той же подписью и свежей поправкой к сроку. Нерн попытался сказать, что собирался передать его сам. Руск спросил, кому. Ответа мы не дождались: служащий потребовал говорить только со смотрителем.

Его увели для дознания. Пескарю велели оставаться до окончания описи, а Рогорн вышел во двор отправить людей к указанному перевозчику.

Я смотрел на пустую дверь. Ещё утром мне казалось, что стоит открыть нужную комнату — и я наконец смогу назвать Маре место. Теперь у нас были подписи, сроки, плата за хлеб и всё ещё не было её сына.

Люси коснулась моего локтя.

— Твою книгу принесли.

* * *

Служитель положил на распорки тонкий том с серым корешком. Это была опись третьей связки, которую я заказал после первой архивной книги. Её искали отдельно от водных распоряжений: в старом перечне перенесённого собрания стоял другой номер шкафа, исправленный только в складском экземпляре.

На первом листе значилась передача бумаг Северного свода западному ведомству. Я прочёл строку дважды. Под ней были перечислены копии дорожных журналов, служебная пере-

писка и дела о пропавших перевозчиках. Дата оказалась старше нынешней садовой истории на много лет.

— Это уже Калимор? — спросил я.

Архивист покачал головой.

— Здесь указано ведомство, которое приняло груз на западную дорогу. Где его разместили потом, в нашей копии нет. Надо запрашивать их приёмную книгу.

Я достал записку наставника и положил рядом, не выпуская из рук. Бумага успела размягчиться на сгибах. На обложке стояло обозначение собрания с той самой печатью, о которой писал наставник. Теперь я знал, какие книги искать дальше.

Имени наставника в описи не оказалось.

Я проверил последний лист, потом снова первый, словно подпись могла прятаться между уже прочитанными строками. Люси не торопила. Сидела рядом и придерживала край моей записки, пока я переписывал место передачи и старый номер.

Архивист обещал заверить выписку к вечеру, пока смотритель ещё здесь. Я поблагодарил его; голос прозвучал хрипло.

Я сложил записку наставника в прежний лоскут. Рядом в сумке лежал Марин образок, уже на новом шнурке. Он зацепился крылом за ткань, и я осторожно высвободил его.

— А лесное хозяйство? — спросил я. — Кто может нас туда провести?

Рогорн вернулся со двора и услышал вопрос.

— Сперва поговорю с Лу'Рин. Это их земля. Сегодня туда послали человека за Ал'Рином, он знает, что принимали. Если вернётся до вечера, спросим здесь.

— Я буду в «Грифоне», — сказал я. — Если Ал'Рин вернётся, позови меня.

Рогорн кивнул. Я хотел услышать Ал'Рина сам: он мог знать, зачем клетки отправили в лес и куда после этого уехала телега Гаррена.

Пескарь запер архивную комнату, снял чёрный ключ со своей связки и под запись передал смотрительнице.

На улице уже тянуло из печных труб. Мы с Элоизой шли к «Грифону»; Люси задержалась дождаться заверения моей выписки. Копию записей о работниках мне уже выдали. У хозяйки в корзине лежал свёрток с мясом: по дороге она всё-таки успела зайти к мяснику, пока тот не закрылся.

— Арнольд ругаться будет, — сказала она. — Я ему обещала вернуться до обеда.

— На меня пусть ругается.

— Ему разницы нет. Лишь бы кто-нибудь слушал.

Во дворе Ягель смазывал колесо. О вчерашнем посещении он уже знал от Арнольда; теперь хотел услышать, что сказал Руск и взяли ли Весса. Я рассказал, пока он вытирал руки, а потом Ягель опять спросил, почему я не послал за ним. Я ответил, что не знал, куда именно он поехал после Освина.

— Завтра скажу, — буркнул он. — Даже если только за угол.

Он присел возле колеса, но работу не продолжил.

— Сапоги брать велели?

— Верхнюю одежду.

— Кому отвезти, так и не сказали?

— Имени лекаря у них не было. Нерна теперь держат в управе, Весса ищет Руск.

Ягель вытер руки и поднялся.

— Ладно. Сначала поедим. Потом к Маре пойдём. С ней про бумагу надо не у двери на бегу.

Я помог ему убрать маслёнку под полог. Возле постели стоял ящик с посудой; поверх него лежала чистая ложка, которую я позавчера вернул после обеда у прачек. Ягель заметил мой взгляд и убрал её глубже.

— Эту в трактир не понесём. Элоиза свою узнаёт по одному звуку.

Из кухонного окна донеслось:

— Ягель, я тебя тоже.

Он вздохнул, полез в ящик и вынул ложку обратно.

Я впервые за день засмеялся. Ягель ворчал над застёжкой полога. После еды мы пойдём в прачечную. Найденные даты я хотел показать Маре при свете, пока она ещё не зажгла вечернюю лампу.

Глава 15. Леса Кра’мала

У Мары мы просидели до темноты. Я разложил на столе выписки и показал, где стояла дата перевозки работников. Она выслушала всё, потом вернулась к строчке о хлебе.

— Значит, их собирались там держать?

— По крайней мере четыре дня, — ответил я. — Но имён в списке нет. Я пока не могу сказать, был ли среди них Эдрик.

Ягель сидел возле печи и сушил подол. Когда я начал объяснять заново, Мара остановила меня:

— Я поняла, Арден. Не надо делать из этого лучшую весть, чем она есть.

Она попросила оставить копию. Я оставил. У двери Мара спросила, придём ли мы, если выяснится что-нибудь ещё, и Ягель ответил раньше меня, что придём в тот же день. После этого возвращаться в «Грифон» стало тяжелее: до встречи я думал, что принёс ей хоть немного облегчения.

Люси ждала в зале с заверенной западной выпиской. Я поблагодарил её и убрал лист вместе с запиской наставника в свой сундук. Потом отнёс Кусаке корм. Он сперва обвил усиком щипцы и попросил держать ниже: мне всё хотелось протянуть кусок над самым бутоном, а ему приходилось запрокидывать стебель.

«Понял. Вот так?»

«Да. Не отпускай».

Я подождал, пока он возьмёт мясо, и закрыл задвижку. Вестей об Ал’Рине в тот вечер так и не было.

Рогорн разбудил меня перед рассветом. На нём была та же походная куртка, застёгнутая до горла; плащ он держал перекинутым через руку.

— Он не вернулся, — сказал он, пока я натягивал рубаху. — Вчера ушёл к старому дому с двумя работниками. Одного нашли на дороге раненым. Ал’Рин и второй остались за рекой.

Я сел на край постели, не попав ногой в сапог.

— Тот, кого нашли, говорил о клетках?

— Говорил о звере. До темноты люди с заставы дошли до дома, но дальше отступили: в кустах что-то двигалось, а где наши — они не знали. Лу’Рин просит прийти к ней. Сначала послушаем вернувшегося.

Внизу Ягель уже ел, стоя у стола. Он отломил мне хлеба. Элоиза спросила Рогорна, кто будет вывозить раненых. Услышав про повозку, велела взять ещё два одеяла, а Люси вынесла из кухни свёрток чистого полотна. Правую кисть она по-прежнему берегла; свёрток положила на стол левой.

— Возвращайся через ворота, — сказала она мне. — С подземными ходами на эту неделю хватит.

Я обещал. Это было простое обещание, и я обрадовался, что могу его дать.

Кусака уже проснулся и тянулся к решётке. Я рассказал ему, что снова ухожу, на этот раз за реку. Он долго не убирал усик с моего рукава.

«С тобой».

— Там опасно. Я не смогу всё время нести корзину.

«Где шуршит. С тобой».

Он тянулся в сторону Ягеля, стоявшего возле повозки. Старик услышал мой ответ и велел сначала показать, где я собираюсь поставить горшок: в кузове должно остаться место для раненых. Мы закрепили корзину у задней стойки, отдельно от сложенных одеял. У моста она останется с людьми, которые будут ждать нас. Я объяснил это Кусаке и дождался, пока он отпустит

рукав. Люси принесла отдельную кружку для полива и сунула мне в руку; у неё самой утром была работа в архиве.

* * *

В «Синем ките» горел свет. Нола собирала бумаги для управы; Руск ещё ночью прислал за показаниями, и она собиралась заняться Вессом и перевозками, пока Рогорн будет за городом. У стойки девушка раскладывала кожаные наручи. Тёмные волосы она стянула так туго, что несколько прядей выбились над висками. Когда мы вошли, подняла голову. У неё были серо-зелёные глаза, прямые брови и красная полоса на ладони от пряжки, которую она сжимала.

— Лу'Рин Кра'мала, — представилась она. — Ал'Рин мой брат. Земля за восточным мостом принадлежит нашей семье.

Рогорн объяснил мне, что Лу'Рин работает здесь со снаряжением: принимает старое, выдаёт новое и не даёт списывать исправную вещь только потому, что хозяину надоело за ней ухаживать. Она его не слушала. Положила ремень на стойку и спросила:

— Кто пойдёт к дому?

— Я, Арден и Ягель. Нужен твой проводник.

Лу'Рин долго смотрела на Рогорна.

— Без отряда. В прошлый раз караульные, пока искали ворованных лошадей, вскрыли три амбара. Потом брату пришлось доказывать, что зерно его собственное.

— Мы идём за людьми. Но если понадобятся носильщики, они перейдут мост сразу. Разрешения ждать не будут.

Она кивнула.

Раненый лежал в соседней комнате. Ногу ему уже осмотрел лекарь, и теперь она была туго обёрнута чистой тканью. Он сказал, что Ал'Рин повёл их проверить дальний навес: оттуда перестали возвращаться работники, а на выгонах нашли растерзанных телят. Возле клетей что-то большое бросилось из кустов. Он побежал к дороге; оглянулся только у дома и увидел Пела рядом с Ал'Рином. Позже слышал крик, но не мог сказать чей.

— Пел бы брата одного не бросил, — сказала Лу'Рин, когда мы вышли. — И сам бы не спрятался на всю ночь, не дав знать. У него мать здесь, в городе.

Она повернулась к стоявшему у стены молодому леснику.

— Сиверт проведёт. Он там вырос.

Сиверт держал короткое копьё и всё время переставлял его с одной ноги на другую. Услышав имя, подошёл к стойке.

— Пел вчера мой нож взял, — сказал он. — У своего рукоять расколол. Сказал, вечером вернёт.

Лу'Рин опустила глаза на наручи, потом подвинула их ко мне.

— Надень. За домом колючие заросли, рукава не спасут.

Она проверила ремни на моих предплечьях. Ничего нарядного в этой коже не было: потёртости, чужие вмятины, тёмные полосы от старых застёжек. Зато края не впивались в запястья, когда я сгибал руки.

— Почему ты идёшь? — спросила она.

— Гаррен принимал телегу, на которой вывозили работников из сада. В той же книге есть доставка клетей к вашему дому. Твой брат может знать перевозчика. Я ищу сына Мары Тилль.

— Мой брат сейчас тоже пропавший.

— Знаю. Сперва надо вытащить его.

Она ещё раз потянула за ремень, проверяя застёжку, и отпустила мою руку.

Ягель наклонился над стойкой.

— А меня во что оденешь?

— Ты своё верни. Два года назад брал ремень для вьюка.

— Он ещё в работе.

— На твоих штанах, я вижу.

Ягель посмотрел вниз. Рогорн вышел во двор, пряча улыбку, а Лу'Рин впервые отпустила пряжку, которую до этого вертела в пальцах.

* * *

До моста мы ехали чуть больше часа. Когда миновали последние огороды, солнце уже поднялось, но в дорожных колеях лежала тень. Ягель сидел на козлах; мы с Сивертом устроились на свободном месте у борта повозки. На ночь Ягель расстилал там постель; теперь она лежала свёрнутой под передней лавкой. Рогорн ехал рядом на обычной гнедой кобыле из конюшни «Кита». На его поясе висел короткий рог, меч был пристёгнут так, чтобы вынимать левой рукой.

Кра'мала начиналась за низким каменным мостом. Под единственной аркой теснилась тёмная вода; выше по берегу сушились доски, ниже два человека чинили рыбную загородку. Через голые ветви виднелась белая стена старого дома. Я успел рассмотреть даже провал в его крыше. Казалось, дойти до него можно за несколько минут.

У ближнего устоя ждал Освин с нанятой низкой телегой. Рогорн послал за ним, пока мы были в гильдии. Мастер положил на дно широкие доски, прикрыл сложенной мешковиной и теперь переставлял упоры, чтобы носилки не ездили по кузову.

— Если положим поперёк, на повороте вытрясем, — сказал он Ягелю. — Твою оставим для тех, кто сможет сидеть. Эта под лежачих.

Я помог ему закрепить последний упор. Освин посмотрел, как я нагнулся и снова выпрямился, потом спросил о бедре. Я сказал, что тянет, когда резко поворачиваюсь, но ходить могу.

— Значит, поворачивайся ногами. И геройствовать ими тоже не надо.

Он сунул мне хлеб, который не успел доесть сам, и вернулся к верёвке.

Лу'Рин приехала следом с двумя работниками. За лекарем уже отправили на восточную заставу. Она объяснила, где его встретят, и велела приготовить вторые носилки. Я показал ей корзину у задней стойки: если понадобится переставить, брать только за ручку и не открывать решётку. Кусаке напомнил, что уйду далеко и ответить оттуда не смогу. Он не обрадовался, но усики убрал внутрь. Сиверт показал нам тропу: от дома вдоль старой изгороди до межевой канавы, потом за елями — навес и площадка с клетями. Оттуда к реке вела ещё одна дорожка, слишком крутая для телеги.

У одного из работников на поясе висел второй рог. Рогорн выслушал Сиверта, проверил, слышен ли сигнал от противоположного берега, и сказал Лу'Рин:

— Два протяжных — идёте с полотном и лекарем. Сиверт встретит, если сможет отойти. Услышите частые короткие — оставайтесь у моста и закрывайте дорогу.

— Я поняла.

— Если найдём зверя, за ним не идём, — добавил он уже нам. — Нам нужны люди. Увидите, что я отошёл в сторону, не считайте это приказом бежать следом.

Я кивнул. После нижнего хода мне хотелось заранее знать, куда возвращаться. С этой стороны мост оставался виден между деревьями, и я запомнил белый столб у начала тропы.

* * *

Дом оказался дальше, чем выглядел с берега. Дорожка дважды обходила заболоченную низину; у изгороди мы шли по одному, прижимаясь к мокрым жердям. Сиверт остановился у поворота и прислушался. Из леса доносилось редкое постукивание.

— Это за навесом, — сказал он. — Там нет работающих людей.

Женщину мы нашли у задней стены дома. Она лежала лицом в траве, рядом с перевёрнутой корзиной. Ягель опустился возле неё, проверил шею и медленно встал. На переднике засохла еда; одну туфлю затянуло под нижнюю жердь изгороди.

— Райна, — сказал Сиверт. — Она носила обеды.

Он хотел поправить ей платье, но остановился, увидев разорванную ткань на спине. Ягель дал ему кусок полотна. Сиверт накрыл женщину, прижал угол камнем и постоял рядом, вытирая нос рукавом. Рогорн сказал, что за ней вернутся вместе с носильщиками. Дом с

пустыми окнами ещё минуту назад казался заброшенным; теперь я понимал, кто продолжал сюда ходить.

Мы нашли две колеи, ведущие к навесу, и вдавленную в грязь железную скобу. На ней оставался обрывок цепи. Дальше на коре темнели густые капли, слишком высоко, чтобы их оставил проходящий человек. Ягель понюхал воздух, отступил от ствола и показал мне чёрный след на листе.

— Не трогай.

Я и не собирался. От листа тянуло сладкой тухлятиной; рядом трава была выдрана вместе с землёй.

Постукивание прекратилось. Мы услышали, как кто-то зовёт, с трудом выталкивая воздух, и Сиверт бросился вперёд. Рогорн перехватил его за плечо, обошёл и первым спустился к канаве.

Под вывороченным корнем сидел человек в рабочей рубахе. Он держал обе ладони на боку. Когда поднял голову, я увидел серые губы и нитку слюны на подбородке.

— Пел, — сказал Сиверт. — Мы пришли.

Пел посмотрел на него, будто долго не мог узнать.

— Нож… в кармане.

— Потом заберу. Где Ал'Рин?

— За елями. Не ушёл. Сказал… вместе пойдём.

Ягель разрезал рубаху сбоку. Под ней ткань прилипла к широкой рваной ране; когда он приподнял край, кровь снова пошла между пальцами Пела. Я отвернулся за полотном, разозлившись на себя за облегчение, которое испытал в эту секунду: мне дали дело, можно было не смотреть.

Сиверт сел в глину и подложил колено под спину товарища. Ягель уложил чистый лён поверх мокрого и показал ему, где держать. Пел попросил пить. Ему смочили губы; проглотить он почти ничего не смог.

Рогорн дал два долгих сигнала. Мы подождали ответа от моста. Рог там прозвучал тоньше, но отчётливо.

— Лекарь идёт, — сказал я Пелу.

Он кивнул. Сиверт прижимал повязку обеими руками, и я смотрел, как белый лён темнеет под его пальцами.

— Здесь останешься, — сказал ему Рогорн. — Мы за Ал'Рином. Если сможешь, кричи носильщикам, куда сворачивать.

За елями снова застучало дерево. Потом раздался треск, и Пел вздрогнул всем телом.

* * *

Поляну пересекал упавший вяз. Верхушка лежала у нашей тропы, а толстый ствол тянулся к дальней изгороди. Справа от него стояли две железные клети на широких деревянных полозьях. Одну перекосило, и открытая дверца царапала землю. Слева, у расколотого пня, держался Ал'Рин. До прохода между стволом и изгородью ему оставалось несколько шагов, но поперёк прохода навалились жерди.

Он выставлял перед собой короткое копьё. Древко стукалось о пень — этот звук мы и слышали. Левой кисти у него не было: из рукава выступала старая культя. Ею Ал'Рин прижимал к боку свёрнутый плащ. Лицом он походил на сестру, только под глазами залегли глубокие тени, а подбородок дрожал.

Зверь стоял возле клетей. Сперва я увидел широкую медвежью спину, потом он повернулся, и над шерстью поднялись два кожистых крыла. По краям торчали редкие жёсткие перья. В левом крыле зияла старая дыра, а у основания блестела свежая рана, из которой по боку стекала чёрная кровь. Передние лапы были толще моего бедра. Когда он перенёс вес, под когтями с хрустом просел деревянный полоз.

На шее сидел железный ошейник с оборванной цепью. Под ним не осталось шерсти.

Ал’Рин увидел нас и открыл рот. Рогорн поднял ладонь, велев молчать, но было поздно.
— На звук! — крикнул Ал’Рин. — Бросается на звук!

Зверь ударил лапой по копью. Ал’Рин успел отдёрнуть руку; наконечник прочертил кору, древко вылетело на землю. Человек прижался спиной к пню и закрыл лицо правым локтем.

Ягель швырнул камень в открытую клеть. Железо загудело. Зверь развернулся к дверце, на мгновение оставив Ал’Рина.

— Вдоль ствола, — сказал мне Рогорн. — Освободи проход. Я возьму его на себя. Ягель, если повернётся к Ардену — снова бей камнем по клети.

Я пригнулся и пошёл за вязом. Сухая кора цепляла куртку; там, где я выставил правую ладонь, обломанный сук разрезал рукав до наруча. Ал’Рин смотрел на меня из-за пня, не двигаясь. Я показал ему проход, потом упёрся плечом в верхнюю жердь.

Она сдвинулась, но нижний конец застрял между корнями. Я потянул сильнее и услышал, как за стволом Рогорн ударил мечом по решётке.

Зверь пошёл на него низко, почти волоча морду над землёй. Рогорн отступал к двум близко стоящим берёзам. Левую руку с мечом держал перед собой, правую раскрыл у плеча. Когда лапа поднялась для удара, между ней и человеком вспыхнула голубая плоскость.

Удар прозвучал так, будто молотом ударили по толстому стеклу. Рогорн скользнул назад обеими ногами; пяткой упёрся в корень, согнул колено и удержался. Звериная лапа соскочила с наклонённой защиты. Когти прошли рядом с его головой и вырвали из берёзы полосу коры.

Рогорн убрал плоскость и рубанул по вытянутому запястью. Чёрная кровь брызнула на листья. Зверь отдёрнул лапу, а человек уже сместился за ствол, не позволяя прижать себя к дереву.

Я дёрнул жердь ещё раз. Она наконец вышла из корней и ударила по нижним доскам. Звук получился громче, чем я ожидал.

Зверь повернул голову ко мне.

До этого я видел его через ветви. Теперь между нами оставалось только поваленное дерево, и я понял, что оно ему не помешает. Крылья приподнялись над спиной. Я выпустил жердь и присел, хотя спрятаться уже было некуда.

Ягель бросил второй камень в клеть. Зверь дёрнулся на звон, но сразу повернулся обратно. Я видел его глаза: мутные, с белёсыми краями, всё же различавшие меня возле ствола.

— Арден, проход! — крикнул Рогорн.

Я оттолкнул последнюю перекладину. Ал'Рин сделал шаг, опираясь правой рукой на вяз, и едва не упал. Я подхватил его под левое плечо. Он оказался тяжёлым и мокрым; под пальцами смялась пропитанная кровью рубаха.

— Копьё, — выговорил он.

— Не тянись. Я подам.

Древко лежало с моей стороны. Я подтянул его носком сапога, перехватил и вложил в правую руку Ал'Рина. Он упёр наконечник в землю, а я повернулся вместе с ним к освобождённому проходу. Старый рубец на бедре потянул так, что я невольно задержал дыхание.

Зверь полез через вяз. Сначала положил на него передние лапы, потом навалился грудью. От мёртвой древесины отлетел кусок. Ал'Рин оглянулся и перестал двигаться.

— Смотри под ноги, — сказал я. — Два шага до изгороди.

Он сделал один. Я толкнул жердь пяткой, освобождая место для второго, и тут тяжёлое дыхание стало слышно совсем близко.

Рогорн возник за правым крылом зверя и ударил по задней ноге. Клинок вошёл неглубоко, но тварь развернулась, пытаясь достать его зубами. Человек отскочил к клети. Оборванная цепь хлестнула по решётке у его плеча.

Ягель вышел из-за деревьев с небольшой бутылкой. Он дождался, когда зверь потянется к Рогорну, и бросил её в морду сбоку. Стекло лопнуло о скулу; по шерсти потекла густая смола. Тварь зажмурила один глаз, тряхнула головой и потёрла её о железо.

— Для тента берег, сука, — выдохнул Ягель.

Он метнулся к нам. Ал'Рин уже прошёл изгородь, но я зацепился разорванным рукавом за гвоздь. Потянул назад, только затянув ткань. Ягель ухватил куртку выше плеча.

— Руку согни!

Я согнул. Он рванул ткань по шву и вытолкнул меня за жерди. Ал'Рин повис на копье, и мы вдвоём подхватили его, прежде чем он завалился лицом в землю.

Сзади загремела клеть. Я оглянулся.

Рогорн стоял перед открытой дверцей. Зверь теснил его туда, и для длинного шага вбок не осталось места. Он снова выставил правую ладонь. Голубой свет появился у самой морды; тварь упёрлась в него грудью и толкнула, не размахивая лапой.

Рогорна прижало спиной к решётке. Его правая рука согнулась. Плоскость дрогнула, и он повернул её наискось, пропуская тяжёлую морду мимо плеча. Зубы сомкнулись на железе. Он ударил мечом снизу под челюсть, заставил зверя вскинуть голову и выскользнул возле дверного столба.

Я мог видеть всё это и всё равно не понимал, как он успел. Уже на бегу Рогорн сжал правую кисть, словно сводило пальцы.

— Уводите! — крикнул он.

Мы прошли за ели. Ягель забрал у меня Ал'Рина, подставив ему плечо, и велел помочь Рогорну пройти через изгородь. Я вернулся на несколько шагов, оттолкнул жердь и увидел, что зверь выбирается из-под перекошенной дверцы. Морда была испачкана смолой и кровью; одно крыло волочилось по земле.

Рогорн нырнул в проход. Я подхватил его за локоть. Он выпрямился, и над нами ударили крылья.

Я успел пригнуться. По спине хлестнула ветка, с еловых лап посыпалась вода. Зверь взобрался на толстый конец вяза и тяжело оттолкнулся. Левое крыло раскрылось не до конца. Он пролетел над клетями, просел за дальними кустами и с треском скрылся в молодом лесу.

Рогорн задержался возле прохода, вслушиваясь в треск за клетями. Меч он держал поднятым, пока я обходил сломанную жердь.

— Пел у канавы.

Он кивнул, не поворачиваясь спиной к поляне.

— Иди к нему. Я следом.

* * *

У канавы уже были носильщики. Один раскладывал полотно, другой держал жерди. Сиверт сидел в той же позе, прислонив Пела к своему колену. Он повернулся на наши шаги, но рук не убрал.

— Он только что спрашивал, вышли ли вы, — сказал он.

Пел лежал с приоткрытым ртом. Ягель опустил Ал'Рина возле дерева, подошёл к раненому и нагнулся к его лицу. Пальцы Ягеля долго оставались у шеи. Я видел, как он чуть меняет нажим, будто мог найти другое место, где Пел всё ещё жив.

Лекарь подоспел, когда мы стояли вокруг канавы. Запыхавшийся, с сумкой через плечо, он велел отойти. Сиверт поднял на него глаза.

— Я держал. Всё время.

Лекарь проверил Пела, положил ладонь ему на грудь и произнёс несколько слов. Между пальцами появился слабый свет. Он погас почти сразу. Лекарь ещё раз коснулся шеи и покачал головой.

— Поздно. Сердце уже не отвечает.

— Но вы можете… — начал Сиверт.

— Если бы я застал его живым, попробовал бы удержать. Сейчас не могу.

Сиверт посмотрел на свои руки. Повязка липла к пальцам, и Ягелю пришлось смочить край, чтобы освободить их. Под полотном Пел казался меньше, чем несколько минут назад, когда сам прижимал ткань к боку.

Ал'Рин попробовал подняться.

— Я велел ему идти к мосту. Он мог…

Ему не хватило воздуха. Лекарь повернулся к нему, разрезал свёрнутый плащ и потребовал воду. Я подал флягу. У Ал'Рина были глубокие разрывы ниже рёбер; в одном из них ещё пузырилась алая кровь. Лекарь накрыл рану ладонью и начал говорить, по нескольку слов на каждом выдохе. Свет проникал между пальцами. Кровь постепенно перестала наполнять рану, дыхание Ал'Рина стало ровнее.

Через некоторое время лекарь убрал руку. Лоб у него блестел, губы побелели. Он не стал затягивать всю рану: промыл её, наложил ткань и велел нести Ал'Рина к телеге. Сказал, что тот потерял много крови, а закрывать разрывы до конца будет в лечебнице.

Мне хотелось спросить, почему нельзя было успеть так же с Пелом. Я видел дорогу, знал, сколько времени заняла тропа, помнил далёкий ответ рога. Ответ всё равно ничего не менял бы для Сиверта, который теперь никак не мог подняться из канавы.

Я протянул ему руку. Он посмотрел на неё, потом на карман Пела.

— Нож забери, — сказал Ягель тихо. — Не оставляй под ним, когда понесут.

Сиверт вынул нож в деревянных ножнах, заткнул за пояс и помог расправить полотно. Мы несли Пела сзади. Впереди лекарь шёл возле Ал'Рина, время от времени останавливая носильщиков. На одном из поворотов я увидел над ветвями Небесный мост. Он был далеко, в солнечной дымке, и по нему наверняка уже шли люди со своими утренними делами.

Лу'Рин встретила нас на лесном берегу. Сперва увидела брата, побежала к нему и только у самых носилок заметила вторую ношу. Она остановилась, перевела взгляд на Сиверта и больше ничего не спросила.

— Ты сначала выживи, — сказала она Ал'Рину, опускаясь рядом. — Потом я буду на тебя орать.

Он попытался улыбнуться. Не получилось. Лу'Рин взяла его за правую руку и держала, пока Освин устраивал носилки на телеге. Мастер передвинул упор, подложил свёрнутое одеяло и сам полез под кузов проверить, не задевает ли крепление ось.

Рогорн велел двум людям остаться у моста. На тропу не пускать никого; тех, кто идёт с выгонов, отправлять к нижней дороге. За Райной вернулись с копьями и отдельными носилками. Я сказал Сиверту, что пойду с ними, но он покачал головой:

— Я покажу. Ты Пела не оставляй, пока мать не приедет.

Я остался. С повозки пришло тихое: *«Свет закрыли»*.

Одеяло, которое приготовили для сидячего раненого, сползло на корзину. Я убрал его с решётки, проверил, не прижало ли стебель, и опустился рядом на ступеньку.

«Ты мокрый?» — спросил Кусака.

«Нет. Просто посижу здесь».

Он повернулся ко мне, но кормить себя не просил. Пока ждали мать Пела, я держал ладонь на сухой ручке корзины. Руки всё ещё помнили тяжесть носилок.

Пела увезли с моста мать и старший брат. Я помог уложить носилки, но так и не сказал матери ничего, кроме своего имени. Она спросила, кто был рядом с сыном. Я показал на Сиверта и отошёл, чтобы они могли поговорить. Райну тоже вынесли; её ждали люди из лесного посёлка. Телеги разъехались в разные стороны, и Освин остался собирать доски, которые утром готовил под раненых.

* * *

К вечеру Ал'Рин мог говорить. Нас пустили к нему ненадолго: лекарь укрепил повязку, велел Лу'Рин следить, чтобы брат не садился, и оставил дверь открытой.

Рогорн не стал начинать с бумаг. Поставил возле кровати стул и спросил, откуда взялся зверь.

— С клетями привезли, — ответил Ал'Рин. — Думал, подержат неделю и увезут. Мне платили за навес и чтобы посторонние не ходили.

Лу'Рин стояла у окна. Он посмотрел на неё, потом отвернулся к Рогорну.

— Кто платил?

— Люди управляющего Веллеров. Гаррен возил. Я раньше видел его в саду, ещё до этих работ.

— Что ты знал о животных?

Ал'Рин потянулся правой рукой к кружке. Сестра подала её сама, придержала, пока он пил.

— Сказали, привезли после опытов, надо держать отдельно. Больные, свет им вреден. Кормил не я. Ключи от клетей были у их смотрителя. Потом я увидел, что у одного крыло в швах. Спросил, что с ним делали. Мне сказали не вмешиваться.

— И ты не вмешивался, — сказала Лу'Рин.

— Да.

Она поставила кружку. От этого негромкого стука я вспомнил копьё, ударявшее о пень.

Ал'Рин рассказал, что после нападения в саду смотритель стал торопиться с вывозом. Одна телега ушла ночью. Вторую оставили у дома: на ней заклинило колесо. Ал'Рин сам собирался проверить навес, когда узнал о пропавшей Райне и растерзанных телятах. Он взял Пела, который умел обращаться с вьючными животными, и ещё одного работника. Хотел посмотреть, закрыты ли клетки, не поднимая шума в городе.

— Сестре сказал, что хищник пришёл с верхнего леса, — добавил он. — Я не знал, что это наш. Но мог знать.

Лу'Рин отвернулась. Рогорн попросил назвать смотрителя, и Ал'Рин назвал. Имени я прежде не слышал. Потом рассказал, где жили люди Веллеров, кому выдавали корм и в какие дни Гаррен приезжал сам. На вопросы об Эдрике отвечал, что молодых работников видел издали и по именам не знал.

— Куда ушла телега? — спросил я.

— Гаррен сказал, у него другой двор внизу. Там и телегу спрячет, и рабочих разместит. Названия я не слышал.

Рогорн поднял голову.

— Рабочих из сада?

— Да. Я слышал, как он говорил об этом со смотрителем.

Лу'Рин шагнула к кровати.

— Почему ты от меня это скрыл?

Ал'Рин закрыл глаза, помолчал и ответил:

— Потому что боялся. Как только начну рассказывать, придётся говорить и про деньги.

— Придётся, — сказала Лу'Рин. — Я завтра пойду к матери Пела. Что мне ей сказать?

Он смотрел на одеяло. Я тоже не знал ответа и был благодарен лекарю, когда тот вошёл и велел нам закончить.

Рогорн остался на несколько слов с Лу'Рин. В коридоре Ягель увидел мою разорванную куртку и выдернул из рукава щепку, которую я не заметил. Под правым кожаным наручем ныла рука.

— Снять надо, — сказал он. — А то завтра будешь вместе с собой отмачивать.

Лекарь проверил и меня. Кожа под правым наручем была содрана у локтя, но когти до неё не дошли; на бедре старый шов оставался закрытым. Ссадину промыли. После короткого заклинания она перестала кровить, хотя сгибать руку всё ещё было больно. Рогорн сидел на соседней скамье и медленно разжимал правую кисть. Когда ему предложили мазь, не отказался.

В «Грифон» мы вернулись уже без света. Ягель привязал Орлушу, покормил его и долго не выходил из-за повозки. Я заглянул под полог: старик сидел возле своей постели и стирал с ремня чёрную грязь.

— Это кровь? — спросил я.

— Смола. Полбутылки на себя вылил.

Он потёр ремень ещё раз и отложил.

— Пошли есть. Элоиза уже два раза звала.

За ужином мы больше молчали. Люси спросила, кого удалось вывести, и я рассказал ей про Ал'Рина и Пела. Она дослушала, не убирая со стола. Потом принесла ещё хлеба и села рядом. Я был голоден, хотя думал, что не смогу есть.

* * *

Утром пришла Лу'Рин. Брат перенёс ночь; его продолжали лечить, и лекарь разрешил ему сидеть, если недолго. Она передала это почти теми же словами, которыми ей, должно быть, сказали в лечебнице, и попросила показать наручи.

Я положил их на стол. Правый был исцарапан щепками, на левом вытянулась застёжка.

— Эти я верну, — сказал я. — Только почищу.

— Оставь себе. Я ремешок сменю.

Она попросила у Элоизы иглу и села возле окна. Увидела куртку, которую я пытался стянуть нитью по разошедшемуся шву, взяла и её. Пришлось подвинуть стул ближе и держать ткань, пока Лу'Рин подкладывала изнутри кожу.

— Сиверт сказал, вы не пошли за зверем.

— У нас двое раненых были.

— Некоторые всё равно пошли бы.

Она проколола кожу, протянула нить и придержала шов большим пальцем.

— Пел ещё говорил, когда вы его нашли?

— Да. Спросил про нож. Потом показал, где твой брат.

— Он всегда чужое возвращал, — сказала она. — Даже когда хозяин уже забыл, что давал.

Больше о Пеле мы не говорили. Лу'Рин закончила шов и заставила меня поднять обе руки, проверяя, не тянет ли куртку под мышкой. Серая нитка пересекала старую ткань неровно; зато рукав больше не расходился, когда я сгибал локоть.

Рогорн пришёл, пока она убирала иглу.

— Освин ждёт у моста, — сказал он. — Надо вытащить оставленную телегу. На ней может быть знак двора, которому она принадлежит.

Я перестал расправлять рукав.

— Гаррена ещё не нашли?

— Пока нет. Нола проверяет места, которые назвал Ал'Рин. Ягель отвезёт нас к мосту. Если пойдёшь, возьми меч.

Я поднялся за поясом. Лист с приметами Эдрика и Марин образок оставил в сумке возле кровати: в лесу они не пригодились бы. Западная выписка лежала отдельно, рядом с запиской наставника. Когда я вернулся вниз, Лу'Рин разговаривала с Рогорном.

— Людей на сегодня я оплатила. Корм тоже, — сказала она. — Но если выгоны останутся закрытыми, запаса до конца недели не хватит.

— Покажут след к верхней дороге — придётся закрыть и её.

Она прижала пальцами переносицу, затем кивнула.

— Поговорю с теми, у кого сено осталось. Только скажите, сколько людей там будет. Я не могу каждый вечер узнавать, что ещё троих надо кормить.

Рогорн назвал число и попросил передать, кто примет следующую смену. Лу'Рин записала имя на обороте счёта Элоизы. Я стоял с мечом на поясе и ждал, пока они договорятся. Вчера мне казалось, что самое трудное кончилось, когда носилки вынесли к мосту. Теперь требовались люди, которые останутся там после нас, и еда для них.

У калитки Ягель спросил, долго ли мы ещё будем собираться. Он уже сходил к Бренну и вернулся; сказал, что тот проснулся и спрашивал о матери.

* * *

У моста две коровы перегородили дорогу. Мужчина в коротком кожухе тянул переднюю за верёвку; вторая упиралась в колесо ручной тележки, на которой лежали грабли и пустая кадка. Ягель остановил Орлушу и слез помочь.

Мужчина хотел пройти вдоль старого выгона. Там начиналась короткая дорога к его двору. Стражник показал ему нижний поворот.

— До полудня плестись, — сказал мужчина. — У меня там ещё две заперты.

— Скажи, где двор. С той стороны зайдут, посмотрят.

— Посмотрят. Им бы воды дать.

Стражник подозвал сменщика и попросил проводить его до развилки. Тот взял пустое ведро с тележки. Ягель оттеснил вторую корову от колеса, мужчина подтянул первую, и дорога

наконец освободилась. Они пошли вниз, к дальнему обходу. Я слышал, как мужчина объясняет, где у него висит ключ от хлева.

Освин ждал возле сложенных досок. От вчерашних носилок остались мокрая верёвка и длинный клок полотна, который он теперь снял с жерди и убрал отдельно от инструмента.

— Колесо снимем, втулку вытащим, — сказал он Рогорну. — До дороги телегу доведём. Дальше без новой втулки нельзя.

— Только до дороги и нужно. Там её примут люди заставы.

Ягель остался с Орлушей и Кусакой. Утром я вновь поставил корзину в повозку; теперь старик проверял, не бьёт ли в решётку солнце. Рогорн, Освин, я и двое стражников перешли мост пешком. У каждого поворота я невольно смотрел в ту сторону, откуда вчера слышал удары копья. Рогорн шёл первым. Он не позволял растягиваться и дважды останавливал нас, чтобы послушать лес.

Телега стояла за старым домом, почти касаясь навеса сломанным колесом. Над её бортом болтался край потемневшего холста. Отсюда до клетей можно было дойти по уже знакомой тропе, но Рогорн сразу велел туда не сворачивать. Один стражник остался смотреть за тропой, второй помог Освину поставить под ось два бруска.

Я взялся за длинную жердь, которой мастер собирался приподнять угол телеги.

— Это оставь ему, — сказал Освин, кивнув на стражника. — Ты только клин подашь. Левой.

Под кожей у правого локтя уже тянуло от ремня наруча. Я отпустил жердь и присел с другой стороны. Когда колесо оторвалось от земли, Освин показал место; я вставил клин между брусьями и подвинул его рукоятью молотка. Ось легла на подпорку. Мастер пошатал телегу, проверяя, не сдвинется ли она, и только тогда вынул удерживавший колесо штырь.

Втулка вышла вместе с тёмной полосой содранного дерева. Освин положил её перед собой, повернул к свету и выругался.

— Её уже били, когда заклинило. Поэтому ещё сильнее сжали.

— Можно довести? — спросил Рогорн.

— Медленно. И без груза. Сначала всё снимем.

Под холстом оказались пустые мешки, деревянный лоток с длинной ручкой и свёрнутая сбруя. Мы перекладывали вещи на сухие доски. Из-под сиденья выкатилась широкая железная скоба, замкнутая двумя полосами кожи. Ремни засохли в таком положении, будто их долго затягивали вокруг чего-то круглого.

Освин поднял её в кожаной рукавице. На внутреннем крае застряла бурая шерсть. Возле застёжки шли три пары отверстий; в двух старых парах края были вытянуты, последнее крепление оставалось на месте.

— Распускали? — спросил я.

— Переставляли. Несколько раз.

Он провёл ногтем по краю старого отверстия.

— Вот здесь долго тёрлось. Потом заклёпку срубили и закрепили дальше. И здесь тоже. От одного рывка так не получится.

Я вспомнил голую шею зверя под оборванной цепью. Эта скоба была меньше его ошейника. Я не знал, держали ли в ней того же зверя, пока он ещё помещался, или другого. Рогорн попросил Освина показать крепления стражнику, затем положить скобу отдельно.

Под сиденьем нашлась и тонкая дощечка, вставленная в две прибитые планки. Я выдвинул её за сухой край. На ней стояли две даты. Возле первой было написано: «Корма половину». Возле следующей: «Корм через лоток». Ниже виднелись потёртые черты, которых я не разобрал.

Я посмотрел на длинную ручку лотка. В хранилище мы читали предписание не открывать дверцу при кормлении. Здесь человек мог подвинуть еду под решётку и остаться за пределами когтей.

— Это могли записывать про того зверя, которого мы вчера видели? — спросил я.

Рогорн прочёл обе строки.

— Могли. Спросим у Ал'Рина, к какой клети подносили этот лоток. А записи сравнит Нола. Пока сложи вместе, только железо к надписям не прижимай.

Я расстелил мешковину. Освин уложил скобу так, чтобы острые края не касались дерева, и перевязал свёрток. Стражник вынул из сумки свою восковую дощечку и записал, что мы нашли и откуда вынули. Рогорн назвал ему наши имена; имя Освина я продиктовал ещё раз, когда стражник переспросил.

В лесу треснула ветка. Все замерли. Освин придержал колесо, чтобы оно не упало с ребра. Мы подождали, пока стражник у тропы поднимет свободную руку: впереди ничего не двигалось. Рогорн ещё немного послушал, затем велел заканчивать.

Из-под пустых мешков на пол телеги высыпалась влажная земля. Я стал сдвигать её обломком доски и заметил на внутренней стороне борта чёрные буквы. Провёл краем тряпицы. Грязь размазалась; под ней проступили выжженные слова.

— Здесь адрес.

Рогорн подошёл вплотную. Я смочил чистый угол тряпицы из своей фляги и протёр ниже. Мы прочли: «Гончарный тупик, нижний возовый двор».

Стражник занёс адрес на ту же дощечку, где перечислял находки. Рогорн велел ему взять свёрток и возвращаться к мосту.

— Попроси Ягеля отвезти тебя в город. Сначала в «Кит», к Ноле. Если её нет — к Руску в управу. Пусть проверят сторожа и дальние сараи. Скажи, Гаррен мог привезти туда работников. Имя Эдрика Тилля тоже запиши.

Я произнёс его ещё раз. Стражник повторил без ошибки и ушёл по тропе, прижимая дощечку к мешковине.

Освин надел колесо. Пока я придерживал его сбоку, мастер поставил штырь и подвязал перекошенный борт. Потом мы убрали подпорки. Телега осела, но колесо повернулось.

Тянуть помогли работники, которых прислали от моста. До дороги мы дошли медленно; там Освин ещё раз ощупал нагретую ступицу и запретил везти телегу дальше. Люди заставы поставили её у своего навеса. Рогорн велел не разбирать вещи до прихода Руска.

Ягель вернулся за нами, когда мы уже собрались идти пешком. Он довёз стражника до «Кита» и оставил там вместе с находками. Самого Гаррена по дороге не видел.

— Нола была? — спросил я, поднимаясь в повозку.

— Была. Сразу послала за Руском.

До города я почти не сидел: переставлял ноги на полу, пытаясь не мешать Освину, который держал на коленях инструмент. Ягель однажды велел мне выбрать место и перестать качать повозку. Орлуша шёл обычным шагом; торопить его старик не стал.

У «Грифона» нас ждал служитель из гильдии. Он вышел от Элоизы, как только услышал колёса.

— Сторож подтвердил, — сказал он Рогорну. — Гаррен привёз людей и запер дальний навес. Сам сейчас там. Нола с Руском у двери.

— Сколько людей? — спросил я.

— Сторож не считал. Слышал голоса. Гаррен обещал говорить с человеком от Мары.

Я поднялся в комнату. Меч уже был при мне; я только забрал лист с приметами Эдрика и Марин образок из сумки. Западную выписку оставил в сундуке рядом с запиской наставника. Когда сбежал во двор, Рогорн ждал у калитки, а Ягель ещё распрягал Орлушу.

На этот раз у нас был дом, к которому можно было дойти.

Глава 16. Домой к Маре

В Гончарном тупике пахло мокрой глиной и конским навозом. Над дверью обжиговой мастерской сушились чашки, нанизанные за ручки на жердь. Я задел одну плечом, когда пропускал воз, и придержал остальные: они стукнули друг о друга, но не разбились. Рогорн подождал меня у поворота.

— Во дворе стой рядом с Нолой, — сказал он. — Гаррен обещал говорить с человеком от Мары. Это ещё не значит, что он откроет дверь.

Ягель догнал нас, застёгивая куртку. Он задержался в «Грифоне», пока отвёл Орлушу к свежему сену и попросил Арнольда присмотреть за повозкой. Корзину с Кусакой перенёс обратно в сарай. Я успел сказать ему, куда иду, ещё прежде чем мы вышли со двора; просил дождаться меня там, где Люси уже поставила для него воду.

Двор был длинным и узким. Слева под навесом стояли телеги со снятыми колёсами, справа тянулись низкие конюшни. Дальний сарай примыкал к подпорной стене; над его дверью оставили щель для света, затянутую изнутри мешковиной. Руск ждал возле колодца с двумя стражниками. Ещё один находился за сараем, у прохода к реке. Рогорн оглядел двор, спросил, кто проверил конюшню, и только после ответа подошёл к Ноле.

Она стояла перед дверью. Под правой мышкой держала знакомый деревянный футляр. На стук не ответили, однако я услышал, как внутри заскребли доску.

— Гаррен, пришёл Арден, — сказала Нола. — Тот, который ищет Тилля.

Из щели показалось лицо. Мужчина был небрит, под одним глазом желтел старый синяк. Он посмотрел мимо Нолы на Рогорна, потом на меня.

— Мара сама где?

— В прачечной. Ты ей не сказал, куда увёз сына.

— Я тебе объясню. Только пусть они от двери отойдут.

— Отойдём на два шага, — ответил Руск. — Оружие оставишь внутри. Люди выйдут первыми.

— А меня потом здесь положите?

Рогорн посмотрел на щель.

— Если бы хотели ворваться, не посылали бы за Арденом. Сейчас ты держишь запор. За это тебе тоже отвечать. Открывай, пока никто не начал умирать у тебя за спиной.

Гаррен скрылся. Мы услышали чужой голос, затем его раздражённое «сядь». Я вытащил образок из сумки и подошёл ближе, оставив между собой и дверью несколько шагов.

— Эдрик! Твоя мать дала мне медную птицу. У неё край крыла откушен. Я принёс её обратно.

За дверью стало тихо.

— Кто откусил? — спросили из глубины.

— Ты. В детстве. Она рассказала.

Пока я говорил, мне пришла в голову страшная мысль: я ведь знал эту примету, и любой, кто забрал бы у меня сумку, мог сказать то же самое. Я уже хотел добавить про прачечную, но изнутри послышалось:

— Мать всегда говорит, что я. Там край тонкий был. Он сам отломился.

Ягель выдохнул рядом со мной.

— Значит, есть кому ей возразить. Выходи и расскажешь.

Подняли брус. Дверь отворилась внутрь, задевая край соломы. Гаррен отступил к стене, пропуская людей. Первым вышел худой тёмноволосый мужчина. Он заслонил глаза левой ладонью; мизинец оставался согнутым, хотя остальные пальцы распрямились.

Я шагнул к нему, но остановился, чтобы не схватить незнакомого человека за плечи. Эдрик посмотрел на образок. Взял его у меня осторожно, словно медь могла обжечь.

— Шнурок другой.

— Старый порвался. Мара новый дала.

Он провёл пальцами по узлу и опустил руку. Несколько мгновений смотрел на землю, часто моргая. Я не стал спрашивать, почему он молчит.

За ним вышли ещё пятеро. Один опирался на товарища, придерживая раздутую ступню. У женщины на шее висел пустой кожаный мешочек; она всё время проверяла его, хотя вынуть оттуда было нечего. Последний мужчина задержался в дверях и спросил, можно ли забрать рубаху, оставленную сушиться на верёвке.

Нола ответила, что можно. Потом велела открыть обе створки и убрать мешковину со щели. В сарае стояли ведро воды, ночная бадья и пустые мешки. Вдоль стены лежала солома, продавленная шестью человеческими телами. На внутренней стороне двери темнели зарубки возле скобы: кто-то пытался поддеть её ножом или обломком железа.

Гаррен вышел последним и остановился рядом со стражником. Я смотрел на следы возле скобы, пока он говорил Руску, что привозил хлеб каждый день.

— Я их не морил. Ты спроси.

— Спрошу, — сказал Руск. — И почему не выпускал, тоже спрошу.

Нола подвела хромого к скамье, придерживая его правой рукой. Я помог усадить остальных. Ягель взял чистую кружку у сторожа; прежде чем наполнить, вылил оставшуюся на дне воду и сполоснул её.

* * *

Гаррен согласился говорить за столом под навесом. Руск посадил его так, чтобы тот не видел, кого из работников расспрашивает Нола. Рогорн остался рядом; я сидел на конце скамьи с Эдриком. Он пил маленькими глотками и слушал, не глядя на возницу.

— Их обещали отпустить после расчёта, — сказал Гаррен. — Сначала жили при дворе. Потом велели перевезти за водосбор. Когда там стало опасно, я забрал к себе.

— Кто велел? — спросил Руск.

— Управляющий Веллеров. Через смотрителя. Ты уже имя его знаешь.

— Хочу услышать от тебя.

Гаррен назвал его. Писец записал и повторил вслух, проверяя, правильно ли расслышал. Потом спросил, кто приносил деньги на корм и хлеб. Гаррен сперва ответил «из дома», но Руск заставил описать человека и сказать, от каких ворот он приходил.

— Мы видели, что грузили, — произнёс Эдрик рядом со мной. — В мешках что-то шевелилось. Одного распёрло, шов разошёлся. Нам велели занести его обратно и закрыть дверь. Потом сказали, что мы могли отравиться. Пока лекарь не посмотрит, выходить нельзя.

— Лекарь приходил?

Эдрик покачал головой.

— Пришёл человек с горькой водой. Лицо тряпкой закрыл. Чашки поставил и ушёл. Я спросил, сколько ждать. Он сказал: до следующего утра.

Гаррен повернулся к нам.

— Я ту воду сам пил.

— А дверь с какой стороны запирал? — спросил Эдрик.

Возница отвёл глаза.

Мне хотелось ударить его. Он сидел так близко, что я мог дотянуться, не вставая. Я положил ладони на колени. Правая рука ещё ныла после леса; вспомнив, как лекарь промывал кожу возле локтя, я вдруг ясно представил, что ударю и потом буду объяснять Руску, почему теперь нужно лечить ещё одного человека.

— Ты Мару знал, — сказал я. — Мог хоть слово ей передать.

— Знал.

— Почему не передал?

— Мне заплатили, чтобы они сидели тихо. А когда в саду погиб человек, сказали: если выпущу хоть одного, отвечать буду за всё, что с ними случилось.

— Ты и так будешь отвечать, — произнёс Руск.

Гаррен потёр ладонью лицо. Между пальцами осталась грязь.

— Я понял. Когда Ал'Рина вынесли, понял. Смотритель обещал, что никто к дому не пойдёт. А вчера прислал за телегой. Сказал, работников придётся отвезти дальше, до темноты. Я не поехал. Закрыл ворота и остался здесь.

Он указал, куда поставил телегу, когда вернулся от лесного хозяйства. Рогорн спросил, кто должен был сопровождать следующий выезд.

— Весс. С двумя людьми.

Руск поднял голову.

— Ты его видел вчера?

— Он передавал через сторожа. Самого не видел.

— Так и запишем.

Рогорн спросил ещё о двух перевозках, которые не касались Эдрика. Гаррен отвечал, сверяясь с зарубками на своей дощечке. Когда речь зашла о нижней насосной, он стал говорить тише. Рогорн подвинул к нему пустую чашку и попросил начать с того дня, когда там заперли решётку. Я остался бы слушать, но Эдрик тронул мой рукав.

— К матери можно?

Я посмотрел на Руска.

— После осмотра, — сказал тот. — Скажешь, где тебя найти. Сегодня больше держать здесь не станем.

Лекарь с заставы уже вошёл во двор. Он осмотрел ступню хромого, развязал грязную полосу ткани и попросил принести свет поближе. Двум работникам велел ехать в лечебницу. Эдрику проверил глаза, горло, дыхание; положил ладонь ему на спину, произнёс несколько слов и долго слушал под пальцами. Затем разрешил идти домой, наказав прийти утром и не скрывать, если ночью начнётся жар.

— Мне с ней пожить надо будет, — сказал Эдрик. — Комната моя, наверное, уже занята.

— Сначала дойдём, — ответил я.

Ягель вышел со двора раньше нас. По дороге к прачечной он обогнал попутную тележку и почти бегом свернул в переулок.

* * *

У дверей прачечной Мара стояла без шали. Рукава были мокрые до локтя. Ягель находился чуть позади неё и придерживал дверь, которую она, должно быть, распахнула слишком сильно: доска упёрлась ему в плечо.

Эдрик остановился посреди улицы.

— Мам.

Она спустилась с порога, оступилась на последней ступени и ухватилась за косяк. Эдрик шагнул к ней. Я успел подставить руку ему под локоть, но он уже выпрямился сам.

Мара взяла его лицо обеими ладонями. Провела большими пальцами под глазами, повернула голову к свету, посмотрела на шею. Он пытался сказать, что всё в порядке, но она прижала его к себе раньше, чем он договорил. Эдрик сначала стоял, опустив руки; потом обнял её так крепко, что мокрая ткань натянулась на плечах.

Мимо протискивался человек с корзиной белья. Он остановился, переставил её на другое плечо и обошёл нас по грязному краю улицы. Мара ничего не заметила.

— Я бы пришёл, — говорил Эдрик ей в волосы. — Я бы сам пришёл. Нас не выпускали.

— Я знаю.

— Ты не думай, что я…

— Я знаю, сынок.

Она не спрашивала, почему он похудел. Не ругала за рубаху, которую он унёс в последний приход и с тех пор так и не принёс в стирку. Только один раз отстранилась, чтобы снова увидеть его лицо, и прижала к себе.

Ягель отвернулся к улице. На виске у него блестела капля пота; он стёр её рукавом и спросил меня, не принести ли воды. Я кивнул, хотя ведро стояло у самой двери.

Внутри прачки освободили скамью возле печи. Мара увела Эдрика за занавесь, где держала свои вещи, и вернулась за сухой рубахой. Два раза раскрыла один и тот же свёрток, прежде чем нашла нужную. Я хотел помочь, но она уже вынула рубаху и ушла к сыну.

Когда он снова сел на скамью, на груди у него висела медная птица. Мара заметила новый шнурок и посмотрела на меня.

— Ты всё-таки передал ему образок, — сказала она.

Я посмотрел на медную птицу у Эдрика на груди. Когда Мара просила отнести её сыну, я ещё не знал, найду ли его живым.

— Да.

Она поставила перед Эдриком миску. Он взял ложку, зачерпнул и остановился.

— Горячее, — предупредила Мара, как будто он об этом спросил.

— Знаю.

Эдрик всё же попробовал, обжёг язык и заморгал. Мара тихо рассмеялась, одновременно вытирая щёку. Он посмотрел на неё и тоже улыбнулся. Я опустил голову, дав им побыть вместе хотя бы за этим столом, где мы сидели совсем рядом.

Про сарай он рассказал не всё. Начал с того, что во дворе держали собаку, а потом её куда-то увели. Объяснил, как просил сторожа передать матери слово; тот обещал, но на следующий день сменился другой. Мара слушала. Когда Эдрик стал повторять, что собирался вернуться после расчёта, она положила ладонь ему на колено.

— Ты вернулся. Про остальное завтра поговорим.

Она спросила, где его оставят на ночь. Я сказал, что никто его больше не держит и лекарь отпустил домой. Тогда Мара впервые за всё это время выдохнула свободно, откинулась к стене и закрыла глаза.

Мы уходили, когда она расправляла на скамье сухое одеяло. Эдрик попросил меня задержаться.

— Кайр и Бренн, рыжие братья… Ты их не встречал? Они со мной в саду работали.

Мне пришлось рассказать, как мы с Люси встретились с ними в саду и что случилось с Кайром. Про Бренна я сказал, что тот в лечебнице и к нему едет мать.

Эдрик посмотрел на ложку в своей руке.

— Кайр всё хотел уйти. Говорил, у них дома сарай зальёт. Мы с ним из-за платы вместе спорили.

— Ты знаешь, за сколько им не отдали?

— Он дни на доске отмечал. На обратной стороне, где бочки считают. Там две строки рядом, их имена. Она у смотрителя была.

Я попросил его повторить это Ноле утром. Он согласился и спросил, можно ли передать Бренну, что Эдрик вышел. Я обещал.

* * *

Мать Бренна приехала к вечернему колоколу. Мы с Ягелем встретили повозку у двора почтовых возчиков. Она сидела между корзинами, держа на коленях узел, обвязанный дважды. Увидев, что к ней подходят, сразу спросила:

— Жив?

— Жив, — ответил Ягель. — Я у него был утром.

Она закрыла рот ладонью. Потом стала спускаться, не выпуская узла. Ягель забрал его и подал ей руку. Возчик сказал, что на переправе простояли ночь; женщина обернулась так резко, что он не договорил оправдания.

Звали её Ильна. Волосы под платком были рыжими с сединой, как выцветшая медь. Она шла быстро, хотя после дороги прихрамывала. На подъёме я предложил передохнуть. Ильна покачала головой, и мы продолжили путь молча.

Сетти встретил её у дверей палаты. Назвал себя, объяснил, что Бренн просыпался и спрашивал, не пришла ли она. Про Кайра она сказала сама:

— Мне передали.

Лекарь кивнул и пропустил её. Я остался в коридоре, но услышал, как Бренн позвал мать, ещё прежде чем скрипнул подвинутый ею стул. Голос был слабый, удивлённый; ему пришлось повторить, чтобы она разобрала.

Ягель поставил узел у стены и сел рядом со мной. За закрытой дверью Ильна что-то говорила без остановки. Я не понимал слов. Потом она умолкла, и некоторое время слышался только Бреннов кашель.

Сетти вышел, вытирая руки.

— Удалось убрать часть волокон ниже локтя, — сказал он. — Рану закрыли. Но выше они уже вплелись в сосуды. Сегодня ему тяжелее дышать.

Я спросил, нужен ли ещё один лекарь.

— Нужен был — я позвал. Он придёт к ночи. Мы продолжим.

— Вам принесли копию из журнала смотрителя?

— Да. Я прочёл и показал ему. Там после стягивания тоже пошла лишняя ткань. Но ни слова о том, как её отделить. Мы не знаем даже, одно ли это повреждение.

— А если отнять руку?

— Уже поздно для этого. Повреждение дальше плеча. Я объяснил матери.

Он не ушёл сразу. Проверил, чистое ли полотно принёс Ягель, попросил кувшин и вернулся в палату. Я смотрел на оставленную им мокрую тряпицу. В лесу лекарь останавливал кровь Ал'Рину, и тот начал дышать ровнее прямо у нас на глазах. Я хотел такого же понятного поворота здесь: слова, свет, облегчение. За этой дверью всё происходило медленнее, и после удачного лечения одной раны оставались другие.

Когда Ильна позвала нас, Бренн лежал выше на подушках. Рыжие волосы слиплись возле висков. Здоровую правую руку он держал поверх одеяла; мать поправляла его пальцы, будто им тоже нужно было удобнее устроиться.

— Эдрик дома, — сказал я.

Он посмотрел на меня.

— Дошёл?

— Мы проводили. Мара его кормит.

Бренн слабо улыбнулся.

— Она умеет. Нам давала. Когда бельё носили.

Он стал рассказывать матери про прачечную, но сбился и попросил воды. Ильна поднесла кружку. Я придержал подушку, пока он делал глоток.

— Ты доски пока не покупай, — сказал он ей. — Для сарая. Кайр хотел все балки менять. Две ещё хорошие.

— Посмотрим дома.

— Я помню, какие. Которые над дверью.

Она кивнула. Сидела ровно, держала кружку обеими руками и смотрела ему в лицо.

Ягель спросил, можно ли поставить узел у кровати. Ильна развязала его. Там были чистая рубаха, шерстяные носки и маленький свёрток сушёных яблок. Бренн попросил одно. Мать выбрала тонкий кусочек, размочила в кружке и поднесла ему к губам.

— Дома ещё осталось? — спросил он.

— Осталось.

Он жевал медленно. Я отвернулся к окну, потому что от этого обычного вопроса стало трудно сидеть спокойно.

* * *

На следующий день Эдрик пришёл к Ноле вместе с Марой. Они отдали показания и узнали, что расчётная доска нашлась среди вещей смотрителя. Я принёс свою расписку из сада: на ней стояло, что восемь медяков выдали только за меня и Люси.

В управу привели смотрителя; управляющего Веллеров вызвали с книгами. Считать пришлось при Руске. Управляющий показал запись об авансе братьям, но возле неё не было ни подписи получателя, ни человека, который видел передачу. Эдрик назвал дни, когда работал с Кайром, Нэрра подтвердила разгрузку и посадку сосудов. Люси пришла сама и рассказала, что слышала от братьев за хлебом.

Я не стал доказывать, сколько стоили их ранения. Мы добивались платы за работу, которую они успели сделать. Руск велел отделить этот расчёт от будущего разбора ущерба и переписать признанную сумму без слов об окончательном отказе от требований. Управляющий долго не хотел ставить подпись под последней строкой. Рогорн придвинул ему его же ведомость и попросил показать, какой именно из перечисленных дней он теперь отрицает. Подпись появилась.

Деньги выдали из хозяйственной кассы. Я пересчитал их при писце, положил в мешочек и взял копию расчёта. Сколько ещё дом Веллеров будет оспаривать после, я не знал. Этой платы уже не могли лишить Ильну просто потому, что её сыновья не пришли за ней сами.

Люси ждала меня у крыльца. Под свободным рукавом правой руки повязки больше не было; она всё равно несла сумку слева.

— Его мать там? — спросила она.

— Да.

— Я пойду с тобой.

В лечебнице Бренн спал. Ильна вышла к нам в коридор, и Люси назвала себя. Мать сразу поняла, кто перед ней. Спросила, был ли Кайр жив, когда она его ударила.

Люси побледнела.

— Да.

— Говорил?

— Позвал брата.

Ильна опустилась на скамью. Я стоял рядом и ждал, что она спросит ещё, но она смотрела на закрытую дверь. Люси не стала оправдываться. Через некоторое время сказала:

— Он держал Бренна за горло. Арден не мог разжать ему пальцы. Я пыталась отбить руку, потом ударила под рёбра.

— Я от него сейчас про это слушала, — ответила Ильна. — От Бренна. Он помнит.

Люси сжала ремень сумки.

— Я хотела, чтобы он отпустил.

— Знаю, зачем ты ударила. Только я ещё не могу с тобой об этом говорить.

— Хорошо.

Мы остались стоять, пока Ильна сама не спросила, что у меня в руках. Я объяснил про деньги и подал ей расчёт. Она долго читала имена сыновей. Потом вернула бумагу мне, чтобы я прочёл остальное вслух.

— Это за работу, — сказал я. — За ту неделю и за последние дни. Про лечение и всё остальное здесь ничего не решено.

Ильна кивнула. Мешочек не раскрыла. Убрала к чистой рубахе Бренна и вернулась в палату.

Вечером Люси принесла ей еду и тёплый платок. Постучала, передала свёрток и ушла, не ожидая приглашения. Я видел, как мать позже укрыла этим платком ноги: возле кровати тянуло от пола.

* * *

За мной пришли ночью. Я успел заснуть и сперва не понял, отчего Люси стоит у двери с лампой. Потом увидел служителя за её плечом и сел на кровати.

В лечебнице пахло горячим полотном. Возле палаты Ягель держал таз; рукава были закатаны, на предплечьях блестела вода. Он отставил таз и пропустил меня. Люси осталась у двери, не решаясь войти, пока Ильна сама не увидела её и не кивнула.

У Бренна работали двое. Пожилой лекарь придерживал его за плечи, Сетти стоял сбоку, положив ладонь ниже ключицы. На коже проступал ровный золотистый свет. Между формулами Сетти делал глубокий вдох; конец следующей фразы ему уже давался труднее.

Бренн дышал с длинными остановками. Губы посерели. Ильна сидела у здоровой руки, наклонившись так близко, что её платок касался подушки. Она повторяла его имя, когда он начинал искать её глазами.

Я взял свежий свёрток у Ягеля и положил на свободный край стола. Сетти попросил убрать лампу от лица. Я переставил её. Эти два дела закончились, и больше я ничем не мог помочь.

Бренн заметил меня. Я подошёл с другой стороны кровати, оставив лекарю место.

— Она доехала, — сказал он.

— Да. Здесь.

— Я вижу.

Он попробовал улыбнуться, но вдох прервался кашлем. Ильна помогла приподнять ему голову. Сетти изменил заклинание; свет стал ярче на несколько ударов сердца, и Бренн снова смог вдохнуть.

Мать провела ладонью по его волосам.

— Я с тобой. Слышишь?

Он кивнул. Потом долго смотрел ей в лицо. Я отступил к столу и не стал слушать то, что она говорила ему совсем тихо.

Через некоторое время Сетти замолчал, проверил шею Бренна и начал снова. Пожилой лекарь сменил его у кровати. Теперь слова произносил он, а Сетти держал ладонь на груди и следил за её движением. Я видел, как у него дрожит большой палец.

Ильна перестала говорить.

Лекари ещё пытались вернуть дыхание. Никто не велел ей отпустить руку сына. Когда свет под ладонью погас, Сетти остался у кровати; только через несколько мгновений поднял глаза и покачал головой.

— Ильна. Он умер.

Она продолжала гладить Бренновы пальцы. Перевернула ладонь, будто ей было неудобно держать, поправила край одеяла и снова взялась за руку.

Сетти наклонился к ней и тихо повторил. Она кивнула, не глядя на него.

Мы вышли в коридор. Люси села у стены; я сел рядом. Ягель оставил таз возле двери и пошёл за сухим полотном. Вернулся, положил на край скамьи, снова вышел. Я хотел позвать его, но понял, что пока он ходит, ему легче.

Ильна позвала нас не сразу. Попросила оставить сыну домашнюю рубаху. Ягель ответил, что передаст служителям. Её узел лежал открытым, и сверху виднелись носки, которые Бренн так и не надел.

* * *

Домой мы добрались перед рассветом. Я сел возле Кусаки, не зажигая лампы. Он спал, подобрав стебель, и на мой тихий оклик не ответил. Я оставил его в покое. Через некоторое время бутон развернулся сам.

«Уже свет?»

«Скоро».

Кусака вытянул усик к решётке. Я подставил палочку, но он обогнул её и коснулся моего рукава. Так мы и просидели, пока конюх не пришёл за вёдрами. Встать мне оказалось легче, когда понадобилось освободить ему проход.

Наутро Ильна попросила похоронить Бренна рядом с братом. Сетти объяснил, где похоронили Кайра, и договорился о месте. Элоиза нашла женщину, которая помогла Ильне вымыть голову и убрать волосы под платок. Я принёс вещи из комнаты, где братья жили перед работой в саду. Хозяйка отдала деревянную гребёнку, запасной пояс и две кружки, поставленные одна в другую.

Мы с Ягелем ходили за матерью по двору, пока она разбирала узел. В какой-то момент она велела перестать ждать у неё над душой и спросила, где можно побыть одной. Элоиза провела её в маленькую комнату над кухней.

Похоронили Бренна на следующий день. Земля возле Кайрова места ещё не осела. Я помогал нести и только у могилы заметил, что держусь правой рукой за ручку слишком крепко: возле локтя опять саднило. Ягель молча подставил свою ладонь под мою. Мы опустили ношу вместе.

Люси стояла возле Ильны. Мать не взяла её за руку, но и не отошла, когда та придержала край платка, зацепившийся за ветку. Освин принёс две простые деревянные дощечки с вырезанными именами. Он долго проверял, ровно ли встала вторая, прежде чем убрать молоток в сумку.

После все вернулись в «Грифон». Арнольд поставил на стол еду. Ильна почти не ела, зато попросила завернуть хлеб на дорогу. Ягель сказал, что утром будет повозка к её деревне; место уже занято для неё. На этот раз она спросила цену. Он назвал, и она отсчитала деньги из заработанного сыновьями. Ягель принял их, не споря.

Освин подошёл позже. Спросил, какие доски нужны для сарая. Ильна ответила не сразу, потом стала объяснять про две балки над дверью. Он слушал внимательно и обещал написать знакомому мастеру возле каменоломен. Ничего бесплатного не обещал; сказал, что тот посмотрит крышу и не станет менять целое ради лишней платы.

* * *

Нолу я нашёл в «Ките» после отъезда Ильны. Перед ней лежали показания работников и несколько чистых листов. Лорн сидел в глубине двора, помогая Иво пересыпать муку в меньший мешок. Когда мешок перевесил, мальчик выругался и посмотрел на пекаря; тот только велел держать за край. Я был рад услышать его сердитый голос.

Нола рассказала, что освобождённым нашли ночлег, пока они решают, куда идти. Двое всё ещё лечились, но лекарь не нашёл у них того, что погубило Бренна. Гаррен дал показания при Руске и остался под стражей. Управляющего Веллеров больше не пускали в сад одного; ключи от хозяйственных комнат и расчётные книги забрали для проверки.

Привезённые с телеги вещи Руск внёс в ту же опись. Дощечку смотрителя оставили рядом с листом о перевозке клетей. Всё хранилось в управе; Нола ещё проверяла, кто заполнял записи и кто велел менять корм. По одним вещам этого было не установить.

— Весс? — спросил я.

— Ещё ищут. Гаррен назвал людей, через которых с ним связывались. Того, кто пытался увести Лорна, тоже ищем. Мальчик не уверен, что это он выходил из подвала, а одной сломанной подковки нам недостаточно, чтобы утверждать наверняка.

Я спросил о теле из нижнего хода. Нола сказала, что Эдрик опознал возчика, который привозил закрытые мешки. Имя подтвердили во дворе найма; семье уже послали человека. Я не просил показать мне бумагу. Хотел только знать, что его больше не будут называть найденным телом.

У старой насосной вода наконец ушла. Двоих людей Рогорна нашли мёртвыми за внутренней решёткой. Он ездил туда с теми, кто знал их, и в этот день в гильдии не появился. Нола сказала, что семьям сообщили, и отложила перо.

— Теперь гибель всех троих, вместе с Тареком, проверяют в одном деле. По обеим сменам выясняют, кто приказал спустить воду. Нерн отвечает за свои бумаги, но одного его имени нам недостаточно, чтобы назвать того, кто открыл затвор.

— А зверь в Кра'мала?

— След ушёл вверх по реке. Застава держит обе дороги, лесникам велено по одному не ходить. Лу'Рин оплачивает людей и корм для них. Ал'Рин остаётся в лечебнице; Руск ходил к нему вчера.

Я положил перед Нолой копию расчёта братьям. Она прочла, спросила, получены ли деньги, и убрала лист к показаниям. Я рассказал, что мать доехала до повозки и уехала домой. Нола выслушала, не торопясь вернуться к перу.

— Дальше это наше дело, Арден. Если понадобишься, я знаю, где тебя искать.

На обратном пути я зашёл в прачечную. Эдрик чинил под лавкой расшатавшуюся ножку. Мара держала доску и ругалась, что он снова лёг на холодный пол. Он ответил, что сверху до гвоздя не добраться. Увидев меня, вылез, вытер руки о штаны и предложил сесть на другую лавку: эту он ещё не закончил.

Я посидел недолго. Мара спросила про Ильну. Я сказал, что проводили. Она кивнула, поставила передо мной кружку и больше не расспрашивала.

Вечером в «Грифоне» Люси принесла мне западную выписку из сундука: я сам попросил её достать, пока убирал со стола. Заверенный лист всё это время лежал рядом с запиской наставника. Я перечитал место передачи и вспомнил, зачем приехал в Скайдейл, ещё прежде чем научился находить прачечную Мары без чужих указаний.

— К Рогорну завтра пойдёшь? — спросила Люси.

— Да. Хочу узнать, как подать прошение на западную дорогу.

Она села напротив. Между нами стояла лампа, и я передвинул её, чтобы свет не бил ей в глаза.

— Сначала расскажи, что именно будешь просить, — сказала она. — Я помогу написать. Только не оставляй разговор на то утро, когда уже соберёшь сумку.

Я отложил бумагу и начал рассказывать.

Глава 17. Северный свод

На следующее утро мы с Люси дописали просьбу для королевской приёмной. На чистом обороте счёта за овёс теперь стояли два вопроса: куда перевезли Северный свод и кто получал доступ к его книгам. Ответы следовало искать на западе; для этого я просил разрешение Годрика.

Я стоял возле раскрытого сундука. Письмо наставника лежало поверх рубах, обломок меча — в жёстком чехле у стенки. Достать эти вещи было легче, чем объяснить человеку, занятому целым королевством, почему он должен на них посмотреть.

Люси прочла написанное вслух. От этих двух строк моя дорога вдруг стала выглядеть слишком просто. Я хотел добавить про найденное тело, про кровь на полу, про то, что неизвестный убийца ушёл и мог спокойно жить все эти месяцы.

Вместо этого я вынул ткань с золотыми буквами.

Люси положила перо.

— Скажешь ему сам. Здесь оставим то, на что приёмная может ответить.

Ткань была сложена так давно, что не сразу расправилась. В складке осыпалась засохшая кровь. Я собрал крошки краем бумаги и долго смотрел, прежде чем свернуть свёрток снова.

Мы отнесли просьбу Ноле. Она прочитала её, придерживая лист правой рукой, и приложила к своему докладу. Пустой левый рукав был убран под ремень, чтобы не цепляться за бумаги.

— Приёма будем добиваться из-за того, что людей удерживали и пытались увезти от имени королевского ведомства, — сказала она. — Корона должна знать, кто отдавал эти распоряжения. Твоя выписка пойдёт вместе с моим докладом.

Два следующих дня пришлось прожить без ответа.

В один из этих дней у ворот «Грифона» остановилась телега с сеном. Лу’Рин спорила с возницей о жердях, уложенных поверх тюков. Он привёз весь заказ; она просила снять половину.

— В нижнем загоне опять смешаются, — сказал возница. — Коровы чужих телят не подпускают.

— На корм деньги уже отдала. За всё сейчас не рассчитаюсь.

Освин вышел со двора с инструментальной сумкой и остановился рядом. Поднял край одной жерди, посмотрел на свежий срез.

— Старую ограду целиком разобрали?

— Нижние концы сгнили. Выдернули.

— Длинные поперечины оставьте. Их можно поставить на новые стойки. Сколько пролётов?

Возница стал показывать на борту. Освин попросил кусок угля и начертил, какие жерди оставить. Я придерживал их левой рукой, пока ненужные снимали; правая под наручем ещё болела. Лу’Рин пересчитала монеты, но в кошеле после этого почти ничего не осталось.

— Лесную дорогу ещё не открыли? — спросил я.

— Зверя не нашли. Стража не разрешает пускать туда скот.

Она убрала кошель и дала вознице свёрнутый лист. В нём было записано, кому отвезти сено и кто распишется за жерди. Корм приходилось везти к тесному нижнему загону: на прежние выгоны животных пока не выпускали.

Освин отряхнул ладони и поднял свою сумку. Его ждали на подъёмнике. Я помог подтянуть верёвку поверх оставшегося груза и придержал ворота, пока телега выезжала.

Я успел сходить к Бернару, заново промаслить ремни щита и помочь Ягелю вымыть повозку. Во дворе «Грифона» мы сняли настил возле колеса; под ним нашлись три медяка, медная застёжка и ложка с надколотым краем. Ягель обрадовался ложке больше, чем монетам.

— А эту зачем прятал?

— Я её искал с Келлена.

— Под полом?

— Когда живёшь в дороге, дом иногда сам решает, где у тебя посуда.

Он вытер ложку тряпицей, сунул в свой ящик и полез к оси. Я придержал снятую доску. Из кухни вышла Элоиза, остановилась над нами и попросила показать находку.

Ягель молча достал ложку.

Элоиза посмотрела на выжженные у черенка две поперечные черты, вернула её и велела вымести грязь из-под колеса. Ягель дождался, когда за ней закроется дверь.

— Видел? Даже собственную ложку приходится оправдывать.

— А у её ложек какое клеймо?

— Не знаю.

Ответ прозвучал слишком быстро. Я протянул ему метлу.

Люси в эти дни занималась своим отъездом. Приходила женщина из прибрежного обоза, с которой была знакома Элоиза. Они долго сидели у окна над расходной книгой. Потом Люси рассказала мне, что договорилась о плате за учёт груза и сменах: всю ночь сторожить вещи после целого дня работы она не станет. Обоз должен был выйти позже нашего, когда соберут попутный товар.

Вечером она снова пошла к Бернару. Вернулась с налитым водой кувшином в левой руке; правой открыла дверь сама. Кожа на обожжённом запястье ещё отличалась цветом, но уже не трескалась при движении.

Мы почти не говорили о Бренне. Иногда Люси останавливалась посреди обычного дела, и я видел, что ей нужно время. Один раз она села на ступени заднего крыльца, забыв про кувшин. Я сел рядом. Мы вернулись в кухню, когда Элоиза позвала нас есть.

* * *

На сто сорок восьмой день пути мы поднялись в верхний двор: Нола, Рогорн и я. Двумя днями раньше пришёл ответ из приёмной. Нас звали после утреннего разбора портовых сборов и просили принести бумаги, относящиеся к делу.

Я надел чистую рубаху, но на правом предплечье свежая кожа под рукавом чесалась так, что приходилось удерживать себя от желания её растереть. Рогорн шёл в своём тёмном дорожном камзоле. Только ножны он очистил особенно тщательно. Нола несла папку под правой рукой; я предложил помощь, она отказалась.

Перед внутренней лестницей мечи оставили у стражи. Мой записали на отдельной дощечке. Рогорн тоже отдал оружие и дождался, пока служащий проставит знак приёма. Я был рад лишней минуте перед встречей с королём. Пока переписывали наши имена, я успел успокоиться и перестал теребить край рукава.

За дверью слышался мужской голос:

— Если груз лежит под дождём из-за вашего сбора, плату за испорченное дерево получите вы. С хозяина пристани. Не с возчиков.

Дверь открылась. Мимо нас прошли два человека с портовыми цепями на груди; один на ходу вытирал пот с шеи. Служащий назвал Нолу и пригласил нас войти.

Я ожидал зал с высоким троном. Здесь были длинный стол, карты побережья и широкое окно, из которого виднелись дальние башни. У стены стояло кресло с резной спинкой, но Годрик им не пользовался. Он читал лист, положив ладонь на его нижний край.

Годрик оказался широкоплечим мужчиной с коротко остриженными железно-седыми волосами. Борода была подрезана близко к коже; на правой скуле белел старый узкий шрам. Поверх тёмно-синего камзола лежала простая серебряная цепь. Невысокий венец не скрывал

глубоких складок на лбу. Когда король поднял глаза, я заметил, что они светлые, серо-голубые, и смотрят прямо на говорящего, не задерживаясь на одежде или поклоне.

Нола поклонилась первой. Я повторил за ней и чуть не задел коленом край скамьи.

— Начните с людей, — сказал Годрик.

Нола рассказала о найденных рабочих, погибших, списках Веллеров и двух распоряжениях: на мой осмотр и об отзыве наблюдателя от затвора. Говорила коротко, но называла имена. Когда дошла до Бренна и Кайра, я посмотрел на окно. На другой стороне стекла билась муха.

— Кто поручил Нерну составить приказ на осмотр? — спросил король.

— Прямого свидетеля пока нет. Нерн признал, что написал распоряжение, но говорит, что только исполнял чужое указание.

— Он назвал заказчика?

— Назвал посредника. Показания ещё не подтверждены.

Годрик кивнул писцу у стены. Тот сделал помету.

Порыв с моря распахнул неплотно закрытую створку. Край карты поднялся, рассыпались лежавшие сверху счётные палочки. Писец вскочил.

Годрик повернул к окну ладонь.

Ветер прижал створку к раме. Палочки, ещё катившиеся по столу, остановились у края; одна осталась висеть над полом, медленно повернулась и легла обратно. Король не произнёс ни слова. На мгновение воздух возле моей щеки стал холодным, будто я подошёл вплотную к открытому погребу. Потом холод ушёл.

Писец сел. Судя по его лицу, вставал он из-за окна, а не потому, что ожидал увидеть чудо. Я всё ещё смотрел на палочку. В дороге прозвище «Ветер Богов» казалось частью чужого рассказа; здесь магия понадобилась человеку, который не хотел прерывать допрос из-за сквозняка.

— Печати проверить у всех, кто разрешал вывоз, — сказал Годрик. — Не только у Веллеров. Результат мне. Подлинники оставить у следствия.

Нола ответила, что так и сделает.

Рогорн положил рядом с её папкой два узких листа.

— Есть ещё расхождение по лекарскому грузу. В книге отпуска шесть бочек. В оплате западному перевозчику — четыре.

— Из того же хозяйства?

— Нет. С королевского лекарского склада. Я проверял выдачу для дорожных лечебниц. Обе записи относятся к одной партии, но получателя на промежуточной стоянке здесь установить не удалось. Нужна западная книга приёма.

Годрик придвинул листы.

— Две могли оставить по пути.

— Могли. Тогда должна быть расписка. На складе её не нашли.

Я впервые слышал об этих бочках. Король сравнил номера, спросил, у кого остаются оригиналы, и разрешил направить запрос.

— Теперь ваш ученик, — сказал он Ноле.

— Свидетель и заявитель, ваше величество. Арден. Он пришёл с собственным делом.

Я вышел к столу. Ткань неловко развернулась в руках; пришлось положить её на чистый край папки, чтобы показать золотую нить.

— Моего наставника убили дома. Я нашёл это рядом с ним. На его одежде такой вышивки не было.

Годрик не взял ткань. Наклонился, прочитал девиз и посмотрел на меня.

— Вы видели, кто её потерял?

— Нет.

— Свидетели были?

— Я никого не нашёл.

— Наш девиз носят солдаты, служащие, поставщики двора. Старую одежду продают. Этот лоскут надо сохранить, но по нему я не назову вам убийцу.

Я знал, что ответ может быть таким. Всё равно пришлось сглотнуть, прежде чем продолжить.

— Осталось письмо. Он собирался сюда. Написал, что должен кое-что проверить в Северном архиве.

Я развернул письмо только до нужного места. Нижние строки с предупреждением о камне остались внутри сгиба. Писец хотел подвинуть его к себе, но я придержал край и показал начало. Годрик прочёл имя, затем велел дать выписку из архива.

Некоторое время он молчал. За спиной Нолы скрипнул сапог стражника.

— Его почерк вы узнаёте?

— Да. Он меня учил. Я много раз видел, как он пишет.

— Иначе подтвердить письмо можете?

— Других его писем со мной нет.

Годрик вернул лист.

— В запросе так и запишите. Ученик опознал почерк. Не королевская канцелярия.

Писец поднял голову, ожидая продолжения. Король показал ему на архивную строку.

— Эта отметка означает собрание. Четыре надреза нужны были, чтобы отличать его опечатывание от соседнего. Они не означают, что автор письма служил мне.

— Я понимаю. Мне нужно узнать, зачем он искал эти бумаги.

— Вы уже читали их?

— Нет. Мне дали только запись о передаче.

— Тогда начнёте с места хранения. На запад ушло несколько частей свода. В какой из них нужное вам дело, из этой выписки не видно.

Он произнёс это без раздражения. Я потянулся за листом, потом убрал руку: король ещё смотрел на него.

— Если вы разрешите…

— Я разрешу запросить опись и сведения о доступе к этому собранию. Изъять книги, открыть чужое хранилище или арестовать человека моей подписью вам не позволят. Запад подчиняется Арториасу.

— А если откажут отвечать?

— Получите отказ с именем того, кто его дал. И передадите через канцелярию. Вы едете за сведениями, Арден, не предъявлять соседнему королевству обвинение.

Меня покоробило, что он заговорил об обвинении раньше, чем я успел попросить о помощи. Я посмотрел на лоскут и понял, откуда взялось это предупреждение. Если бы я вышел отсюда с печатью и тем же отчаянием, с каким вошёл, на первом закрытом пороге мог сказать лишнее.

— Мне нужно найти убийцу, — повторил я тише. — Не начать войну.

— Тогда берегите то, что знаете наверняка.

Годрик велел писцу подготовить письмо к западному хранителю через канцелярию Калимора. В нём следовало назвать собрание, приложенную выписку и мои вопросы. Для лекарского груза составить другой запрос.

Я хотел поблагодарить и уйти, пока он не передумал. Нола осталась на месте.

— О рабочих, ваше величество. После показаний они возвращаются домой. Люди Веллеров знают их имена.

Король посмотрел на неё.

— На проверку угроз выделят людей. И следствие должно продолжаться после отъезда ваших свидетелей. Мне не нужен второй такой доклад через месяц с теми же именами среди погибших.

Нола поклонилась. Я впервые за всё время приёма смог вдохнуть глубоко, не следя за каждым движением плеч.

У двери Годрик остановил нас ещё одним вопросом:

— Вы сами нашли вход к удерживаемым?

Я ответил, что вход нашли по работе нескольких человек, и назвал тех, кто спускался и проверял записи. Рогорн смотрел на стол, Нола — на короля.

— Запишите их отдельно, — сказал Годрик писцу. — Оплату за сделанное не задерживать из-за нового расследования.

За дверью нас снова встретил шум приёмной. Кто-то спорил о месте в очереди; пахло мокрой шерстью и перегретым воском. Я прижал свёрток к груди, проверяя, не помялась ли ткань. Она была всё той же. Ни королевский стол, ни печать на будущем письме не сделали её понятнее.

У лестницы Рогорн спросил, всё ли я забрал.

Я проверил письмо, выписку, ткань.

— Всё.

— Тогда получим мечи. Завтра придём за ответом писца.

* * *

К полудню следующего дня документы были готовы. Я проверил своё имя и название собрания в письме к западному хранителю.

Нола заверила копии наших здешних показаний. Подлинники остались у неё; западная дорога не должна была увезти с собой дело Веллеров. Адрес для ответа указали через «Старый грифон» и канцелярию. Рогорн спрятал свой запрос в плоскую кожаную сумку.

— Ты тоже едешь в Калимор? — спросил я.

— Да. По бочкам нужно видеть записи, а не ждать пересказа. И там ищут людей, пропавших на западной дороге. Спрошу о наших перевозчиках.

Я помолчал.

— Можно ехать вместе?

— Я рассчитывал предложить.

Во дворе он задержался у крытой служебной повозки. Возле заднего борта стоял седой конюх с кривым ногтем на большом пальце. Он придерживал длинный окованный ящик, пока возчик затягивал верёвку. Рядом лежал второй, короче и шире, накрытый грубым холстом.

Я отступил, пропуская носильщика. Когда подошёл снова, Рогорн уже говорил конюху:

— Вези с западным служебным обозом. В «Трёх ветлах» оставь всё в запертой кладовой. Коня поставь там же. Сам дождись меня.

— Ковку проверили. На дальних переходах поведу без седла.

— Хорошо. Хозяину за корм заплати вперёд. Не заставляй его угадывать, когда я приеду.

Конюх кивнул. Рогорн протянул ему кошель и взял расписку за два ящика. В повозке уже лежали запасные упряжи и тюки с одинаковыми складскими метками.

— Твои вещи? — спросил я, когда мы вышли из двора.

— Тяжёлое снаряжение. И мой конь пойдёт с этим обозом. Для лесной проверки всё это только мешало бы. На открытой дороге может понадобиться.

— Почему не берёшь сразу?

— Обоз выходит раньше и идёт без наших остановок. Довезёт до постоялого двора. Нам не придётся нагружать Орлушу.

Это была достаточно веская причина, чтобы Ягель согласился, даже не слыша остальных.

С Ягелем мы говорили вечером. Он сидел в своей повозке, уперев пятку в борт, и пересчитывал ремни для груза. Внутри пахло вымытым деревом и травой, которую он положил сушиться под крышей.

— Калимор, — повторил он. — А я уже почти подписался туда.

— Что повезёшь?

— Полотно. Воск. Две коробки медных застёжек. То, что не разговаривает, не дерётся и при правильной упаковке доезжает в том же количестве.

— После твоих ложек я бы застёжки пересчитал.

— Вот поэтому считать буду я.

Он подвинул ремень, освобождая мне место. Я сел на край, стараясь не наступить на его постель. Ягель спросил, сколько у меня денег и собираюсь ли я работать в дороге. Мы посчитали плату за место для вещей, общую еду и то, что я мог отдать сейчас. Моя помощь на погрузке и уход за Орлушей шли в расчёт; ночные дежурства делили между всеми, кто ехал вместе.

— При каждой лишней работе договариваемся заново, — сказал я.

— Помню. Уже выучил.

Ягель пометил сумму в своей книге, показал мне и убрал деньги отдельно от платы за товар. Он не предложил ехать даром. От этого договориться оказалось легче.

Освина я нашёл на следующий день у законченного подъёмника. Мастер стоял под навесом, задрав голову к оси, и слушал, как барабан выбирает канат. Наверх шёл ящик с камнями. Двое рабочих тянули за рукояти; третий ждал у площадки с длинным багром.

— Теперь тормоз, — сказал Освин.

Рабочий опустил рычаг. Ящик остановился. Освин считал про себя, глядя на его нижний край, потом попросил освободить ворот. Рукояти остались неподвижны, канат держал груз.

Мы повторили проверку ещё дважды. Только после этого Освин позволил снять камни. У стены стоял представитель нанимателя с приготовленной платой. Он подписал рекомендацию прямо на ящике, которым прежде подперли дверь.

Освин провёл большим пальцем по ещё влажной подписи и выругался на себя. Чернила слегка смазались, но имя можно было прочесть.

— В Калиморе есть работа? — спросил я.

— Переправа. Им нужен подъёмный механизм для тяжёлых возов. Сначала посмотрю опоры. Если там половина берега уходит в воду, ни за какой аванс не возьмусь.

— Ты один такой не построишь.

— Потому и не один. Я говорил тебе про артель. Нужны заказ и договор, с которым люди согласятся оставить другую работу. Этот подъёмник теперь можно показать тому, кто спросит, что мы умеем.

Он разгладил рекомендацию на ладони. Улыбнулся ей раньше, чем мне.

Мы договорились выйти в один день. Освин возьмёт инструмент, запасные крепления и заплатит за свою долю еды. На повозке Ягеля ему отвели место для двух ящиков; остальное он перебрал при мне, отложив вещи, без которых мог обойтись. Самый большой молот пришлось оставить на хранение у здешнего мастера под расписку.

Вечером в общем зале Рогорн расстелил карту между нашими кружками. Ягель сразу сдвинул свою подальше от края бумаги.

До Калимора выходило около пятидесяти дней с грузом, если переправы не задержат надолго. На карте были отмечены места, где можно купить зерно, сменить колесо или найти лекаря. Запас еды до следующей надёжной стоянки Рогорн велел считать с лишними днями. Я спросил, где дорога обходит горную осыпь, и Освин подвинул лампу, чтобы мы разглядели тонкую линию у реки.

Мы просидели до закрытия кухни. Когда Элоиза сняла со стола последнюю миску, решение уже было принято: уходим на четвёртое утро после приёма у короля. Вчетвером.

* * *

Накануне отъезда я зашёл к Сетти. Он посмотрел предплечье, проверил, не тянет ли старый шрам на бедре при глубоком шаге, и попросил сжать его ладонь. Правая рука слушалась. Свежую кожу он велел не натирать ремнём; мазь отдал в маленькой банке и назвал цену.

В лечебнице было тихо. Я невольно посмотрел на дверь комнаты, где лежал Бренн. Там сменили занавеску. Изнутри донёсся незнакомый кашель.

— Его мать добралась? — спросил я.

— Извозчик вернулся. Сказал, довёз до дома.

Я кивнул и убрал банку в сумку.

Сетти не обещал, что в дороге всё будет хорошо. Он ещё раз заставил меня показать, как я надеваю щит, и поправил ремень, чтобы тот не проходил по ссадине. Потом позвал следующего.

По пути к Бернару я купил плотный промасленный холст для писем. Бернар проверил крепление моего меча, провёл пальцем по краю щита и попросил показать чехол с обломком.

Чехол я взял с собой, собираясь в мастерскую. Вынул его из сумки и положил на верстак. Мастер открыл клапан, не касаясь линии излома, осмотрел деревянные щёчки и подтянул одну завязку.

— Вещи на него сверху не наваливай. И никому не давай ровнять слом. Если найдёшь вторую часть, края должны остаться такими.

Я хотел спросить, верит ли он, что такое возможно, но не стал. Бернар уже рассказывал, что сможет сделать и чего обещать нельзя. Я поблагодарил его за чехол и убрал обломок в сумку вдоль жёсткой стенки.

Мара открыла мне с мокрыми руками. За её спиной Эдрик чистил от налипшей глины деревянную кадку. Лицо ещё было худым, но рубаха сидела на нём ровно; медная птица пряталась под воротом на новом шнурке.

Он поднялся, чтобы поздороваться. Мы пожали руки. Я заранее приготовил слова о том, что уезжаю, и сказал их слишком торопливо, словно просил разрешения.

— Надолго? — спросила Мара.

— До Калимора почти два месяца. Дальше пока не знаю.

Она посмотрела на мою сумку, потом позвала внутрь. Я отказывался от еды, потому что Элоиза ждала к обеду, но в итоге ушёл с завёрнутым пирогом. Эдрик дошёл со мной до поворота. Мы поговорили о работе у прачечной, о том, что ему пока нельзя поднимать полные кадки. Про сарай он не сказал ни слова.

На прощание он придержал мой локоть левой рукой.

— Если узнаешь что-нибудь про своего учителя, напиши матери. Она спрашивать будет.

Я обещал.

В «Грифоне» мне оставалось расплатиться. Элоиза принесла счёт, и мы проверили дни, обеды, стирку и корм для Кусаки. Я выложил монеты. Она пересчитала их, отодвинула сдачу и закрыла книгу.

— В комнате ничего не оставляешь?

— Ничего.

— Тогда ключ утром на гвоздь у двери. Если ещё понадобишься Ноле, скажу, куда направлять письмо.

Мне хотелось, чтобы она добавила что-нибудь про возвращение. Элоиза посмотрела на меня, будто поняла, чего я жду, но только спросила, есть ли сухая рубаха поверх вещей. Пришлось подняться и переложить сумку: сухая рубаха лежала в самом низу.

Кусака ждал в тёплом углу сарая. О дороге я рассказал ему ещё накануне; он не понял, сколько это — пятьдесят дней, зато несколько раз переспросил, будем ли мы останавливаться на свету.

«Я поеду?» — спросил он, когда я поднял крышку.

«Со мной. Горшок возьмём и землю оставим эту».

Усик обвился вокруг моего рукава. Я дал ему подержаться, потом поднёс купленный у мясника обрезок. Створки сомкнулись с влажным щелчком. В Скайдейле он привык ждать меня по вечерам; теперь мне предстояло заботиться, чтобы у него было сухо и тепло на каждой нашей стоянке.

Ягель заглянул через плечо.

— Только не возле постели.

— Поставлю за ящиками.

— И не возле Орлуши.

Мы выбрали место у заднего борта, где решётчатую крышку ничто не прижимало сверху. Я закрепил корзину двумя ремнями, оставил тень от навеса и проверил задвижку. Для воды поставил рядом отдельную кружку. Ягель убедился, что ни один усик не достаёт до вожжей, и согласился.

До вечера ещё оставалось время. Люси ждала у задней калитки, держа в руках два яблока. Одно протянула мне.

Мы пошли без сумок и без поручений. Внизу шумел рынок; там можно было пропасть на час, пробираясь между тележками, но Люси повернула к старой лестнице вдоль стены. На верхней площадке было тихо. Между крышами виднелся Небесный мост, по которому я когда-то въехал в город, не умея представить даже следующего дня.

Люси села на низкий парапет. Я остался рядом. Она покрутила яблоко и положила между нами.

— Мама будет принимать твои письма, пока меня нет. Я попросила.

— Через прибрежный обоз?

— Когда он возвращается — через него. В остальное время через торговый двор. Я оставлю там, куда пересылать. И тебе напишу, где остановимся.

— До Калимора письмо сколько идёт?

— Если передают без задержки, четыре-пять недель. Нам придётся писать про то, что другой узнает уже после.

Я представил, как рассказываю ей о стоянке, на которой нас давно нет, а она читает и ищет это место на карте. Не хотелось начинать с предупреждения, что ответ может опоздать. Но было хуже оставить её считать дни, не зная дороги.

— Первое отправлю из Калимора, как только смогу, — сказал я. — Если найду надёжного посыльного раньше, передам с ним. Не буду обещать письмо с каждой стоянки.

— Я и не прошу. Только не пиши каждый раз, что всё прекрасно, если это неправда.

— А если всё действительно прекрасно?

— Напиши, что ел. Если весь день жевал одну лепёшку, я твоему «прекрасно» не поверю.

Я улыбнулся. Люси посмотрела на меня и тоже улыбнулась, но сразу отвела глаза к мосту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.